«Переславская флотилия погибла,
но заложенное ею дело
осталось жить, живёт и сейчас
в победоносном военном флоте СССР».

М. И. Смирнов

Михаил Иванович

СМИРНОВ

Собрание сочинений

В двадцати двух томах

Москва
2027

Михаил Иванович
СМИРНОВ

Том
ОДИННАДЦАТЫЙ

Усадьба Ботик

Москва
2027

ББК 63.3(2)л6
УДК □
С 50

Переславская краеведческая инициатива.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Смирнов М. И.
С 50 Собрание сочинений: В 22 томах / М. И. Смирнов. — М.: ПКИ, 2027. — Т. 11: Усадьба Ботик. — 108 с.

В селе Веськово в усадьбе Ботик с 1803 года работает музей, где среди памятников потешной флотилии выставлен ботик Петра I «Фортуна». Том посвящён истории этих мест, судьбе кораблей, петровского дворца и музея.

ББК 63.3(2)л6
УДК □

🄯 Свободно от ограничений.

От редакции

Почти все работы Михаила Ивановича Смирнова, посвящённые усадьбе Ботик, были опубликованы автором.

Юбилейный очерк, которым открывается том, был издан с искажениями в цитатах. Цитаты проверены и исправлены, ссылки даны в редакционных примечаниях.

Соавтор очерка Борис Владимирович Иваненко был другом Михаила Ивановича Смирнова. Он родился в 1890 году, жил в Москве, сотрудничал в Центральном бюро краеведения и написал одну брошюру.* Во время войны был эвакуирован в Куйбышев. Больше о нём ничего не известно.

Числами отмечены сноски автора, звёздочками сноски редактора. Жирные номера страниц в указателе означают полное имя и отчество.

* * *

Этот файл — полуфабрикат. Вот его главные проблемы:

- не найдена рецензия,
- нет одной статьи, что написана в 1927 году для «Красной Нивы»,
- литература не проверена (та, которая отмечена цветом),
- нет археографической справки,
- нет иллюстраций (если они вообще нужны),
- есть мелкие проблемы с гармоничной вёрсткой по страницам.

**Иваненко, Б. В.* Указатель руководящих материалов в области музейного дела и охраны памятников искусства, старины, революционных движений, природы и прочего, изданных высшими правительственными органами и Наркомпросом РСФСР до 25 мая 1929 г. / Б. В. Иваненко. — М.: ЦБК, 1929.

ЧЕРНОВИК

ЧЕРНОВИК

Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского

Иваненко, Б. В. Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского. К 125-летию находящегося в ней Петровского Музея (1803 г.—1928 г.) / Б. В. Иваненко, М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. — Переславль-Залесский: Государственная типография № 12, 1928. — Т. 9.

ЧЕРНОВИК

ЧЕРНОВИК

Введение

Среди окрестностей Переславля-Залесского, славящегося живописными уголками и местечками, самой большой известностью пользуется историческая усадьба «Ботик», расположенная на южном возвышенном берегу Плещеева озера в 4 километрах от города. Это излюбленный пункт переславцев для летнего отдыха и прогулок. Главную прелесть его представляет окружающая природа и прежде всего прекраснейшее из озёр средней полосы РСФСР Плещеево озеро, расстилающееся в подножии горы и уходящее отсюда в синеющую даль горизонта. Вся картина его в овальной рамке берегов прекрасно видна отсюда и доставляет глубокое наслаждение каждому, умеющему чувствовать красоту природы. (3)

А в дополнение к этому есть традиция. Сюда ведёт проторённая веками тропа. Здесь происходят народные гулянья, устраиваются празднества. Так было раньше, так делается и в наши дни, но с иным содержанием.

В основе этого лежит яркий исторический факт, выделивший это местечко из окружающих берегов Плещеева озера. Этот факт отразился прежде всего в его названии. «Бот — ботик», наименование морского судна, единственного уцелевшего из всей Петровской флотилии на Переславском озере, стало именем усадьбы, в которой центральное место занимает этот бот «Фортуна», хранящийся в Музее, построенном в 1803 году, а далее монументальные сооружения и жилые здания.

Всё это вместе взятое и придаёт усадьбе «Ботик» особый интерес и прелесть, привлекающую туда посетителей.

Исполняющееся в текущем году 125-летие основания здесь Петровского Музея даёт повод вспомнить историческое прошлое этого уголка и посвятить ему настоящее издание.

ЧЕРНОВИК

I. Веськое (Веськово)

(4) Усадьба «Ботик» находится в непосредственной связи с селом Веськовым и выделена из его владений. Поэтому необходимо сначала коснуться прошлого этого села, а затем перейти к истории усадьбы.

Село Веськово, по прежним документам Весьское, а чаще Веськое, расположено на берегу Плещеева озера в два порядка. По левому берегу речки Веськовки по пологому подъёму от озера к куполообразному холму, известному под именем «Князька», и вдоль Калязинского тракта параллельно берегу озера, но вследствие его низменности и влажности в расстоянии $^1/_4$ км от воды.

По переписи 1926 года в Веськове значится 65 дворов, населения 371 человек, в том числе мужчин — 162, женщин — 209 человек.

Судя по его названию, оно финского происхождения и может быть объяснено как основанное «весью», финским племенем, родственным мере, или «весе мäри» — иной особливой мерей.[1] Последнее вероятнее, ибо по свидетельству летописи на Клещине озере сидела именно меря. Произошло это, несомненно, очень давно, надо думать, не позднее VIII века нашей эры, когда начали оседать по берегам озера славяне; таким образом, можно считать, что Веськово существует вторую тысячу лет.

В X веке оно было славянским посёлком, как это можно судить по археологическим памятникам, существовавшим до 1853 года. Экспедицией графа Уварова, работавшей здесь под руководством П. С. Савельева, найдено было вблизи Веськова четыре славянских кладбища, заключавших в себе 414 курганов разной окружности и высоты.

Самая большая группа их была расположена на горе Гремяч, как называлась тогда усадьба «Ботик».

> На вершине этой горы, — пишет граф Уваров, — теперь сооружён памятник Петру Великому, и тут хранится знаменитый его ботик. Вся эта гора покрыта курганами, и даже то место, на котором поставлен памятник, покрыто было ими, хотя они уже заравнены при разведении сада. Саженях в 30 или 40 [75 м] к западу от памятника начинался заметный ряд курганов, которые продолжались и по скатам горы до топкого берега озера.*

---

[1] *Кузнецов, С. К.* Русская историческая география: Курс лекций, читанный в Московском археологическом институте в 1907—1908 г. С. К. Кузнецовым / С. К. Кузнецов. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1910. — Т. 1. — С. 156.

---

* *Уваров, А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров. — М.: Синодальная типография, 1872. — С. 23.

ЧЕРНОВИК

На самой горе по дневнику раскопок значится 279 курганов, по склону горы к Калязинской дороге — 109, затем на другой стороне дороги близ мельницы 25 курганов, и, наконец, близ моста через речку Веськовку в самом селе у подножия горы Мемеки (Немеки) — 1 курган. (5)

Несомненно, что первоначально курганов было значительно больше и многие из них не сохранились. Особенно это нужно сказать о кладбище вблизи самого села, которое могло быть постепенно застроено и из него остался один только курган; затем на горе Гремяч в конце XVII века, когда строили дворцовые хоромы со службами и деловой двор, то неизбежно разорили часть их, а затем при установке памятника Петру и устройстве сада сравняли площадь горы на значительном пространстве, и тем не менее, археологическая экспедиция нашла здесь, как указано выше, 414 курганов.

Все эти курганы вскрыты были ею до одного в течение 18 дней, с 18 июня по 6 июля 1853 года. Рабочих было в среднем 90 человек при одном наблюдателе ежедневно. Работа велась с лихорадочной быстротой. На горе Гремяч 279 курганов были вскрыты в 15 дней, следовательно, в один день 18 в среднем. Это ещё замедленный темп, ибо находки этих курганов, необычайно интересные, задерживали внимание наблюдателя дольше, чем в других местах. Курганы у мельницы разрыты были все 25 штук в один день, — на откосе горы в два дня, следовательно, $54^1/_2$ в день.

Это те самке раскопки, произведённые на заре зарождения русской археологической науки, о которых профессор А. А. Спицын совершенно верно заметил, что они «будут долго оплакиваться наукою и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок».[1]

В настоящее время от бывших курганов остались следы только в одном месте, и то, очевидно, благодаря тому, что их спасли деревья, быстро укоренившиеся в разрытой почве. За дворцом с западной стороны, в крупной осиновой пóросли усадьбы «Ботик» и далее в орешнике на земле общества крестьян с. Веськова сохранились всхолмления раскопанных курганов около трёх десятков, из которых очень многие поражают обширностью своих размеров. В других же перечисленных выше местах исчезли по разным причинам все признаки бывших исторических памятников и затруднительно указать точное место их.

Тем ценнее сохранившиеся остатки и, несмотря на их полуразрушенность, заслуживают с нашей стороны внимания и охраны, а может быть, даже своей внешней реставрации в качестве памятников культуры особого значения.

Нужно сказать, что на берегу Плещеева озера было два выдающихся гнезда славянской культуры: Городище Клещино и село Веськово. На первом было обнаружено археологической экспедицией 1 406 курганов, в Веськове же хотя значительно меньше, но по культурной ценности обнаруженных в них находок Веськовские курганы стоят на одном из первых мест, особенно те из них, которые расположены наверху горы Гремяч и остатки которых сохранились до нашего времени. (6)

Здесь преобладали могилы с сожжением. По словам графа Уварова,

[1] *Спицын, А. А.* Владимирские курганы / А. А. Спицын // Известия Императорской Археологической Комиссии. — СПб., 1905. — Т. 15. — С. 90.

ЧЕРНОВИК

> Между всеми могилами с сожжёнными костями самая замечательная находилась на известной горе Гремяч, в обширном кургане в 39 аршин [27,7 м] в окружности и в $3^1/_2$ аршина вышины. [2,5 м] По снятии кургана, на глубине $3^1/_2$ аршин, на самом материке, сглаженном с каким-то особым искусством, на пространстве около аршина в длину и полуаршина в ширину, нашли круги, расписанные красною и жёлтою красками и золотом. Краски и позолота снимались слоями вместе с землёю, но потом мелко крошились. На узорчатом материке этого кургана лежали жжёные кости и угли, между которыми найдены: две круглые серебряные привески с выпуклыми арабесками в виде перевитых змей, серебряный крест, гладкий, с овальным отломанным концом, и деревянное ведро с железным обручем и коромыслом.*

Но тут же и особенно в курганах на косогоре большинство могил заключало в себе погребения в гробах, остатки которых находились довольно часто. Но в том и другом случае, то есть и сожжения, и погребения, могилы в современном понимании этого слова не делалось. Труп покойника или его сожжённые кости полагались прямо на материк и обсыпались землёй со сторон, причём насыпи давалась круглая форма.

Но были курганы братские, в которых похоронено было по несколько человек, и притом в разное время, на разных глубинах и разными способами. В этом отношении особенно любопытен курган у горы Мемеки.

> Окружность 72 аршина, [51,2 м] вышина 5 аршин. [3,6 м] На глубине $2^1/_2$ аршин показался первый ряд могил, заключавший в себе три остова, из которых у одного найден у левой руки железный ножик. Под ним шла насыпь на $^1/_2$ аршина глубины, на которой оказалось ещё восемь могил, расположенных клинообразно ; в каждой было по одному остову. Из них у одного найден у левой руки ножик, у другого на поясе — два бронзовых кольца, у третьего на шее — две бусы из зеленоватого стекла, на груди вызолоченная привеска в виде полумесяца; несколько ниже, на груди же, две серебряные узорчатые бусы или пуговки и тонкая серебряная витая нитка. При остальных пяти остовах не было никаких вещей. Далее была насыпь ещё на два аршина. На самом грунте, во всю площадь кургана, оказался слой угля и жжёных костей и между ними слитки бронзовых вещей, блях и стеклянных бус.**

(7) Некоторые из курганов окружены были кольцом камней, но очень немногие. В других, как полагает граф Уваров, были устроены особые срубы, в которых клали покойников. «Мы полагаем, что большая часть следов сгнившего дерева... не суть остатки гробов, а остатки особых деревянных незначительных построек, воздвигаемых над некоторыми особыми гробницами для защиты их от тяжести насыпной земли».***

Разные способы погребения, обнаруженные в Веськовских курганах, свидетельствуют о разных временах их совершения. Наиболее древние курганы с сожжением, затем моложе их курганы с погребением. Датирован монетой один лишь курган, в нём оказалась саманидская монета 900 года.

**Уваров, А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров. — М.: Синодальная типография, 1872. — С. 56.

**Там же. — С. 182.

***Там же. — С. 59.

ЧЕРНОВИК

Но нужно считать, что большинство погребений было позднее этого времени и часть их падает на христианскую пору, отмеченную находками бронзовых и других крестиков.

Соответственно этому найденные при раскопках вещи тоже относятся к разным векам, но вследствие неудовлетворительности приёмов археологических раскопок точно классифицировать это невозможно.

В настоящее время установлено, что большинство найденных комиссией в Переславском крае вещей в курганах относится к XI—XII векам и в своей массе принадлежит Смоленским кривичам.[1]

Обычное положение покойника в могиле лицом на восток, отклонения замечены редко, — положение рук не одинаковое:

1) с обоими протянутыми руками,
2) с правой рукой протянутой, а левой сложенной на груди,
3) левой протянутой, а правой сложенной на груди, и наконец
4) с обоими руками, сложенными на груди.

Расположение вещей при покойнике, снаряжённом в загробную жизнь по мере его экономического и социального значения, было более или менее одинаково: в верхней части, именно у черепа, височные кольца и серьги, ниже черепа на шее и груди — ожерелья, цепочки, позумент, на плечах — подвески треугольники и коньки, — на руках — браслеты и кольца, на поясе — пряжки, огниво, кремни, точилки, ключи и прочее, у левого бедра — ножи, у правой ступни — копья, топоры и прочее, в ногах — глиняные горшки. Нередко встречались погребения вместе с всадником его коня с удилами и конской сбруей.

Вещей этого рода здесь добыто было большое количество. Первоначально они хранились в Москве в Румянцевском Музее, а в революцию переданы в Исторический Музей.

Среди них, относящихся к числу украшений покойника, как редкость в курганном инвентаре, были серебряные и даже золотые вещи, но в самом ограниченном количестве.

Граф Уваров отмечает: «Только в трёх могилах мы нашли золотые кольца (8)
от серег: раз — в курганах у села Васильков — с красною глиняною бусою, другой раз — в курганах у села Веськова — одного образца с предыдущим, и наконец третий раз — в курганах у села Городища — из одного гладкого кольца».*

Серебра было больше, но оно было такое же миниатюрное и состояло из височных колец, серег, проволочки и других лёгких вещей.

> ...У одного остова в кургане у села Веськова (курган № 1436), у правого виска лежало одно серебряное кольцо, а у левого — два бронзовые.
>
> ...Остов; у правого виска найдено пять серебряных, у левого — девять медных проволочных колечек. (Курган № 1097.)

[1] *Спицын, А. А.* Владимирские курганы / А. А. Спицын // Известия Императорской Археологической Комиссии. — СПб., 1905. — Т. 15. — С. 84—172.

* *Уваров, А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров. — М.: Синодальная типография, 1872. — С. 104.

ЧЕРНОВИК

...Остов; у него в ухе серебряная серьга с сохранившимся локоном тёмнорусых волос. (Курган № 888.)

...Остов; в правом ухе серебряная серьга с одним прорезным шариком, на шее бусы, 17 позолоченных и посеребрённых мелких и одна продолговатая зелёного цвета; на груди круглая серебряная привеска с ушком, с выпуклым изображением животных, на правой руке серебряное плоское кольцо. (Курган № 1098.)

...Остов; в правом ухе кольцо из серебряной проволоки, на шее 18 глиняных бус. (Курган № 1100.)

...Остов; в правом ухе серебряное, а в левом бронзовое проволочное кольцо, на правой руке кольцо с узором. (Курган № 1125.)

...Жжёные кости, угли и черепки; между ними тонкое золотое колечко с продетою в него глиняной бусой красного цвета, две серебряные серьги с узорчатыми дутыми шариками и два таких же шарика отдельно. (Курган № 27.)*

Если прибавить к этому три проволочных браслета и одну арабскую монету, то этим исчерпывается всё найденное здесь серебро.

Большинство украшений было бронзовое. Из них следует отметить подвески и особенно многочисленные запястья (браслеты), пряжки и прочее.

...Остов лицом к востоку; у него над головою железный наконечник стрелы или метательного дротика; в правом ухе два бронзовых проволочных кольца — одно большое, другое поменьше; на шее бусы (одна сердоликовая, продолговатая, 17 из синего стекла) и одна косточка; на правой руке выше локтя плоский бронзовый браслет; у левой руки булатный ножик; в ногах такая же стрела, как у головы. (Курган № 817.)

...Курган № 950. Частью сломанные и обгорелые бронзовые узорчатые бляхи от пояса...

(9) ...Курган № 1051. Черепки, жжёные кости и между ними в углях четыре узорчатые бронзовые бляхи с пояса.

...Курган № 955. Жжёные кости и черепки, измятая и сломанная узорчатая бронзовая пряжка в виде овальной чашки и ножик. (Фибула.)

...При жжёных костях две пряжки. (Курган № 1491 и многие другие.)

...Жжёные кости, между ними обломки медных весков и гирька. (Курган № 892.)

...Жжёные кости, бронзовые бляхи от кушака, две чашечки от весков и посеребрённый черенок на конце от гребня. (Курган № 981.)**

От одежды покойников найдены незначительные остатки позумента и шерстяной ткани.

...Совершенно сгнившие кости; в ногах большой топор, на поясе медное плоское кольцо, точильный камень просверленный и остатки мешка, из тиснёной кожи с медными бляхами, в мешке отломанная четверть саманидской монеты X века, под мешком остаток шерстяной ткани от одежды, на поясе ремень с медными бляхами и ножик в деревянных ножнах с остатком же деревянной резной рукоятки. (Курган № 831.)

*Там же. — С. 103, 160, 179.

**Там же. — С. 156, 215, 166, 210.

ЧЕРНОВИК

...Могила мужчины с сохранившимся куском шерстяной ткани от одежды. (Курган № 989.)

...Обгорелые куски шерстяной одежды. (Курганы №№ 925 и 988.)*

Оружие и хозяйственные вещи железные. Из них приходится отметить множество найденных ножей, лежавших или на левой стороне, или в ногах, а также топоры.

О последних граф Уваров замечает:

Некоторые топоры, как большие, так и малые, имеют широкое тылье, ... так что в домашнем быту их, вероятно, употребляли как простые молотки. Следует обратить внимание и на то, что почти все найденные топорцы и секиры имеют круглое отверстие на средине лезвия. Исключения из этого правила очень редки, а между тем трудно объяснить — к чему служило такое отверстие.

Один только топор выделяется совершенно из всех остальных, как по своей форме, так и по массивности. Он почти квадратный, длиною в $2^3/_4$ вершка, [12 см] в ширину же в $2^1/_3$. [10 см] Он найден у села Веськова под правою рукой у плеча остова, вместе с двумя бронзовыми кольцами от пояса и двумя ножами.**

Найдены вместе с тем были железные ключи, иглы, ножницы и прочее.

...Жжёные кости, между ними два небольшие куска точильного камня, ключ в виде лопаточки и железная игла в виде шила. (Курган № 909.)

...Железная скоба, накладка и личина от замка, ключ на кольце и пробоина. (Курган № 1047.) (10)

...Вероятно, могила мужчины: тонкие удила из хорошего железа, ножницы и ключ. (Курган № 1045.)

...(Курган 1049) найден серп маленького размера и с особою формою изгиба.***

Из оружия, оправленного железом, оказались наконечники копья и стрелы.

...Жжёные кости, черепки и между ними в углях небольшой булатный ножик и такой же величины оконечность метательного дротика. (Курган № 846.)

...Железные перья от стрел, найденные в курганах у села Веськова, весьма замечательны и доселе редко были находимы. Одно перо найдено с жжёными костями и железным ножиком; другое также находилось в могиле с жжёными костями и черепками, но оно не имеет такой правильной, красиво отделанной формы, как первое перо; вместе с ним не было других вещей.****

Кроме металлических изделий, в Веськовских курганах попадались в небольшом количестве костяные иглы или шила и гребни, и в большом количестве керамика в виде черепков и цельных горшков. Последние

*Там же. — С. 161.
**Там же. — С. 127.
***Там же. — С. 166 и 116.
****Там же. — С. 192 и 129.

ЧЕРНОВИК

заключали в себе жжёные кости, или же пищу для покойника, и ставились в ногах, а также в головах.

К последней категории изделий примыкают глиняные вещи, имевшие, по-видимому, культовое значение: фигура человека (идол), а также руки или лапы и другое.

Перечисленный инвентарь курганных погребений даёт возможность нам судить о хозяйстве и быте ранних жителей Веськова. Если признать, что в курганах были погребены только зажиточные из них, то и с этой оговоркой мы вправе думать, что в ту отдалённую эпоху, то есть в XI и XII веках, как отмечено выше, здесь было достаточно крепкое экономически население, жившее земледельческими трудами, но имевшее торговое сношение с востоком и западом, откуда оно получало дорогие ткани, украшения, монеты и прочее.

С таким только населением и можно было в половине XII века строить такую значительную крепость, какою был тогда Переславль, и ценное сооружение Преображенского собора, сложенного из белого камня, доставленного сюда на лодках из бывшего царства Болгарского с Волги.

Веськово было не единственным таким пунктом на берегах озера, в его
(11) окрестностях было немало подобных уголков, которые в своей массе затем составили основу Переславль-Залесского княжества, существовавшего с 1174 года по 1302 год.

Можно допустить догадку, что в это время Веськово, подобно многим другим окружающим Переславль селениям, обращено было здешними князьями в число подклетных своих сёл, а затем с присоединением Переславского княжества к Москве попало в состав дворцовых сёл великого князя Московского.

По крайней мере, в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, написанной около 1406 года, «Весьское и Родионовское с деревнями» назначено было им в случае его смерти великой княгине Софии Витовтовне, его жене.[1]

После составления завещания великий князь прожил довольно долго (до 1425 года) и за это время в судьбе дворцового села Весьского произошла перемена, обычная тогда. Оно было отдано в вотчину одному из важных бояр того времени, названному только по имени и отчеству Фёдором Андреевичем, каковым мог быть боярин Свибл или Кошка, родоначальник Романовых.

Эта перемена повлекла за собой другую. Желая купить «райское блаженство», новый владелец пожертвовал село Весьское и Соломидино самому знатному из Переславских монастырей Горицкому, находившемуся в соседстве с Весьским.[2] Туда же, кроме боярина Фёдора Андреевича, сделала

[1] Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Т. 1. — С. 72.

В «Историко-Статистическом Описании церквей и приходов Владимирской Епархии» (вып. 2, Владимир, 1895, с. 185) вместо Веськова это неправильно отнесено к Вёске. Ср.: *Плишкин, П.* Историческое, географическое, топографическое и политическое описание города Переславля Залеского / П. Плишкин. — М.: Университетская типография, 1802. — С. 117—118.

Село Родионовское теперь деревня Родионцево Глебовской волости.

[2] *Титов, А. А.* Синодики XVII века Переславского Горицкого монастыря / А. А. Титов. — М., 1902. — С. 11.

ЧЕРНОВИК

вклад «инока Афанасия», очевидно, его боярыня, также на село Весьское, видимо, умершая после него.

Таким образом, оно перешло в собственность Горицкого монастыря полностью от двух вкладчиков и всё ещё при жизни того же великого князя. В той же монастырской описи 1686 года, откуда мы заимствуем эти сведения, упоминается «жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича на село Весьское и на Радивоновское к наместником и тиуном несудимая».[1]

Следовательно, ещё до 1425 года село Весьское стало монастырским. Так как архив Горицкого монастыря погиб в значительной своей части ещё в пожар 1722 года, то, к сожалению, в немногих сохранившихся документах имеются только отрывочные сведения об этом периоде существования села.

Они начинаются прямо с 1628—29 года. По писцовой книге того времени в селе Весьском на речке Веське значится деревянная шатровая церковь (12)
в честь великомученика Георгия, двор монастырский, двор слуги монастырского, 4 двора детёнышей (работников) монастырских, 7 дворов крестьянских, 10 дворов бобыльских и 1 двор попов, всего 24 двора, людей в них 34 человек.

Пашни паханой монастырской 50 четвертей, [27,3 га] да крестьянской пашни паханой 40 четвертей, [21,9 га] да перелогом и лесом поросло 70 четвертей в поле [38,2 га] да в дву по тому ж. Сена на лугу Переславского озера и по Хахилевскому врагу 200 копен, [21,9 га] да у Переславского же озера по речке Куротне пожня Куротня, сена 150 копен. [16,4 га]

В 1653 году в приходе с. Весьского (то есть с деревнями — Сокольники, Дубовицы, Дядкино) считалось 47 дворов, но по переписи 1685—86 года в одном только селе был 41 двор, из них крестьянских — 14, бобыльских — 22, монастырских квасоваров — 4 и детёныша монастырского 1.

При этом замечено:

> И с того села Веського после переписных книг 186-го года (1678 года) убыло шесть дворов: 4 двора вымерли,.. 2 после пожара вышли к Москве. Всего в селе 41 двор, людей в них 132 человек. ... Всего с примерною пашни паханые и лесом поросло худые земли 240 чети, [131 га] а доброю землёю с наддачею 160 чети [87,4 га] в поле, а в дву по тому ж. Сена против старых писцовых книг по нынешнему письму сходно.

Кроме земледелия, веськовцы по зимам прирабатывали на стороне. В 1668 году они брали подряд на поставку 50 сажен дров для кирпичного завода подмосковного села Измайлова. Надо полагать, что эту работу им устроили земляки — крестьяне, переведённые за четыре года перед этим из д. Аламово «з жёнами и з детьми в село Измайлово на вечное житьё».

Дрова уговорено было поставить на срок 1-го марта того же 1668 года, на следующих условиях:

> А в то подрядное число, в пятдесят сажен, дрова подбирать села ж Измайлова на росчистных полях за Строкиным, межь дорог Володимерки и Стромынки,

[1]Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. — СПб., 1872. — Т. 2. — Отд. 3. — С. 130, № 149.

ЧЕРНОВИК

которые лежат с корени свалены, а в сажени не кладены и не гнилы; а которые складены в сажени и гнилы, и тех не возить. А будет тово валежнику чево в пятьдесят сажен не достанет, и им лес сечь на тех же росчистях, которые стоят подсушены и подожены; а целых дерев и в заповедных лесах и в рощах не сечь. А будет чево из стоячих дерев в подрядное число не достанет, и им дрова сечь, опричь государевых заповедных лесов и рощей. А дрова сечь мерою в длину, против Рузских торговых дров, в три аршина без чети, и сажени класть в вышину и поперёг в три аршина. [2,1 м] А дать им за сажень
(13) по дватцати по шти алтын по четыре денги; итого сорок рублёв. И наперёд тех подрядных денег половина — дватцать рублёв. Ис приёму Андрюшкина жь. Росписка в розходном столпу на записи. А порукою по них писаны того ж (Горицкого) моностыря слуги.[1]

По расчёту В. О. Ключевского, рубль второй половины XVII века равнялся 17 рублям конца XIX столетия и, следовательно, весь подряд по довоенной расценке составил сумму 680 рублей или по 13 р. 60 к. за кубическую сажень должья с распилкой и доставкой на место. Плату эту можно признать удовлетворительной и для крестьян довольно выгодной.*

[1]Дела Тайного приказа. Книга третья // Русская историческая библиотека. — СПб.: Сенатская типография, 1904. — Т. 23. — С. 917—918.

*Эти дрова были на четверть короче, поэтому дровяная сажень — не кубическая, а только 11/12 кубической сажени. Указана цена за дровяную сажень. Пересчитав её на кубическую сажень, получим на целый рубль выгоднее — 14 рублей 84 копейки.

ЧЕРНОВИК

II. Колыбель русского флота

В 1688 году лето было жаркое и в окрестностях Переславля-Залесского (14)
озимые хлеба поспели до Казанской. Крестьянка с. Веськова Устинья Ааронова рассказывала:

> Я жала рожь. Вдруг я вижу прямо от Горицкого монастыря, по горе, хлебом кто-то едет верхом на карем коне. За ним, не в дальнем расстоянии, тоже на конях едут ещё три человека. Тот что ехал впереди, остановился недалеко от меня и стал пристально смотреть на озеро. Долго он смотрел, и я досыта насмотрелась на него. Он был велик ростом и статен, в одежде, похожей на охотничью. Из-под шляпы с навесом видны были кудри русых волос. Лицо у него было несколько смугловато; глаза карие, быстрые; ус только пробивался. На бедре его висел меч; за поясом торчал охотничий нож; при нём был небольшой огнестрел. Вид его был строг; но я, заметивши на лице его какую-то радость, да не зная, кто он таков, а полагая, что он какой-нибудь барин охотник, сказала ему: эхче, барин, зачем хлебушко-то мнёшь! Он мне на это отвечал: не брюзжи, старуха, хорошо вам будет, и поехал далее по скату горы к Соломидину; за ним последовали и другие, в числе которых я узнала нашего Переславского наместника. Впоследствии я узнала, кто был таков этот барин...

Так именно рисуется в народной передаче первый приезд царя Петра Алексеевича на Плещеево озеро, и нужно сказать, что этому факту приданы черты художественной красоты и правдивости.

Это было тайное от его матери посещение Переславля, о котором он сам потом писал, что попал сюда под видом богомолья в Троице-Сергиев монастырь. Предшествовала этому, как известно, находка английского ботика в Измайлове и катанье на нём в окрестностях Москвы.

В предисловии к Уставу Морскому Пётр пишет:

> (Когда охота кататься) стала от часу более. Того для я стал проведывать, где более воды; то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился; а потом уже стал её просить и явно, чтоб там двор и суды сделать. И тако вышеречённый (Карштен) Брант сделал два малые фрегата и три яхты, и там несколько лет охоту свою исполнял.*

Первый вопрос, который возникает при чтении этих строк: зачем Пётр приезжал в Переславль — только ли затем, чтобы увидеть озеро, или найденный им в Измайлове в мае—июне того же 1688 года английский бот был перевезён сюда тайно и он на нём катался по Переславскому озеру?

Есть мнение, высказанное М. Поссельтом, что ко времени приезда Пет- (15)

Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 399.

ЧЕРНОВИК

ра бот был перевезён в Переславль сухим путём и царь в первый же свой приезд наслаждался эволюциями этого судна на озере под парусами. Затем водный простор навёл его на мысль не ограничиваться одним судном, а приступить к приведению в исполнение более обширных планов. Он тотчас же решился завести ещё несколько других судов и начать с ними совершенно другие опыты.[1]

На чём основано это мнение, нам неизвестно. Перевозка судов из Москвы в Переславль практиковалась позднее. Это верно. Но было ли так именно в данном случае, сказать положительно нельзя. Катанье по озеру могло быть устроено для Петра и на местных рыбацких лодках и он мог приехать сюда с готовым планом судостроительства, для чего ему надо было только убедиться в пригодности самого озера.

Озеро его очаровало и, возвратившись с «богомолья», он открылся матери в своей проделке и «стал просить явно», чтобы здесь «двор и суды сделать».

Волей-неволей разрешение было дано после настойчиво выраженного им желания, и часть того же июля и августа он снова проводит в Переславле. Но тут возникает целая серия вопросов: где жил Пётр в это время? Где жили корабельные мастера с Карштеном Брантом во главе? Где была верфь для судов? и так далее.

Документальных данных, откуда можно было бы получить исчерпывающие ответы на эти вопросы, мы не имеем. Местная легенда уверяет, что он поселился в настоятельских покоях Никитского монастыря, где самая лучшая комната второго этажа, выходящая окнами на озеро и город, до сих пор носит имя Петровской. В этом несомненно одно, что в то время самые лучшие палаты в Переславле были именно в Никитском монастыре; тогда как в остальных монастырях Переславских, да в самом городе жилые дома были только деревянные, здесь же было монументальное каменное здание, построенное ещё Иваном Грозным.

Так как Никитский монастырь тоже на берегу озера, то ничего не будет невероятного, что на первое время Пётр действительно остановился там.

Между тем в «справке», сообщённой из Переславля в Санкт-Петербург менее чем через 50 лет после смерти Петра, сказано, что «изволил жить в палатах близ самого того места, где строение судов происходило». Но
(16) это могло относиться к последующему времени, или же свидетельствует о том, что Пётр скоро переменил место своего первоначального пребывания и переселился ближе к верфи, где строились его суда.

Где они строились первое время, мы также не знаем. Возможно, что на устье р. Трубежа, как думают некоторые историки, а впоследствии вблизи с. Веськова, что установлено документально.

До постройки здесь специального своего двора он мог жить в зданиях Горицкого монастыря, откуда довольно близко и к устью Трубежа, и к селу Веськову. В зданиях же Горицкого монастыря, расположенных за его оградой

[1] *Posselt, M.* Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit / M. Posselt. — Frankfurt am Main: Joseph Baer verlag, 1866. — Vol. 1, 2. — P. 259—264.

Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или начало русского флота // *Морской сборник*. — 1863. — Т. 65, № 3 (март), приложение. — С. 5.

ЧЕРНОВИК

по направлению к с. Веськову на так называемом «Птичьем дворе», предание поселяет и иностранных мастеров-корабельщиков, привезённых в Переславль для строения судов. Впоследствии они жили на горе близ самого села, на правом берегу речки Веськовки, отчего с тех пор она стала носить ироническое название Мемеки (Немеки), так как иностранцы, очевидно, плохо или ничего не говорили по-русски.* Из них главным был Карштен Брант, кроме него Корт, затем позднее Класс или Никлассон, а есть известие, что самая верфь строилась потом голландцем Арриеном Меэтье. Приехали они в Переславль сразу, или постепенно один за другим и через известные промежутки времени, точных сведений тоже не имеется.**

Но во всяком случае в июле—августе 1688 года началась подготовка к постройке «потешной флотилии» в Переславле, производившаяся под руководством Карштена Бранта. Несомненно, что главная часть строительных материалов доставлена была зимой, и вероятнее всего, с зимы 1688—1689 годов и началась самая постройка потешных судов, делавшихся по типу морских. Работа производилась ускоренным темпом и ко времени вскрытия озера были готовы мелкие суда, очевидно, яхты.

Об этом мы узнаём из следующего письма самого Петра.

> Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушке, государыне царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу, а о твоём здравии слышать желаю; а у нас молитвами твоими здорово всё. А озеро всё вскрылось сего 20 числа, и суды все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет: и о том милости прошу, чтоб те канаты, по семи сот сажен, из Пушкарского приказу, не мешкав, присланы были. А за ними дело станет и житьё наше продолжится. Посём паки благословения прошу. Из Переславля. Апреля 20. 1689.***

Это письмо, как и ряд последующих других, писанных Петром с берегов Плещеева озера — единственные документы, освещающие этот момент в истории его «Потешной Флотилии».

В первом же письме имеются очень важные указания на то, что Пётр (17)
не просто наслаждался катаньем по озеру или терпеливо ждал, когда ему сработают суда иностранцы, а сам «пребывал в работе», сам в первый раз в жизни взялся за топор и начал проходить науку кораблестроения, законченную им потом в Саардаме. Корабельным плотником он стал впервые в Переславле.

Из следующих его писем узнаём, что он весь бы увлечён новой морской «потехой», но его постоянно отрывали от дела и требовали в Москву, так что в Переславле ему удалось быть очень немного: с 20 по 27 апреля и с 3 по 12 июля, всего, следовательно, в два приезда немного более двух недель. В это время (2/VI—1689 года) помер в Переславле корабельный мастер Корт, тем не менее, судостроение шло и «суда удались все зело хороши».

---

*Теперь на этой горе стоит Институт программных систем РАН.

**Арриен Барендссоон Меэтье (Meetje), алкмаарский уроженец. Смотри: *Полевой, Н. А.* Известия голландцев о начале в России флота и ботике Петра Великого / Н. А. Полевой // *Сын Отечества*. — 1838. — Т. 5. — Отделение 6, № 9, 10.

***_Устрялов, Н. Г._ История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 401.

ЧЕРНОВИК

Отделка их производилась придворными живописцами и художниками, присылавшимися сюда из Москвы для окраски и росписи судов. Костоусов Герасим «с товарищи» напоминал царю несколько лет спустя о своей посылке в Переславль-Залесский к корабельному делу в 1688 и 1689 годах по случаю того, что за это им «жалования не дано» было.

Кроме матери, требовавшей сына через посланца, Петру в Переславль писала его жена Евдокия Фёдоровна, рождённая Лопухина. Письмо это весьма характерно для суждения о ней и быте того времени.

> Государю моему радости, Царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, Государь, буди к нам не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьёт.*

Роковая борьба с Софьей, достигшая к этому времени высшей точки своего развития, заставила Петра надолго оторваться от Переславской потехи, и затем, по-видимому, забыть её и даже прекратить самое судостроение на Плещееве озере, где к тому времени спущены были на воду выстроенные Карштеном Брантом два небольших фрегата и три яхты.

Уехав из Переславля в июне 1689 года, Пётр больше двух лет не был здесь, но не прекращал своих прогулок по воде вблизи Москвы, как это можно видеть из дневника Гордона. Он пишет:

> 27 апреля 1690 года царь Пётр Алексеевич отправился на яхте в село Коломенское. Генералы (в том числе и Гордон) и другие офицеры следовали за ним на маленьких судах. Большие суда, на которых находились стрельцы, шли впереди. Выйдя в полдень, они пришли к назначенному месту с закатом солнца (пройдя пространство в 20 вёрст).

(18) На другой день флотилия отправилась далее и 30 апреля возвратилась в Москву. 1 мая устроена была вторичная поездка на судах. А зимой выстроена была в Москве к 14 марта 1691 года новая яхта, на которой Пётр плавал в полую воду по Москве же реке, останавливался в Николо-Угрешском монастыре и в поместьях разных дворян.

Мысль о Переславле появилась снова глубокою осенью или даже в начале зимы того же 1691 года, причём это вторичное возвращение к корабельной потехе на Плещееве озере обставлено было совершенно иначе, чем первый раз. Тогда Пётр довольствовался случайными помещениями, теперь же всё дело было иначе. 3 ноября состоялся царский указ Переславскому воеводе «для пришествия великого государя построить двор».

Это обстоятельство указывает на твёрдое решение Петра обосноваться здесь прочно, чтобы иметь своё собственное помещение, куда без помехи можно было бы наезжать в Переславль. Возможно, что этому решению предшествовало обследование Кубенского озера, находящегося недалеко от Вологды. Этот обширный водоём (60×5—10 вёрст), значительно удалённый

**Устрялов, Н. Г.* История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 402.

ЧЕРНОВИК

от Москвы, не смог привлечь к себе Петра как мелководный и опасный для плавания.[1] Переславское озеро было ближе и глубже.

К этому времени становится почти неразлучным спутником царя известный Франц Лефорт, «человек забавной и раскошной, или назвать дебошан французской», как характеризовал его один из современников. Очевидно, «обеды, супе и балы», к которым приучил он Петра в Москве, найдено было приятным и полезным переносить время от времени на Плещеево озеро. Но вместе с тем Лефорт, отличавшийся широким взглядом на вещи и разносторонними сведениями практического и теоретического характера, по свидетельству Голикова, первый обратил внимание Петра на возобновление корабельных занятий на Плещееве озере и вместе с потехой втянул его в серьёзное дело.

Могло быть и ещё одно обстоятельство, которое повлекло Петра в Переславль, это не выясненные его биографами отношения к одной девушке — Наталии Ивановне Взимковой, дочери умершего дьяка государевой палаты, в 18 лет бывшей монахиней Переславского Фёдоровского монастыря. «Такое раннее её монашество, — говорит монастырский историк, — предполагает какое-то особенное обстоятельство, приведшее её в монастырь».[2] А местная монастырская легенда отвечает на это, что она была в близких отношениях с влюбчивым царём и заточена сюда, чтобы замять скандал.

Так это или нет — сказать трудно. Но, в общем, могло накопиться (19)
несколько поводов и причин, чтобы у Петра явилось снова желание возобновить свои морские потехи на Плещееве озере. Это обстоятельство учтено было окружающими царя как прочное его намерение пробыть здесь долгое время. Так, генерал Патрик Гордон, человек большого придворного чутья, приобрёл себе здесь дом у плотника Ивана за 55 руб., что составляло на деньги конца XIX столетия около одной тысячи рублей. А для своего незаменимого «дебошана» царь распорядился выстроить особый дом вблизи своего дворца.

Местом для устройства «потешного двора» избрана была гора Гремяч, за монастырским селом Веськовым, поблизости к старинным курганам. С зимы 1691 года старинное кладбище ожило и к весне следующего 1692 года здесь возник целый городок. Тут выстроены были и «потешный двор», и новый «деловой двор». Так как на месте в Переславле многого из строительных материалов и принадлежностей достать было нельзя, то из Москвы ежедневно почти скакали гонцы и тянулись подводы с разными материалами.

По кратким записям расходных дворцовых книг того года мы узнаём, что дворец строился для «пришествия великого государя» не одного лично, а тут были хоромы царицы Евдокии Фёдоровны и царевича Алексея. «Слюдовые окончины» в их половину расписывал живописец Ивашко Новиков «по 4 гривны от окончины». Изразцовые печи делал «ценинных дел мастер» Ивашко Денешка, доставивший их сюда из Москвы сначала на 7, потом на 15 подводах.

---

[1] *Круглов, А. В.* Поездка на Кубенское озеро / А. В. Круглов // *Исторический вестник*. — 1898. — Т. 71, № 11, 12. — С. 664—668, 1047—1075.

[2] *Свирелин, А. И.* Переславский Фёдоровский женский монастырь / А. И. Свирелин. — 2 изд. — Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1903. — С. 30—34.

ЧЕРНОВИК

На постройку дворца пошло громадное количество леса: 40 срубов избяных и 10 срубов погребных, а кроме того, около 1 000 брёвен разной длины. Дворцовые службы состояли из четырёх изб, двух конюшен на 52 стойла и двух сараев каретных.

По соседству с потешным двором был поставлен «деловой двор», состоявший из кладовых и мастерских, в которых хранились и изготовлялись необходимые принадлежности и части судов. Он вмещал в себе шесть «анбаров», разной величины, шесть изб, крытых «дранью сканою», а на них «охлупные жёлобы с прикраскою», конюшни, сарай и забор со стороны озера.

Сзади делового двора были огорожены бревенчатыми заборами ещё два двора: один для хранения сена лошадям «остожный двор» и второй — «дровяной двор». Сюда «на государев новопостроенный двор для их государских походов» местное население было привлечено ещё зимою 1691 года выставить 500 сажен дров. [1 619 куб. м]

(20) По сохранившемуся народному преданию, царский дворец стоял на том месте, где теперь Петровский Музей, вмещающий в себе ботик «Фортуна», — только он подходил ближе к озеру. Против дворца к озеру был фруктовый сад. Вправо от дворца к с. Веськову находилась деревянная церковь Вознесения, отчего ближайший овраг получил название Вознесенского. Влево от дворца был колодезь, далее возвышение, известное под именем Гремяч, а за ним курганы («несколько холмов, расположенных рядами»); позади дворца амбары и погреба; за ними немного в сторону к селу Веськову стояла кузница.

Вниз к озеру от делового двора по скату горы шёл спуск, от которого до озера прокопан был канал. По этому спуску и каналу небольшие суда, изготовлявшиеся на деловом дворе, спускались в озеро. А большие корабли, надо думать, строились на лугу близ озера и затем по каналу вводились в него, а затем ставились на причал у пристани, устроенной на сваях против самого дворца.

По народной же памяти царский дворец стоял на двенадцати венцах, на пространстве восьми сажен [36 кв. м] и крыт был, одни говорят — черепицей, другие — железом. Оконницы были слюдяные, в одних комнатах простые, в других — с изображением разных фигур человеческих, цветов и животных. Вход во дворец был от озера; в него вели три двери, обитые войлоком; над средней дверью был прикреплён на железном шпиле двуглавый орёл из листового железа. Во дворце было пять комнат, — полы в них дубовые, печи изразцовые муравленные с изображением людей, птиц, цветов и зверей.

Но несомненно, в народной памяти многое утратилось, и на самом деле жилых строений здесь было гораздо более. В одной записке 1701 года упоминалось «о государевых хоромах, боярских избушках и поварнях». Недаром до сих пор сохранилось около 150 слюдовых окончин, что бесспорно говорит о наличности большого числа жилых домов. Далее, самый план расположения их на усадьбе вызывает сомнение, — так кузница, принадлежавшая к деловому двору, должна находиться слева от дворца, ближе к сохранившемуся до сих пор спуску. Сад находился не перед дворцом к озеру, а наоборот — сзади дворца, и так далее.

Дворец был окончен постройкой поздней весной или даже летом, а судостроение началось ещё зимой 1691 года. По новой программе предположено

ЧЕРНОВИК

было построить на Плещееве озере пять новых судов, о значительных размерах которых можно судить по количеству лесного материала, затребованного для постройки: 650 брёвен сосновых, длиною по 3 сажени, [6 м] толщиною по полуаршину, [36 см] 2 500 досок сосновых, длиною 3-саженных, толщиною по 2 вершка, [9 см] гладких 1 000 досок 3-саженных, толщиною в 1,5 вершка, 750 досок по 2 сажени, толщиною по вершку, и так далее.

Большие расходы на материалы, а главное, на содержание двора и служащих («про государев обиход») потребовали значительных средств. Кроме дворцовых расходов материалами из царских кладовых, здесь на месте понадобился специальный сбор, главным образом с монастырских вотчин «по гривне с двора» (по 1 рублю 70 копейкам на наши довоенные деньги). (21)

С Горицкого монастыря	96 рублей 13 алтын 2 денги
с Никитского монастыря	38 рублей 10 алтын
с Данилова монастыря	48 рублей 3 алтын 2 денги
с Фёдоровского монастыря	28 рублей
с Рыбной слободы	13 рублей 10 алтын
с Ростовского митрополита	434 рубля 16 алтын 2 денги
с Симской волости	84 рубля 13 алтын 2 денги

А всего 743 рубля, что на наши довоенные деньги составляло 12 631 рубль.

Так же, как и в первый раз, новый период Переславского судостроения Пётр открыл лично сам. Он приехал сюда по зимнему первопутку и пробыл две недели. Писал отсюда матери (19 ноября 1691 года), что «во всяком изобилии пребывает на пользу свою». А затем после, с февраля месяца по сентябрь 1692 года в общей сложности провёл в Переславле-Залесском более ста дней.[1]

Голландский резидент барон ван-Келлер по этому поводу сообщал своему правительству (19 февраля 1692 года): «его величество младший царь Пётр Алексеевич живёт постоянно на даче и находит удовольствие в надзоре за кораблями, которые строят в Переславле, в трёх дневных переходах от Москвы».

Главное руководство и заведование постройкой кораблей было в руках иностранцев. Очевидно, надо считать, что по-прежнему вёл дело Карштен Брант. Но за его смертью (8/VI—1692 года) оно перешло к другим лицам. По сообщению Номена Шсельтема, одного из голландцев, проживавших в Москве, Пётр в это время принял на службу несколько голландских корабельных мастеров, из которых наиболее сведующим был Арриен Меэтье. Несомненно, что в это же время был на службе мастер Класс или Никлассон.

Но если в первый приезд Пётр был активным участником судостроения, то тем более во второй период, когда намечена была хотя и потешная, но весьма значительная и недешёвая флотилия, он не мог оставаться посторонним зрителем и «находить удовольствие (только) в надзоре за кораблями».

Он умел находить удовольствие в настоящем труде и работал как плотник. С ним вместе работали 16 человек преображенцев, его соратников (22)

[1] 8—26 февраля, 3—12 марта, 5—30 апреля, 1—9 мая, 22—31 июля, 1—28 августа, всего 102 дня.

ЧЕРНОВИК

по сухопутным военным потехам, во главе с Якимом Ворониным, способным и энергичным малым. По «господарскому приказу», данному князем кесарем Фёдором Юрьевичем Ромодановским, Пётр с своими «учениками» должен был к весне 1692 года соорудить корабль, что и было выполнено, хотя Петра много раз отрывали от дела и требовали в Москву.

Несомненно, что были исправлены прежние суда, построенные Брандтом, затем одновременно сооружалось несколько кораблей. Один из них отличался большими размерами. Это было настоящее морское судно, вооружённое по одним сведениям 24 пушками (князь Б. Куракин, «Гистория о Петре I»), а по другим (барона ван-Келлера) — «30 пушками тяжёлого калибра».

В дополнение к этой флотилии Пётр распорядился зимою ещё перевезти сюда с р. Москвы все мелкие суда, находящиеся там: яхты, карбасы, шняки и другие.

Таким образом, к вскрытию Плещеева озера здесь была довольно значительная флотилия, состоявшая из крупных и мелких судов. Это был первый русский флот. Наталье Кирилловне «недостойный Petrus» в коротеньком письме сообщал об этих судах, что «зело хороши все». Посмотреть и полюбоваться на эти суда он звал из Москвы своих приближённых. В конце апреля вызвал сюда генерала Гордона, который в этот именно приезд купил себе дом в Переславле и пробыл с 25 апреля по 2 мая. В его дневнике значится, что царь показывал ему с радостью все корабли, они катались по озеру, а 1 мая спустили на воду корабль, «причём мы были очень веселы», замечает он.

Голиковым это событие описывается подробнее:

> Великий Государь... 1 мая спустил построенные там суда на воду. Генерал Гордон, бывший там при Его Величестве, описал в журнале своём, сколь велико было его удовольствие от плавания и управления теми фрегатами; оно продолжалось несколько недель, и генерал Лефорт, яко первый подавший ему случай к построению сего малого, но первого флота, был тогда же пожалован генерал-адмиралом.
>
> Потешное войско было также при сём спуске фрегатов, или, лучше сказать, при сём празднике, что доказывается подённою запискою сего года, в которой записано, что когда Монарх 1 августа приказал быть крестному на озеро ходу, то во время погружения креста сам с фрегатов стрелял из всех пушек; а в то же время стоявшая на берегу строем пехота, командуемая генералом Гордоном, палила из мелкого ружья и из пушек.[1]

Первый флотский праздник на Руси, каким было это торжество, по мест-
(23) ному народному преданию, начался церковной церемонией, которая, в сущности, совершалась в Переславле с незапамятных времён и состояла в том, что из двух приозёрных церквей, Сорока мучеников и Введения, стоящих друг против друга на противоположных берегах устья р. Трубежа, совершался крестный ход на Плещеево озеро в шестое воскресенье после Пасхи для освящения воды. Воспользовавшись этим обстоятельством, Пётр приказал усилить церковную церемонию участием всех переславских церквей, чтобы придать церемонии более внушительный характер.

[1] *Голиков, И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 2 изд. — М., 1837. — Т. 1.

ЧЕРНОВИК

На рыбацких лодках, связанных парами и тройками, церковная процессия с крестами и иконами с духовенством в облачении проследовала по р. Трубежу до рыбацких церквей. Здесь отслужена была обедня, а после неё произведён был выезд на озеро для водоосвящения и окропления флота. В заключение церемонии происходила пушечная пальба с судов и со стороны потешных войск, бывших на берегу, а также «экзерциции» тех и других.

По окончании этой церковно-военной церемонии был устроен тот пир, по поводу которого Гордон и заметил, что на нём были они «веселы».

Каково было веселье на спуске кораблей в Санкт-Петербурге на Неве — это мы знаем прекрасно. Историк В. О. Ключевский говорит:

> Бережливый во всём, Пётр не жалел расходов на попойки, какими вспрыскивали новосооружённого пловца. На корабль приглашалось всё высшее столичное общество обоего пола. Это были настоящие морские попойки, те, к которым идёт или от которых идёт поговорка, что пьяным по колено море. Пьют, бывало, до тех пор, пока генерал-адмирал старик Апраксин начнёт плакать-разливаться горючими слезами, что вот он на старости лет остался сиротою круглым...

Нет никакого основания думать, что первый флотский праздник ознаменован был меньшей «Бахусовой потехой». Весёлый Лефорт, надо полагать, не ударил лицом в грязь и устроил всё дело на широкую ногу, как это делал он в Москве.

Расходные дворцовые книги содержат в себе сухие, но красноречивые указания на довольно частые отправки в Переславль «с сытного двора»: «питей», «ренского пряного», «сладкого доброго», «к водошному сидению» аниса, а для варки браг, пива и кваса привозилась посуда (чаны и котлы) и командировались мастера этого дела.

Отправивши праздник и вдоволь накатавшись по озеру, Пётр после месячного пребывания в Переславле (с 5 апреля по 9 мая) отправился в Москву, оставив наказ своим сотрудникам доносить ему о всех делах, касавшихся флотилии. До нас сохранилось одно такое письмо Якима Воронина, писанное (24)
тотчас же по отъезде Петра.

> Пишут ученики твои из Переславля-Залесского, корабельного дела мостильщики, щегóльного дела мастерства Якимко Воронин с товарищи 16 человек челом бьют за твоё мастерское учение. По твоему учительскому приказу нам, ученикам, что которую яхту опрокинуло в воде, и тое яхту мая в 9 день взняли и воду из неё вылили; а чердак у неё сломало, у юмферов железо переломало, и её взвели к мосту; и она зело качка, на одну сторону клонится. А другую яхту взвели тут же к мосту небольшими людьми и парусом, и взведши поставили на якорь. И по сие число шла она хорошо. (9 мая 1692 года.)*

Авария, о которой упоминается в письме, указывает на то, что не все суда были удачно выстроены, что одна из яхт отличалась качкостью и кренилась на один бок. Это понятно. Как ученические опыты Переславские суда

Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 360.

ЧЕРНОВИК

неизбежно должны были иметь те или иные недостатки. И нужно к чести их строителей сказать, что очень малый процент оказался таких неудачных сооружений.

Тем временем безостановочно и так же напряжённо шла дальнейшая постройка судов крупных и мелких. Выстроена была ещё галера (каторга), ботик, селёдки, шлюпы, шняки, карбасы и тому подобное. К сожалению, мы не знаем точного числа их всех и не имеем списка флотилии. Впоследствии в 1722 году их хранилось 87. Всем им даны были разные названия, разумеется больше на иноземный лад: «Фортуна», «Марс». Первое принадлежит хранящемуся в Переславле ботику, а второе самому большому кораблю, тому именно, который был вооружён 30 пушками, кроме того, одна яхта носила название «Анна». Всех кораблей было пять, как об этом согласно свидетельствуют барон ван-Келлер и Лефорт.

Таким образом, летом 1692 года Плещеево озеро было покрыто военными судами, снабжёнными артиллерией и экипажем. Нечего думать, чтобы последний состоял из одних переславских рыбаков. Здесь неизбежно должны быть военные из числа потешных, — были командиры, по крайней мере на крупных судах. Одним словом, к июлю месяцу Переславский «морской» флот представлял собою организованную военную единицу не хуже того, как это было с Преображенским и Семёновским потешными войсками. Адмиралом его по одним сведениям был, как сказано выше, Ф. Лефорт, а по другим князь Ф. Ю. Ромодановский.

Теперь можно было показать Москве — новое, невиданное дело, не удавшееся при отце Петра, свою «морскую потеху». Любоваться на эту диковину 22 июля отправился из Москвы «весь двор», под которым, конечно, нужно
(25) разуметь двор Петра и его матери Натальи Кирилловны. В Переславль-Залесский прибыли обе царицы, царевич Алексей и сестра Петра царевна Наталья Алексеевна.

По тогдашнему этикету и принятому обыкновению они сначала посетили Переславские монастыри и сделали туда вклады: в Данилов монастырь «ризы изорбав золотной, оплечье бархатное золотное по чёрной земле, два покровца воздух, аксамитные золотные и стихарь бойбирековой»; в этом же роде и другим монастырям. Затем поселились в потешном дворце на горе Гремяч, перед окнами которого расстилалась синяя даль озера, а внизу на пристани качались на воде невиданные ими до того времени корабли и другие суда.

В день первого Спаса (1 августа по старому стилю) Пётр повторил для своих гостей первомайскую церемонию. Снова был крестный ход на лодках из всех переславских церквей, совершивший водоосвящение на озере, снова царская флотилия салютовала из пушек и маневрировала потом по озеру.

11 августа был вызван из Москвы Гордон. На другой день по приезде (14 августа) он был приглашён обедать на адмиральский корабль, где Пётр угощал двор с большой пышностью. 18 августа около часа ночи подняли паруса и флотилия пошла через озеро. На рассвете бросили якорь на другой стороне, но вследствие противного ветра вынуждены были простоять до 1 часа пополудни 21 августа. С переменой ветра поплыли обратно и в 7 часов вечера бросили якорь у пристани.

Эти сведения, отмеченные в дневнике П. Гордона, показывают, что управление судами было налажено ещё слабо. Не могли справиться с ветром

ЧЕРНОВИК

и прождали несколько дней, пока он не переменился, чтобы двинуться обратно.

Но это едва ли огорчало тогда творца русского флота, — можно было радоваться, что сдвинулись с мёртвой точки и достигли того, что появился флот и появилась вместе с тем возможность учиться плавать на нём.

Петра в это время это время печалило другое: был опасно болен его неразлучный друг Лефорт, оставленный им в Москве, с поручениями. Заболев горячкою, заставившей его пролежать в постели двадцать дней, он находился в таком опасном положении, что доктора потеряли надежду на его выздоровление. Царь неоднократно посылал к нему из Переславля гонцов справляться о его здоровье. Это заставило Лефорта, едва оправившегося от болезни, поехать в Переславль, куда он прибыл 25 августа.

В письме в Женеву к своему брату он так описывает это обстоятельство:

> Флот в Переславле был готов, то есть пять кораблей, которые его царское величество обставил очень богато, одна галера и несколько мелких судов (26)
> на озере в 2 мили ширины и приблизительно в 4 мили длины. Но моя болезнь была причиною того, что я не мог там присутствовать. Так как их царские величества уехали туда до моей болезни и оставили меня здесь для исполнения их приказаний, пока я не получу письма о времени моего возвращения, то все были очень удивлены, услыхав о моей болезни. Я уверяю вас, дорогой брат, что их царские величества сделали мне честь посылать многих курьеров и даже особ с высоким положением, чтобы узнать о состоянии моего здоровья. Доктора ничего не упустили из своих обязанностей и, слава богу, я мало-помалу поправился. Так как я видел, что их величествам очень хотелось видеть меня в Переславле, то я решился пуститься в путь тотчас после моей болезни, чтобы засвидетельствовать там свою преданность. Расстояние (от Москвы) считают в 24 мили.
>
> Я не могу, дорогой брат, изобразить радости, которую выказали мне их величества и все придворные при моём приезде. Так как я имею честь командовать кораблём, который называется «Марс», и на котором их величества делают мне честь пребывать, то они тотчас же по моём приезде отбыли на названный корабль и выслали бригантину, чтобы отвести меня к их особам. Когда я вступил на корабль, они осыпали меня выражениями такой большой милости, что я не могу вам описать. Все пушки на нём дали залп, и после того как мне была показана богатая отделка и всё устройство моего корабля, мы вернулись на берег. В честь моего приезда, по приказанию царя, стреляли со всех судов, а потом повели в дом, который их царским величествам было угодно выстроить для меня; дом этот очень красив.
>
> На следующий день их величества сделали мне честь обедать у меня, а на третий день угодно им было угощать меня на нашем корабле, причём в продолжении всего дня не умолкали выстрелы со всех судов.

Из дневника П. Гордона мы узнаём ещё несколько подробностей, выясняющих нам картину этих дней.

> 25-го. Его величество обедал у меня. Приехал Лефорт.
>
> 26-го. Были именины вдовствующей царицы. Мы принесли поздравление и обедали у Льва Кирилловича Нарышкина.
>
> 27-го. Были сделаны приготовления к отъезду, мы угощали вечером наших корабельщиков и матросов.
>
> 28-го. Тронулись в обратный путь из Переславля.

ЧЕРНОВИК

Наконец, в дипломатических депешах барона ван-Келлера есть указание на один любопытный факт, имевший место в Переславле. Когда пришло известие о морской победе англо-нидерландского флота над французским
(27) при Ла-Гуге, Пётр потребовал, чтобы ему был сделан точный перевод с полученного сообщения, а затем «в энтузиазме своей радости» велел палить из пушек с кораблей по случаю поражения французов...

Напрасно мы разыскивали бы русские источники, в которых можно было бы найти новые детали и сведения, обрисовывающие дело зарождения русского флота. Их, к величайшему сожалению, нет. И только благодаря этим иностранцам мы можем составить себе некоторое представление об этом историческом моменте.

В конце октября Пётр распорядился готовить материалы для постройки ещё двух кораблей, а сам вскоре заболел дизентерией настолько серьёзно, что в половине декабря ожидали его смерти. Но мало-помалу опасность миновала и после масленицы (27 февраля 1693 года) он уехал в Переславль к своим кораблям. Здесь провёл почти весь пост в постройке новых судов, сюда же приехал потом и Лефорт. Пётр воротился в Москву только в апреле (7 числа).

Когда озеро вскрылось, после пасхи он снова приехал сюда и пробыл около трёх недель (4—22 мая). Плавая на своих кораблях, он убедился, что Плещеево озеро стало мало и тесно для его флота. В предисловии к Уставу Морскому он писал:

> Несколько лет исполнял я свою охоту на озере Переславском; наконец оно стало для меня тесно; ездил я на Кубенское озеро: оно было слишком мелко. Тогда я решился видеть прямо море и стал просить позволения у матери съездить к Архангельску; многократно возбраняла она мне столь опасный путь; но видя великое желание моё и неотменную охоту, и нехотя позволила.*

Так кончилась «потеха» и началось настоящее дело. Пётр перенёс свои корабельные занятия сначала на Белое море, а через несколько лет на Балтийское.

Историческая роль Плещеева озера прекратилась. В деле создания русского флота оно было переходной ступенью от Московских прудов и рек к морскому и океанскому простору. Здесь, именно в Переславле, приобретены были Петром начальные навыки кораблестроения и мореплавания, управления судами и их вооружения. Вместе с тем это был первый организованный военно-морской флот, хотя и «потешного характера», но из него родился потом и вырос государственный морской флот России.

Уезжая в Архангельск, Пётр не нашёл возможным оставить в руках Горицкого монастыря дорогое ему Веськово с деловым двором, судами и потешным двором и выменял эту вотчину (в 1693 году) на богатейший костромской посад Большие Соли, принадлежавший к числу дворцовых владений. Для монастыря такая мена, понятно, была весьма выгодна: вместо небольшого
(28) села он получил большое промышленное местечко с соляными заводами, 6 церквами, 27 лавками и прочим. А Веськово, таким образом, снова стало дворцовым селом.

**Устрялов, Н. Г.* История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 148.

ЧЕРНОВИК

В первые месяцы по отъезде царя кораблестроение продолжалось ещё несколько времени. Оставались мастера и плотники, доделывавшие начатые ранее суда. Между прочим, здесь находилось двенадцать человек холмогорских, вологодских и тотемских плотников, на обязанности которых лежала починка кораблей. Вместе с плотниками оставлен был для той же цели десятником Сара Деулин. Всех служащих в декабре месяце того же 1693 года при судах и дворце было 28 человек.

По мере того, как на Белом море стала намечаться своя программа судостроения и заводиться верфь в Архангельске, из Переславля постепенно переводились туда мастера — Класс и Ян, а также работавшие здесь плотники. Вместе с тем Переславская флотилия в отношении её управления была присоединена к Беломорской и учитывалась как серьёзная сила.

Вот что мы узнаём об этом из письма Ф. Лефорта (4/VII—1694 года) к его брату:

> Меня прочат в адмиралы всех судов его величества и говорят, что царь непременно желает этого. Лишь только дело будет решено, я тотчас же сообщу вам. Но место это сопряжено с большими заботами и трудами, потому что здесь (в Архангельске) стоит целый флот, а в Переславле находятся тоже очень хорошие суда. Конечно, моё повышение будет ещё значительнее, потому что я буду сделан генерал-адмиралом.

Но эти «хорошие суда» были заперты в небольшом водоёме и вывести их отсюда, чтобы использовать для назревавших государственных надобностей и присоединить к другим морским судам, было в высшей степени трудно. Но проба была сделана относительно самого большого корабля, построенного мастером Классом. Находясь за границей в Амстердаме, Пётр писал в Москву (31 декабря 1697 года) относительно его, что «по новине своей и величеству» он годен будет в Каспийский флот, где в то время заложена была верфь и строились суда.

Каким образом можно было провести его в Волгу, царь дал подробные указания. Так как на озере весною долго плавает лёд, а потом, когда озеро очищается, то реки уже спадут, поэтому, указывал он, следовало начать проводить корабль зимою. Для этого надо было пробить во льду канал, в мелких местах песок разгрести и перетащить судно при помощи переносных воротов; к весне поставить его у реки Вёксы и как только настанет половодье, провести его Вёксою, для чего придётся в некоторых местах копать берега. «А когда до Сумина озера придёт, то оттуда без труда Нерлью, понеже оная
река довольной ширины есть, а хотя мелка и камениста, но в полую воду (29)
довольной глубины будет».

Что вышло из этого, осуществилось ли на деле распоряжение Петра, сведений не имеется. Что же касается остальных судов, то имеются совершенно определённые данные, что им суждено было навеки остаться тут и погибнуть, за исключением одного, ботика «Фортуны».

Основной причиной этого, как указано выше, была изолированность Плещеева озера от магистральных водных путей, обрекавшая флотилию на опасное бездействие. Оказавшись ненужной, она расценивалась на месте как отыгранная игрушка, к хранению которой подходили с формально-казёнными приёмами.

ЧЕРНОВИК

Но тем не менее нужно признать, что меры для её хранения принимались. Так, в 1702 году Петром приказано было Переславскому воеводе «с реки Трубежа поднять на берег три судна и поставить в удобных местах грацкими и уездными людми». Когда это было сделано, то другому воеводе, сменившему прежнего, в том же году осенью велено было «те суды осмотреть и описать, каким званием они устроены и каковы мерою в длину и ширину, и что к ним каких канатов и вёсел и якорей и иных всяких припасов по судам порознь, и поставлены в удобных ли местах, и дранью покрыты ль и та крышка и иное всякое о тех судах строение впредь прочно ль и надёжно; и кому те суды для бережения отданы, а описные книги велено подать в Разряд».

И так как «над теми судами крышка явилась худа», то она «вновь накрыта (была) дранью новой», а для охраны их приставлены три человека посадских людей, которые обязаны караулить их «днём и ночью с великим радением».

Подобные меры, надо полагать, применялись неоднократно и относительно прочих судов, сгруппированных в последующие годы в двух пунктах: на р. Трубеже и при с. Веськове.

Большинство судов хранилось на Трубеже, а именно: в самой реке оставлены были фрегаты наибольших размеров, они стояли здесь лето и зиму, — на левом берегу на лугу близ Знаменской церкви и Рождественских ворот хранились под навесом три корабля, поставленные здесь в 1702 году, а на противоположном правом при церкви Ивана Богослова — мелкие суда. Остальные суда находились близ Веськова на деловом дворе. Тут же сложены были по амбарам разные корабельные принадлежности. Но с судов, стоявших на Трубеже и расположенных по обеим его берегам, «корабельные снасти» береглись также в частном амбаре в самом Переславле.

Всем судам и корабельным принадлежностям был учёт и велись инвен-
(30) тарные книги, по которым производилась приёмка и передача их от одного Переславского воеводы к другому, при участии стряпчего Сытного дворца, заведовавшего Веськовским Потешным и деловым двором. Суда оберегались сторожами из переславских посадских людей и рыбаков, последние, кроме того, обкалывали лёд по зимам от кораблей, стоявших в реке.

С внешней стороны, таким образом, всё как будто бы было благополучно. Так, очевидно, в начале казалось оно и самому Петру, навещавшему Переславль при его поездках на Белое море. Каждый раз он останавливался в своём Веськовском дворце и, понятно, заглядывал на свои корабли.

Так, он был здесь в 1694 году, а затем, по свидетельству Гордона, в 1695 году 25 ноября; в следующем 1696 году 12 октября было дано по переславским монастырям распоряжение: «Собрать с ближайших монастырских своих вотчин для ево государева шествия к Москве по десять подвод и прислать в село Веськово сего же октября 13-го числа на первом часу дня безо всякие оплошки».

1701 года января 16 дня

> прислана память великого государя в дворцовое село Веськово Сытного дворца к стряпчему к Михаилу Редрикову велено на ево великого государя дворе к его великого государя пришествию в Переславль-Залесский держать хоромы тотчас. А по указу великого государя, для его государева походу что понадо-

ЧЕРНОВИК

бится, велено имать с Переславских монастырей. И на держания государевых хором и боярских избушек и поварен надобно из Фёдоровского девича монастыря двадцать возов дров поленных...

Дальше мы не имеем точных указаний, когда Пётр был в Переславле. Можно думать, что он приезжал сюда зимой перед отъездом в несчастный Прутский поход 1711 года. Он выехал из Москвы 6 марта, а в Переславский Фёдоровский монастырь сделал 1 марта вклад полный круг церковных книг «по своему по государеву обещанию, егда пойде в новозавоёванную службу с салтаном турецким». Очевидно, это сделано было им через Наталью Взимкову, которая обратилась для него в платонического друга и молитвенника. Ещё раньше того она получала от него богатые подарки и золотые деньги, которые употребляла на украшение монастырских церквей и приобретение ценной утвари. Самые богатые вклады в Фёдоровский монастырь сделаны были именно Взимковой.

В то же время сестра царя Наталья Алексеевна принимала большое участие в украшении того же Фёдоровского монастыря, в 1710 году жертвует деньги на устройство Введенского тёплого собора, а в 1715 году на постройку больничной Казанской церкви.

Сам Пётр попадает сюда, надо думать, спустя большой промежуток лет. (31)
Только Ништадский мир напоминает ему о первоначальных корабельных потехах. Дедушка русского флота, которым он считал английский бот, найденный в 1688 году в Измайлове и на котором он плавал по Яузе и Москве-реке, выставлен был с большим почётом на Красной площади при празднествах в честь окончания великой северной войны. «Децкая потеха», — было написано на подножии, поддерживавшем ботик, а на другой стороне «Принесла мужеской триумф»...

Естественно было тогда вспомнить и о Переславской потехе. И вот проездом из Москвы на Ярославль к Вологде 7 февраля 1722 года он был «в Переславле до ночи». Что он увидел тут — красноречивее всего говорит его лаконический гневный указ:

Воеводам Переславским

Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите: то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегшии сей указ.

Пётр.

В Переславле во 7 день февраля 1722 года.

Он застал только остатки. И не мудрено. Нахождение большинства судов под открытым небом на берегах реки и озера, а особенно на воде кораблей, стоявших в Трубеже, неизбежно должно было привести к их естественному разрушению.

Прежняя флотилия, как целое, пропала. Её не воротить. Но сохранить остатки как исторический памятник зарождения государственного русского флота было ещё возможно. Остатки крупных судов — кораблей, яхт и галеры были ещё настолько значительны, что хранить их стоило.

И Пётр издаёт указ, нужно сказать, небывалый ещё в летописях государства, об охране памятников исторического характера. Это самое раннее правительственное распоряжение в этом отношении.

ЧЕРНОВИК

Нет сомнения, что собственноручно написанным указом Пётр подтвердил перепуганным воеводам Переславским такими аргументами, что они хорошо поняли, что «остатки кораблей, яхт и галеры» действительно надо беречь по-настоящему, а то «взыскано будет» ещё раз, а может быть и два.

Как только уехал царь, Переславская Провинциальная канцелярия по распоряжению воевод принялась за деятельную охрану. Местным ратушским бургомистрам Ивану Кашинцеву с товарищи один за другим посыпались указы.

1-й от 12 февраля 1722 года:

> велено беречь остатки кораблей, яхт и галеры без упущения и потому... оные корабли, яхту и галеру надлежит покрыть, а около большого корабля, который
> (32) в воде, сваями околотить, чтобы оному кораблю в воду полую ото лду ломки не было. И ко оному строению для присмотру надлежит вам прислать целовалника одного человека сего же числа без умедления, чтоб за неприсылкой вашей в том строении остановки не было...

2-й от 13 февраля 1722 года:

> Надлежит у вас с Переславля с ратушею прислать в канцелярию Переславской Провинции за своими руками известие: корабли, яхты и галера, которые в воде в реке Трубеже и на берегу близ церкви Ивана Предтечи (Богослова?), да на лугу близ Рождественских ворот, из озера, от дворца его императорского величества в реку Трубеж, в котором году введены, и под чьим оные корабли, яхты и галера были караулом, и по справке оное известие прислать в немедленном времени и имянно по получении сего указу того же дня.

3-й от 7 марта 1722 года:

> Как вы сей его императорского величества указ получите и вы б, списав корабельных сторожей с поручных записей верные копии закрепя своими руками, прислали в главную Канцелярию Переславской Провинции.

4-й от 8 марта 1722 года:

> По сказке Переславль-Залесского бывшего земского старосты Ильи сына Найдышева, что ныне в Борисоглебском монастыре, что на Песках, монахом... кто в доме Гаврила Быкова у кладового анбара, в котором охранялась всякая корабельная снасть, были в сторожах. Надлежит вам, сыскав, в ратушу и перед собою допросить, по чьему оные сторожи у того анбару были наряду и что в том анбаре корабельных снастей было, и кем собраны и положены, и за чьею тот анбар был печатью, и с того анбара оная корабельная снасть кем и в котором году, и куда, и по какому указу взяты, и оных сторожей кто с того караула свёл и при которых бургомистрах, а будет бургомистры ныне живы, и тех бургомистров против вышеписанного ж во всём допросить ж. Также присланные Яким Васильев сын Воронин и генеральный писарь Иван... и иноземцы в котором году и по каким указам, и при которых бургомистрах прислать вам известие ж, понеже переславские кузнецы в скаске своей показали, что де в бытность помянутого Воронина для отнимательства... народ был из земской избы от земских старост.

Что отвечал бургомистр Кашинцев на все эти запросы, мы не знаем. Относящиеся сюда бумаги, может быть, не сохранились, а может быть, пока

ЧЕРНОВИК

ещё не разысканы. Во всяком случае, в мае того же года приступлено было к делу. Из Санкт-Петербурга был командирован сюда Камер-Коллегией шкипер Шелудяков, ему под команду собрано было 300 человек местных крестьян, при помощи которых находившиеся в Трубеже корабли вытащены были на берег и поставлены на лугу близ Большой Песошницы. Сюда же перевезли остатки судов с правого берега. Место хранения огородили забором (33)
и над судами устроили навес. Появился, таким образом, большой сарай или манеж, в котором суда были более или менее защищены от дождя и влаги, а следовательно, от быстрого разрушения.

Суда и корабельные принадлежности, остававшиеся на берегу озера, близ с. Веськова, укрыли в сараях бывшего делового двора на горе Гремяч.

Таким образом, царский указ исполнен: остатки кораблей, яхт и галеры убраны под навесы и бережение их налажено. Это мог проконтролировать сам Пётр через два года, когда в последний раз был здесь проездом (21 марта 1724 года) «с Петровских заводов (Петрозаводска) в Москву».

Но вот что обращает на себя при этом невольное внимание. Сарай, построенный на берегу Трубежа в 1722 году, пришлось перестроить в 1728 году, в 1730 году основательно ремонтировать, а через семь лет в 1737 году крыша его пропускала «великую течь»... «С обоих сторон того сарая столбы, в которые забраны бревна вокруг того сарая, пошатнулись, некоторые подгнили от земли, так же и бревна, которые забраны в тот забор, внизу подгнили же и крыша того сарая во многих местах обвалилась», поэтому её ещё раз пришлось перестраивать заново, и это на 15-ти годах.

Ясно, что здесь налицо небрежность и злоупотребление. Когда требовалось устроить надёжное хранилище, корабельный музей, выстроили никуда не годный сараишко, на частных ремонтах и перестройках которого, очевидно, набивали себе карманы переславские чиновники.

В результате такого положения вещей состояние флотилии было безнадёжное. Ветхие корабли продолжали приходить в ещё большую ветхость и неминуемо шли к полному разрушению. Их находилось в то время на хранении в сарае 87 — больших и малых. Важно отметить эту цифру: она свидетельствует о том, что вся флотилия заключала ещё большее число судовых единиц, точное число которых неизвестно до сего времени. Весьма возможно, что оно достигало сотни и в общем своём виде в лучшую пору существования представляла внушительную картину. Но теперь были одни гнилушки, а над ними готовый рухнуть покосившийся сарай. Таков был первоначальный Петровский Музей в Переславле.

В отчётной ведомости 1776 года по г. Переславлю-Залесскому местный воевода писал: «Ныне в Переславле-Залесском имеются под сохранением остатки кораблей, яхт и галеры, которые уже все погнили; да при состоящем при городе Переславле в 3-х верстах селе Веськове при бывшем дворце имеется ботик».

Но скоро не стало и гнилушек бывших кораблей. В 1783 году в Переславле вспыхнул большой пожар, во время которого сгорела деревянная церковь (34)
Знаменья, что «на кораблях», прилегающие к ней улицы и здания, в том числе сооружение с остатками флотилии.

Так печально кончилось хранение остатков кораблей, яхт и галеры в самом Переславле.

ЧЕРНОВИК

III. Петровский Музей

(35) Остался цел из всей флотилии один лишь ботик «Фортуна», по счастью, оказавшийся вдали от погибших судов, при селе Веськове на бывшем деловом дворе.

(36) В то время как потешная флотилия ветшала и разрушалась в самом Переславле-Залесском, вблизи его при селе Веськове происходил тот же процесс с бывшим Петровским дворцом и остатками хранившегося там корабельного снаряжения и судов. В соответствии с тем, что находившуюся в Переславле флотилию оберегали переславцы, — дворец на горе Гремяч, с его многочисленными строениями и садами, а равно хранившимся имуществом, хранили и караулили крестьяне дворцового села Веськова.

В 1748 году здесь было мёртвое царство. Насколько полвека тому назад кипела жизнь, было шумно и людно от царедворцев, иноземцев, корабельных плотников и прочих, настолько теперь всё было тихо и пустынно. Мрачные и обветшалые здания стояли одиноко, одно за одним сгнивали и выводились из строя. 17 мая в одной из «светлиц», находившихся при дворце, провалился потолок. По этому поводу заколоченные двери и окна вскрыли и комиссия там обнаружила следующие вещи:

«От судна один шверц з железною скобою.

Блоков тройных болших 4 бес колёс.

Блоков малых розных рук с верёвками 108.

Блоков же резных больших малых без верёвок 66, в том числе 2 з железом.

Спиц столярных 26, в том числе на концах з железами 12.

4 крушка малых деревянных.

Дощечка небольшая крашеная деревянная 1.

Резбы розных штук ломаной 19.

5 брусков дубовых малинких.

Дощечек деревянных, по концам проверченных — 12.

Ис погребца доска одна.

Труба деревянная с одним железным обручем.

Ситная обечка ветхая.

Одно корыто липовое.

От разных судов ветхих 17 рулей, в том числе один много погнил.

1 якорь железной небольшой о трёх рогах, на нём два кольца железные.

Лоток, на нём лежаный порох, а сколько весом не известно.

Один брус круглой шпилевой с скважинами.

10 древков тонинких, крашеных.

16 машт, ветхих з блоками, с верёвками и з железом и с крючками по концам железными.

(37) 3 машты з блоками ж и с верёвками без крючков.

ЧЕРНОВИК

1 верх сломленой с мачты з блоками и с верёвками.

Канатов ветхих и гнилых рваных розных рук небольшое число, а сколько мерою за ветхостью измерить и познать не можно.

Доска столовая складная дубовая выкрашена красками на 4-х петлях железных.

1 ведро деревянное ветхое,

1 лоток расколотой деревянной.

2 древца флажных с яблоками деревянными.

Пруток железной на пример $^3/_4$ аршина, на нём яблоко деревянное.

Четыре петли железные от окончин.

Четыре наугольника железные от окончин же.

Одна скоба от дверей с репьём резным с железным».

Дворцовый «сад», под именем которого в то время разумелся также и огород, где «всякая садовая и огородная работа работалась, и на государев обиход всякой овощ капуста и огурцы строились», пришёл в запустение. Загородка около него развалилась и, пользуясь этим, веськовская молодёжь производила опустошение овощей, ягод и яблок, смотря по сезону. Переславское начальство потребовало тогда от крестьян, чтобы они огородили сад «пристойным образом», но веськовский сельский староста отказался это сделать и когда от него потребовали подписку, «упрямством руки не приложил».

Так мало-помалу ветшала и разрушалась отслужившая своё время царская усадьба при с. Веськове; а 7 декабря 1762 года в судьбе её произошла крупная перемена, внушавшая опасение за её дальнейшее существование. Дворцовое село Веськово вместе с Петровской усадьбой и Плещеево озеро по указу Екатерины II отданы были в вотчину ротмистру лейб-гвардии конного полка Бутакову с сестрою фрейлиною, очевидно, за содействие их при низложении Петра III и завладении ею императорским троном.

Таким образом, Веськово ещё раз испытало превратность судьбы; стало частновладельческим поместьем, каких в окрестностях Переславля было немало. В сущности, это было владение мелкопоместное и с точки зрения доходно-финансовой незначительное и имевшее лишь ценность историческую.

Последнее обстоятельство, несмотря на передачу его в полную собственность частному лицу, выделяло его из числа обычных поместий в том отношении, что уездное начальство продолжало свой надзор за ним со стороны исторических вещей Петровской флотилии, остававшихся тут, и вмешивались в их судьбу. Переславский воевода ежегодно в своём отчёте доносил (38)
о существовании ботика при с. Веськове, а член уездного суда надзирал за его сохранностью. Выходило, что Веськово хоть и было собственностью помещика, но какой-то особенной, каковое обстоятельство остро сказалось впоследствии.

В 1773 году Плещеево озеро было продано Бутаковыми обратно в дворцовое ведомство, а Веськово они оставили за собой, но жили, как можно думать, в с. Вёсках, где у них была вотчина и дом, на Ботике же, видимо, жилых построек в то время уже не было.

Относительно дворца существует две версии. По одной — он был перевезён последним переславским епископом Феофилактом Горским на берег

ЧЕРНОВИК

Маринкина озера, в 7 верстах [7 км] от города, где действительно был архиерейский дом, сломанный в начале XIX столетия. По другой — его купил купец Угрюмов и перевёз его в Переславль, будто бы Екатерина II во время своего путешествия останавливалась в этом доме.

Верно одно, что в начале XIX столетия царского дворца на горе Гремяч не было и никаких следов на месте его постройки вроде фундамента, остатка печей и прочего не имелось. Так что, когда приехал сюда (1802 год) вновь назначенный Владимирский губернатор князь Иван Михайлович Долгорукий, то никто не мог ему точно указать, где именно находился тут Петровский дворец.

В своих записках (1802 год) об этом посещении Переславля он говорит следующее:

> В близком расстоянии от Александрова Переславль, город старинный, большой, для уездного довольно людный, но не весь застроен. Здесь много древних церквей и разорённый дом архиерейский. Переславль имел некогда своих князей, особую епархию и своего местного пастыря. Природа украсила многие окрестные места. История говорит о нём ещё доныне в развалинах достопамятных. В уезде много помещичьих имений, но они дробны и мелки. Слава не умолкнет из рода в род с именем Петра Великого напоминать об озере Плещове. Оно под самым городом и любопытно по совершившимся на нём деяниям преобразителя России. Тут сильный Пётр учился мореплаванию и оставил городу в залог самим им состроенный первый ботик в государстве нашем. Он хранился на руках Земского Суда и ещё соблюл вид свой и основание. На нём Пётр предвозвестил, что Россия как на суше, так и на морях победительна быть может. Но увы! Петры родятся веками. В то время дан был им собственноручный указ переславским воеводам, коим повелевал он строжайшим образом рачить о целости сего судна. Тогда писали коротко, но сильно. Указ тот хранился в присутственных местах вместе с другим (39) императрицы Елисаветы по другому предмету. Пётр Первый, занимаясь великим упражнением при помянутом озере, жил в небольшом доме, которого даже и следов не осталось. Он построен был на мысу, прозывающемся Гремячий. Вероятно, что подвиги Петровы дали ему и сохранили сие название. Некоторые царские домашние утвари, ветхие иконы, якори и разные снасти свидетельствуют ещё и поныне, с какой простотой жил великий наш монарх и сколь жадно желал видеть российские флоты наравне с прочими европейскими державами.*

По возвращении во Владимир Долгорукий принимает твёрдое решение построить в Переславле здание для хранения «Ботика», и дабы избавиться на пути к осуществлению этого дела от каких-либо помех, спешит заручиться специальным указом из Петербурга. Вот как всё это он сам описывает:

> Между предметами, подействовавшими на меня более прочих, с огорчением и досадою видел я, что ботик Петра Первого в Переславле хранился в чужом селе близ города и озера на владельческой земле в ничтожном сарае и начинал уже разрушаться. С небережением крайним присматривал за этим

**Долгоруков, И. М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / И. М. Долгоруков. — СПб.: Наука, 2004. — Т. 1. — С. 580—581.

ЧЕРНОВИК

сокровищем последний член земского суда.* Так-то время и люди уничижают самые достопамятные трофеи. Я принял намерение ходатайствовать о возможном памятнике в честь Петру Великому на самом месте его начальных подвигов. Мне хотелось, чтоб Переславль и одна его округа приняли в том участие некоторым посильным приношением. Не смел я сам собой приступить к сбору денег и к подписке, дабы клевета не очернила мысли моей, назвав добровольную складку вынужденным налогом. Я в разных случаях видел обнажённые сердца человеческие и знал, что зависть хитра сквернить непорочность. Чтобы оградить себя от неё я письменно отнёсся к г. Трощинскому, государеву секретарю, объявил ему моё намерение и просил увенчать его успехом. Оно состояло в том, чтоб построить приличное каменное здание, в котором могли бы охраняться от повреждения как ботик, так и все остатки Петрова дома. Желая соединить с честью такого пожертвования дворянского и существенную для человечества пользу, я предполагал поставить жилые покои человек на шесть отставных инвалидов из матросского звания, кои бы по очереди караулили всё строение и, получая за то готовую пищу, не шатались по миру. Государь изволил одобрить моё представление, и по сему предмету я удостоился со вступления в должность первый получить от него рескрипт. Вся моя выдумка не более трёх тысяч рублей требовала на совершение её, и я не ожидал, чтоб такое малое приношение, да и в прославление дел Петра Первого, подверглось затруднениям, но первый приступ к делу показал мне, что восторг уже мало действует на чувства россиян и что дать деньги (40)
на что б то ни было гораздо легче заставляет сила, нежели благородные одни побуждении. Я поручил предводителю** сноситься о сей подписке с дворянами, на которую, за отсутствием многих, потребно было время. Ободрён будучи несказанно монаршим соизволением и паче указом на моё имя, я с удовольствием сугубым видел, сколько сие действовало на всех окружавших меня. Подчинённые мои, видя, что представлении мои имеют у двора свой вес, тем покорнее исполняли мои распоряжении. Доверенность есть душа службы. Без неё всё мертво в гражданском управлении. Начальник, не уважаемый государем, скоро презрен низшими чинами, и нужно ли изъяснять, сколь много неустройств отсюда происходит? Власть и послушание суть, по мнению моему, единственные пружины, движущие политические сферы.[1]

Таким образом, через 80 только лет после Петровского указа 1722 года нашёлся наконец в лице Владимирского губернатора тот именно воевода, который сумел оценить и сберечь остатки флотилии.

Д. П. Трощинскому И. М. Долгорукий между прочим писал:

Не безызвестно вашему высокопревосходительству, что великий преобразователь России Пётр I начало трудам своим, толико в последствии времён отличившим флот его повсюду, положить благоизволил при Переяславском

[1]Рукопись «Записки князя И. М. Долгорукого за 1802 г.» Библиотека 1 Московского университета, рукопись 175. (По вопросу о постройке здания для хранения ботика очень небольшие выдержки, из числа приводимых нами полностью выписок, — даны М. А. Дмитриевым, «Князь И. М. Долгорукий и его сочинения», на стр. 52—54.)

*Яков Михайлович Лихарев.

**Предводителем был Михаил Александрович Угрюмов (Угримов), последний помещик этой фамилии в Переславском уезде.

ЧЕРНОВИК

озере. Там устроенный монаршими его руками ботик доныне хранится на мысу, называемом Гремячий, при деревне Весково, вместе с многими другими остатками устроенных для его временного пребывания покоев, коих исчезли уже и малейшие признаки. Там хранится доселе собственной его руки указ, Переяславльским воеводам данный, кратким, но разительным слогом повелевающий им блюсти сии драгоценные трудов его остатки под опасением ответа не только с них, но и с потомства их.

Ныне я, по должности моей объезжая некоторую часть всемилостивейше вверенной мне губернии и быв в Переяславле, — имел счастие видеть столь достопамятные монументы. Но с каким сокрушением сердца смотрел я на тот ничтожный деревянный амбар, в котором без всякого отличия, вывески и признака содержится такая знаменитая редкость, подверженная в означенном строении по веществу своему всякому влиянию воздуха, времени, наконец, самой гибели. С каким душевным состраданием видел я строки чудотворного, можно сказать, создателя политического бытия нашего, в простом ящике, деревянном же, за восковою печатью, в уездном суде!

(41) Слышал я, что иностранные по пути заезжают иногда взглянуть тут на первые начала мореплавания непобедимых наших кораблей. Но когда бы молва сия была и несправедлива, — не уничижительно ли собственно для россиян видеть в таком низверженном состоянии описываемые достопамятности?

Таковое зрелище родило во мне мысль предложить Переяславскому дворянству, не согласится ли оно ... посвятить некоторое число денег на беспрестанное и долговечное содержание тут до шести человек престарелых и заслуженных матросов, как людей того звания, которое приобрело России вечную славу на водах вселенной. Предложением сего рода желал я доставить и дворянству того края честь, сообразную поверенности, Петром Великим ему сделанной; но будучи обязан полагать меры законные моим предприятиям, не смел я произвести его в действо, дабы не подать случая к ропоту, если бы кому угодно было воззреть на сие, как на налог, неволею собираемый, — и для того решился, милостивый государь, к почтеннейшей особе вашей, непосредственно о всём государю доносящей, прибегнуть с изъяснением моих мыслей, покорнейше и убедительно вас прося: если сие удостоится вашего благоволения, донести о том государю. ...

Я здесь не своих ищу выгод; не личность моя здесь движет пером моим, но честь моего отечества, — честь вверенного мне в нём отделения и истинное сожаление видеть, что дело Петра Первого рук, в самой почти середине управлявшегося им государства, — дело, породившее столько хвалы от всех иноплеменных держав его народу, остаётся как бы в глухом и ничтожном забвении там, где и самое обычаем данное тому месту название «Гремяч» долженствовало бы возбудить, по одному своему смыслу, к воздвигнутию достойного памятника. Счастливым себя почту, если удостоится цель моя успеха...*

В ответ на это 10 июля 1802 года последовал на имя Владимирского губернатора царский рескрипт:

Господин действительный статский советник гражданский губернатор князь Долгорукой. Одобряя предположение ваше о сооружении приличного здания для сохранения ботика Петра Великаго при Переяславском озере,

Успенский, Д. Ботик Петра Великого / Д. Успенский // *Русская старина*. — 1907. — Т. 131. — С. 185—187 (и рескрипт).

ЧЕРНОВИК

утверждаю намерение ваше предложить дворянству переяславскому о добровольной складке на сие построение, конечно к чести их послужить могущее. Но при сём я желаю, чтобы складка сия никак не имела вида принуждения, а тем менее ещё чтоб она составлена была из нового какого-либо налогу на крестьян. Всё, что единственно от избытков своих дворянство сделать на сие рассудит, приму я доказательством благонамеренности его и усердия к чести отечества.

Заручившись такой поддержкой, губернатор умело повёл его на месте и в своих записках (за 1803 год) сообщает следующее:

Начатое в Переславле дело о постройке здания для судна Петра Великого (42)
происходило к окончанию. Подписки уездных жителей хотя не совсем отвечали намерению, но, по крайней мере, собранные деньги до тысяча шестисот рублей достаточны были для палатки. Она уже была выстроена и готовилась к принятию российского сокровища. Между отличными пожертвованиями на сей предмет поставлю я г. Спиридова,[1] который на всё здание дал кирпич, и помещицу села Вёсок,[2] уступившую казне площадь своей земли для строения. Сколь ни мелки были приношении прочих, я обязан был довести и об них до сведения государя императора, которому угодно было поручить мне объявить переславскому дворянству монаршее благоволение. Не успел я в том, чтоб на шесть инвалидов выстроить казарму, но для одного только матроса поставлена жилая изба. Генерал Апраксин определил пятьдесят рублей в год на содержание служивого. Он вытребован мною из Адмиралтейств-коллегии. Прислан вместо престарелого матроса свежий и здоровый солдат, который наконец, женясь тут, сделался сторожем при ботике Петра Первого и караулит его. Вот как нередко большие виды превращаются в самый маленький масштаб. Осталось наделать много шуму и тем возвысить настоящее обстоятельство.

По «Истории переславской» видно, что Пётр Великий, отстроивши сей самый ботик, изволил на нём и прочих мелких судах в первый раз маневрировать на озере Плещове августа 1-го, что в этот же день, по установленному церковному обряду, духовенство переславское во всём облачении неслось по реке Трубежу на лодках в озеро и там освящало воду. И ныне я считал приличным в воспоминание того торжества оставшийся его трофей перенести августа же 1-го из анбара в каменное здание, что мне совершить и удалось следующим образом.

Рано поутру все духовные чины и архимандрит Никитского монастыря собрались в сельскую церковь близ города при озере, и там пред обедней прочтён публично указ Петра Первого о хранении его судов, после чего воспета сему великому основателю обширнейшего в Европе царства вечная память. За сим своим порядком следовала обедня. По окончании оной прочтён рескрипт государя императора, на моё имя состоявшийся, о построении новой храмины, и провозглашено всему императорскому дому по пропетии благодарного молебна многолетие. За сим все чины гражданские и военные, ибо к умножению празднества присутствовал тут шеф и все офицеры Украинского Мушкетёрского полка, квартировавшего в то время в Переславском уезде
и городе, вышли к новому зданию, куда потянули на ремнях по нарочно сде- (43)

[1] Матвея Григорьевича, владельца с. Нагорья, историка.
[2] Авдотья Бутакова, вдова ротмистра.

ЧЕРНОВИК

ланному помосту состаревшийся ботик из прежнего его обиталища. Священники окропляли шествие его святой водою, чины гражданские поддерживали его на ходу и помогали движению. Так поставилось оное знаменитое судно в новое своё место при восклицаниях народных. В преддверии здания над самыми волнами озера архимандрит сказал приличное торжеству слово, и сугубые раздались духовные клики. Я переносился мысленно лет за сто назад, воображение моё кипело, и сердце трепетало от радости, что привёл меня владыка всех миров исполнить патриотическое сие предприятие. Духовным обрядам последовали светские угождении и пиршество отличное в шатрах. Там читаны были вслух сочинённые на сей случай оды: 1) графом Хвостовым,[1] который сам с другими знаменитыми посетителями из уезда присутствовал при сей церемонии, 2) учителем тутошних школ[2] и моя. Бокалы довершили праздник, как водится, и тем исполнилось удовольствие общее. Погода благоприятствовала случаю. Народ толпился круг здания безпрестанно. Солнце до самого вечера лучами своими озаряло надпись, золотыми буквами на фронтоне начертанную: «Петру 1-му усердный Переславль». На другой стороне фасада выставлен был год и число обновления дома. Лёгкие волны озера, едва движимые тонким ветром, притекали к берегу Гремячего мыса и, омывая ступеньки здания, как бы поклонялись памятнику того, кого некогда носили на себе, прообразуя ещё в юности его исполинские силы.

Приключение сие потом описано было со всей подробностью в российских и иностранных ведомостях,[3] и оставалось мне только доделать верхний этаж строения для помещения прочих утварей Петровых, к чему приложено было всякое попечение.*

Осуществить, впрочем, достройку верхнего этажа Долгорукому удалось не скоро. Только в мае 1810 года Долгорукий, будучи вновь в Переславле, завершил начатое им семь лет назад дело. В записях его за 1810 год мы находим по этому поводу следующее:

В Переславле недоставало к полной отделке того строения, в котором хранился ботик Великого Петра, пристойного места, где бы сберегаться мог собственноручный сего монарха указ, о самом том ботике воеводам данный. Он всё ещё лежал в ящике при уездном суде. Из экономических крох сделана была вверху той палатки особая комната, которую без роскоши снабдили по предмету пристойным убранством. Там поставлен был старый портрет Пет-
(44) ра Первого во весь рост, который представлял его на месте Полтавской битвы в военном его стане. На столе, накрытом алым сукном с золотою бахромою, выставлен был ковчег цветного дерева, поддерживаемый четырьмя резными и вызолоченными дельфинами. На крышке (ковчега) поставлен в малом виде раззолоченный монумент, воздвигнутый в Петрополе Великому Великою. В преддверии сего покоя собраны были все, хранившиеся дотоле, снасти,

[1] Дмитрий Иванович, помещик с. Выползовой Слободы.

[2] Щедритский Измаил Алексеевич.

[3] Заметка по этому поводу: Из Переславля-Залесского, августа 1 [Об открытии Петровского Музея] // *Московские ведомости*. — 1803. — 15 августа. — № 65. — С. 1061.

* *Долгоруков, И. М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / И. М. Долгоруков. — СПб.: Наука, 2004. — Т. 1. — С. 588—589, 607—609.

ЧЕРНОВИК

> якоря и разные утвари дворца, в котором живал некогда порфирородный младенец под сению Нептуна, готовящего ему толикие трофеи в областях своих. Прибывши в Переславль для сего нарочно и учредя церемониал торжества, перенёс я из уездного суда указ Петров во храмину, для него уготованную. Тут отпет был молебен, окроплены стены и все принадлежности святою водою, и после краткой проповеди от настоятеля духовного я, обратясь к предводителю, сказал ему речь, мною на сей случай сочинённую, и потом положил Петрову знаменитую рукопись в ковчег, а ключ от оной вручил г. предводителю. Тогда раздалась от клиров вечная память мужу, делами бессмертному, а за трапезой в городе при питии за здравие праправнука его гремела музыка, и пушечные выстрелы, раздаваясь по озеру, далеко уносили за пределы его в обширные поля громкую весть о нашем патриотическом празднестве. Много содействовал к достижению сей цели тутошний городничий г. Гранкин, которому я обязан справедливым признанием, что он о делах службы и о исполнении относящихся к ней видов моих прилагал особенное попечение и отличался сколько разумом, столько и нравственностию.[1] *

Приведём кстати здесь же выписку из записок Долгорукого за 1812 год, где он, подводя итоги своей деятельности во Владимирской губернии и говоря о «физических красотах городов в отношении к наружным строениям», между прочим пишет:

> В Переславле сооружён дом каменный небольшой для хранения памятника Петра Великого, его речного судна. В бывшем архиерейском доме помещены присутственные места и сообразно с тем оный дом перестроен и внутренно поправлен. Тюрьма и соляные анбары поставлены деревянные, учреждена каменная больница для военного лазарета, достаточная на нарочитое число солдат. Заложен гостиный двор каменный и постепенно выстроивался, улицы расширены и некоторые вымощены правильно.[2] **

Подводя итог изложенному И. М. Долгоруким в его записках, приходится отдать ему справедливость, что только благодаря его инициативе и энергии удачно закончилось начатое им дело охраны исторических памятников Переславля-Залесского. Можно смело сказать, что он именно, князь И. М. Долгорукий, сохранил для нас ботик и другие принадлежности петровского времени. При этом нужно помнить, что в то время Музей Академии Наук был почти единственным музеем, а провинциальных музеев, тем более захолустных, конечно, нигде в России не было. Это был первый провинциальный (45)

[1] Рукопись «Записки князя И. М. Долгорукого за 1810 г.» Библиотека 1 Московского университета, рукопись 175.

[2] Рукопись «Записки князя И. М. Долгорукого за 1812 г.» Библиотека 1 Московского университета, рукопись 175.

* *Долгоруков, И. М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / И. М. Долгоруков. — СПб.: Наука, 2005. — Т. 2. — С. 151—152.

Слово в скобках добавляет М. И. Смирнов. Городничим в 1809—1820 годах служил здесь надворный советник Андрей Дмитриевич Гранкин. Уездным предводителем дворянства в 1808—1812 годах служил титулярный советник Иван Иванович Родышевский.

** Там же. — С. 253.

ЧЕРНОВИК

музей, и именно музей в полном смысле этого слова, в котором были сосредоточены и экспонированы исторические и бытовые вещи конца XVII века.

(46) Заслуга князя Долгорукого, таким образом, значительна и потому обязывает нас остановиться на его биографии. Он родился в Москве в 1764 году. Первоначальное воспитание его шло по установленному в крупных дворянских семьях обычаю и в этом отношении к Долгорукому вполне может быть применим пушкинский стих —

Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur её сменил.

Биограф И. М. Долгорукого — М. А. Дмитриев пишет:

> До восьмилетнего возраста надзор за малолетним Князем Долгоруким и первоначальное учение его вверены были француженке madame Constantin. ... С осмилетнего возраста Князь Долгорукой взят был из женских рук. К нему принят был в воспитатели иностранец Руле.

Однако дальнейшее воспитание Долгорукого пошло не совсем обычным для того времени порядком; по выработанному отцом Ивана Михайловича плану он должен был изучать: историю, географию, литературу и математику и языки — латинский, немецкий и французский. «По тогдашнему времени это был довольно широкий объем образованности». С одиннадцатилетнего возраста к Долгорукому был приглашён в качестве наставника француз Совре, прекрасный преподаватель-классик. Под его руководством Долгорукий быстро овладел латинским языком и подготовился к экзамену в Московский Университет, в каковой и поступил 14 лет от роду.

Первым литературным опытом Долгорукого был сделанный в годы студенчества перевод книги «Les Songes philosophiques». За эту работу он был зачислен в литературно-учёное Общество под названием «Вольного российского собрания».

В 1780 году Долгорукий кончил трёхлетний курс университетского учения и начал (по тогдашнему обычаю) своё поприще с военной службы — прапорщиком 1-го пехотного Московского полка (является не вполне выясненным, почему Долгорукий не попал сразу в Семёновский Гвардейский полк, в который был записан с семи месяцев от роду). В 1775 году, уже будучи поручиком, Долгорукий переводится в Лейб-Гвардии Семёновский полк с чином прапорщика.

Жизнь в Петербурге, где Долгорукий был принят при дворе наследника, проходит в участии в почти беспрерывно сменяющихся увеселениях, домашних спектаклях, балах и прочем. В 1786 году Долгорукий женится на Евгении Сергеевне Смирновой и с этого времени начинает более серьёзно заниматься литературой. В 1788 году им было написано первое стихотворение («На смерть Горича»), в котором, впрочем, ещё весьма слабо зазвучали нотки протеста против социальной несправедливости. Весьма характерны
(47) обстоятельства, вызвавшие появление этих стихов:

> При взятии Очакова, в 1788 году, убиты были Князь Волконской и славный казачий наездник Горич. Первому тотчас появились стихи; о втором все как

ЧЕРНОВИК

> будто забыли. «Мне стало досадно, — говорит Князь Долгорукой в своих записках, — что и в самом подвиге патриотической смерти льстецы полагают различие между Князем и казаком, тогда как всякой солдат, положивший живот свой за отечество, равно с вельможей получает право на звучный отголосок похвалы».

Первоначально стихи эти не были пропущены цензурой — «Для чего? — Не знаю. Но другой причины не вижу, кроме той, что Горич был не князь», — говорит по этому поводу Долгорукий.[1]

В 1790 году Долгорукий произведён в капитаны и отправлен на войну со Швецией. Участвовать в боях ему не пришлось, а по заключении мира он вовсе оставляет военную службу, отразив своё отношение к ней в следующем стихотворении:

В герои не влечёт меня мой тихий шаг;
По склонности ушёл от рыцарских отваг;
Не зная, лучше что́ из этих двух игрушек —
Пырнуть ножом в углу, иль дать туза из пушек;
По логике моей давно я рассудил,
Что так ли, или сяк, да плохо как убил.

Отрицательное отношение к войне со временем вылилось у Долгорукого в более резкие формы. Мы здесь приведём (опережая несколько события) следующие выписки из его записок, написанных в самый разгар военного шовинизма 1805—1807 годов (войны с Францией).

> Вот как проходила у нас зима, а в немецких областях, куда стеклись со всей Европы войска, раскаливались пушки, летали ядры и пули тучами на человеческие тела. Падали люди, как галки, и гнили тысячи трупов разных царств и исповеданий на полях, — так называемых *полях чести*. Какое юродство в христианах в лучшие дни премудрости их и славы. [...] бьют людей везде, всегда, без разбору да ещё и гордятся кровавыми своими трофеями. Ах! Сколько жертв неповинных взыщет на нас Бог в день суда страшного! И спасут ли нас наши *поля чести*?*

В записках за 1806 год Долгорукий по поводу раздававшихся с амвона проповедей, имевших целью вызвать в народе озлобление против французов, опять является выразителем мысли, чуть не на столетие опередившей его современников, а именно, он говорит:

> О, какая соблазнительная проповедь! Она вымышлена была для возмущения народа против Франции, которой искренно желали все всякого зла. Я не отвлекусь в пространные рассуждении насчёт сего остервенения, оно же и не принадлежит к моему предмету, но коротко скажу, что я с моей стороны, (48)

[1] *Дмитриев, М. А.* Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения / М. А. Дмитриев. — 2 изд. — М.: Типография Л. И. Степановой, 1866. — С. 6—7, 22.

* *Долгоруков, И. М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / И. М. Долгоруков. — СПб.: Наука, 2004. — Т. 1. — С. 678—679.

ЧЕРНОВИК

ярясь противу самозванца, не питал злобы против народа. В чём он виноват? Осмотримся всюду, и уже ли не признается откровенный человек, что всякий народ бывает в страдательном положении под скипетром наглого деспота.*

Далее в записках за 1807 год, описывая присылку во Владимир военнопленных французов и говоря о разжигаемой повсюду ненависти к ним, Долгорукий пишет:

Я люблю и не люблю по воле сердца, а не по предрассудку, и никогда не постыжусь сказать, что я гораздо охотнее разделю время с умным и учёным французом, хоть пленным или свободным, нежели с пьяным помещиком, не знающим грамоте, потому только, что он русский, а не иноземец. Что мне до цвета волос и до наречия? Добрый человек везде мой земляк.

Весь мир одна семья, с начала до конца:
Мы слабые птенцы всесильного отца.**

Возвратимся, однако, к прерванному нами изложению. Итак, в 1791 году Долгорукий вышел с чином бригадира в отставку, и в том же году назначается вице-губернатором в Пензу. Здесь он деятельно занимается литературой. Написанные им в Пензе стихотворения «Приказ Швейцару» и «Камин» приносят ему громкую известность. «Камин» был переведён на французский язык Авиатом-де-Вате и в 1799 году напечатан вторично.

В 1797 году вследствие «романического приключения с женой предводителя дворянства» Долгорукий оставляет Пензу. Несмотря на искреннюю привязанность к своей жене Евгении Сергеевне, он был чрезвычайно влюбчив и пользовался у женщин успехом, хотя и был очень некрасив. О своей наружности Долгорукий, между прочим, говорит: «По наружности я был чист, румян, но дурен лицом и обезображен от природы нижней челюстью непомерно широкой и толстой губой, по которой, когда я её распускал, называли меня часто разиней».

Вскоре по переезде в Москву состоялось назначение Долгорукого в Соляную контору. В это время (пребывания его в Москве) им были написаны: комедия «Отчаяние без печали», трёхактная опера «Любовное волшебство» и много мелких стихотворений. В 1802 году он издаёт под заглавием «Бытие моего сердца» стихотворение с посвящением «женскому полу», которому он «был обязан столь многими счастливыми воспоминаниями».

8 февраля 1802 года Долгорукий назначается Владимирским губернатором. В своих записках 1802 года он писал:

(49) Губерния Владимирская назваться может одной из многолюдных и богатейших в России. Она граничит с семью губерниями: Московской, Рязанской, Костромской, Нижегородской, Ярославской, Тамбовской и Тверской. В ней считалось тогда по пятой ревизии до четырёхсот тридцати тысяч с лишком душ, с коих денежные подати никогда не останавливались. Владимирский

*Там же. — С. 709.

**_Долгоруков, И. М._ Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / И. М. Долгоруков. — СПб.: Наука, 2005. — Т. 2. — С. 20—21.

ЧЕРНОВИК

мужик плотит всё в казну исправно. Большая часть поселян ходят по паспортам в верховые города на разные работы, общие рукоделья их — кирпичная кладка и плотничество. Две трети обывателей суть владенья помещичьего. Хлебородием губерния не щеголяет. Кроме Юрьевского уезда, во всех прочих пашня не вознаграждает обывательских трудов. Земли мало, и, по примерным исчислениям, не более трёх десятин приходит на душу. Отсюда происходит и то, что в год до шестидесяти тысяч разойдётся паспортов. Сколько верить можно собираемым ведомостям, самый лучший урожай не более может прокормить губернию, как от семи до девяти месяцев, но пограничные низовые уезды всегда подвозят ржи пропасть, и богатство поселян тутошних защищает их от всякого с этой стороны недостатка. Мужик смышлён и, по состоянию своему, имеет изрядное просвещение. Говоря о народе, сообщу моё замечание, что очень мало бывает особенно чёрных преступлений, и в год едва десять или двенадцать раз случится исполнить над крестьянином каторжное наказание, наипаче летом, время, в которое и по прочим местам лес, поле, овраг, всё бывает опасно, по Владимирской губернии можно ездить всюду без большой осторожности. Я часто рассуждал о сём сам с собою и из опытов заключаю, что сему причиною развлечение народа. Всё то, что здорово или молодо, уходит в чужие стороны, остаётся дома старый да малый, кои не в силах ни зарезать, ни ограбить, или необходимый работник для возделания домашних полей, которому некогда отстать от своих упражнений для шалости по сторонам. Примечание моё подтверждается тем, что как наступит осень и начнут сходиться люди домой, везде откроется роскошное пьянство, а вместе с ним появятся убийства и разные неистовства, столь обыкновенные подлой черни повсеместно. В некоторых уездах крестьяне пользуются большими заведениями, имеют фабрики полотняные, ситцовые и тому подобные. Они любят жить во всяком довольстве. Домы у многих каменные и прибраны не хуже господских, деньги сорят без счёту, гостей потчевают охотно. Казённые и удельные крестьяне все почти избыточные, дворянские не везде живут изобильно, большая часть знатных господ имеет большие поместья в Владимирской губернии и получают с них отличный доход.

Купечество не везде равно богато. Например, в самом губернском городе оно очень бедно. Торговля подробная в рядах самая ничтожная, потому (50)
что всякий, будучи близок от Москвы, из неё запасается всем для себя нужным и если, может быть, не с значительной выгодой в цене, по крайней мере с большею благонадёжностию в доброте товара. Ярмонок, стоющих сего названия, в губернии нет. Шуйская на Шахме одна из уважительнейших. Гуртовой торг ни в котором городе губернии так обширен не бывает, как в Шуе, Вязниках и Муроме. Там купцы имеют знатные капиталы в товарах и разные выгодные заводы. Они торгуют даже в иностранных землях, и с отменным успехом. Они входят во вкус большого света, и убранство домов составляет главный предмет их мотовства, потом тратят большие деньги на конюшни свои. Многие упорно стоят в расколах, но кажется, что иные более из угождения низкой своей братьи отращивают бороды, нежели из собственного убеждения в истине своих исповеданий. [...]

Дворянство (как и везде, думаю), живучи в своих поместьях, угождает низким страстям, от праздности происходящим. Юношество благородное воспитывается небрежно, учение бедное, одной русской грамоте. Дома держать учителей не всякий в состоянии, в публичные школы отдавать спесь дворянская не позволяет, да, правду сказать, и некуда. Губернские школы туне носят название училищ. Казна тратит даром золото, а учители без труда готовый хлеб едят. Итак, потомки благородных и высокоблагородных не обещают

ЧЕРНОВИК

большой пользы государству. Чиновные и богатые помещики, оставляя свои деревни в деспотическом управлении заслуженных своих холопей, жмутся около двора, а те, кои живут на владельческих своих землях, курят табак, травят зверей, пьют пунш и портят девок.*

И далее, говоря о дворянских выборах, Долгорукий пишет:

Дворяне без малейших начал нравственного воспитания не могли вместить тех изящных правил, кои нужны для того, чтоб выбор судей был акт прямо гражданский и ответствовал цели своего вымысла. Благородные, наполнив огромную залу, шумели и спорили о пустяках. Самые низкие страсти руководствовали каждым. Шары означали вместо качеств избираемого лица меру его уничижения перед своею братьею. Всё надобно было или выпросить, или нагло отнять.**

А вот некоторые наиболее яркие характеристики местного чиновничества и местных учреждений (из записок за тот же год).

Прокурором наехал я человека также немолодого, раболепного бесстыдного льстеца, который, вечно быв пролазом у знатных господ, сводником их, шутом и всем, чем угодно, наконец за подложное письмо был кинут по указу Павла в крепость и вытерпел тут изрядный карантин. Из неё выскочил прямо
(51) в прокуроры, не потому, чтоб открывшаяся его невинность требовала такого гласного возмездия, совсем нет! Князь Лопухин был в большом случае. Он ему возил девок, какой заслуги искать выше? И господин такой-то определён в прокуроры. Вот его история. Приятно быть под присмотром такого чистого государева ока.***

[...]

Между народными повинностьми в России нет тяжеле для поселян рекрутского набора, сколько по самому физическому её предмету, столько и по беспорядкам, сопровождающим сие гражданское действие, ибо нет учреждения, хуже основанного и менее обдуманного для пользы крестьян, как рекрутское. Я не стану говорить о мелочных злоупотреблениях, из коих многие одна опытность делает вероятными. Какая прозорливость их усмотрит? Какая деятельность предупредит и вовсе остановит? Не станет аргусовых глаз, чтоб вдруг увидеть шалости разного состояния служителей: украдёт фельдшер, бривши бороду, возьмёт офицер при обмундировке, комиссар наживается у провианта, повытчик грабит за квитанцию, вахмистр щечится, ставя мужика в меру, где неприметно уведёт или прибавит рост человека по мере подаяния, армейский приёмщик берёт при частном осмотре людей, когда приводятся от присяги, дать надо лекарю за одобрение физического сложения. Все они порознь и вместе изрядную уже берут с обывателя контрибуцию, но все подобные поборы суть ещё ничтожны перед тем наглым воровством, каким отличаются иногда при сём деле Казённые палаты или, по крайней мере, начальник её и тот член, который участвует в производстве набора.****

Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / И. М. Долгоруков. — СПб.: Наука, 2004. — Т. 1. — С. 575—577.

**Там же. — С. 600—601.

***Это прокурор Александр Родионович Зузин.

****Там же. — С. 574—575, 596.

ЧЕРНОВИК

Не лучшего мнения Долгорукий и о современных ему судебных установлениях. В записках за 1804 год, говоря об описи в казну имущества преступников, Долгорукий указывает: «Богатые фабриканты, те не боялись подобных описей потому, что юстиция никогда с ними не ссорится. Итак, попадал под меч закона один скарб нищего поселянина и, продаваясь за бесценок, терялся для наследников и для казны».*

В 1804 году скончалась первая жена Долгорукого Евгения Сергеевна. Кончина её подействовала на него чрезвычайно. «Лучше десять раз гореть, чем однажды овдоветь», — пословица, поставленная эпиграфом к собранию стихотворений Долгорукого, посвящённому смерти жены и названному «Сумерки моей жизни». Роль, которую играла Евгения Сергеевна в жизни мужа, без всякого преувеличения определена следующими словами Долгорукого: «Твоему разсудку, твоей кротости, твоим приятным внушениям я обязан был всеми драгоценными минутами моего существования. Ты научила меня быть добрым и полезным и заставила меня чувствовать все те прелести жизни, (52)
какие ощущаем мы, когда благонравная и любезная женщина обладает нами».** Действительно, Евгения Сергеевна была не только горячо любимым спутником, но весьма часто и незаметным руководителем увлекающегося и пылкого по характеру мужа. С потерей её Долгорукий навсегда лишился необходимой ему опоры, и сознание этого дало известный отпечаток почти на всех его последующих произведениях.

В том же 1804 году по инициативе Долгорукого была открыта во Владимире гимназия с пансионом и библиотекой, составленной преимущественно из пожертвованных Долгоруким книг. Под гимназию Долгорукий уступил свой губернаторский дом, откровенно, впрочем, признаваясь, что к этому побудило его исключительно нежелание оставаться в доме, в котором умерла его жена.

Из последующих с 1804 по 1812 год полезных начинаний Долгорукого необходимо отметить: устройство во Владимире суконной фабрики, постройку здания для незаконнорождённых и недужных, открытие театра и казённой аптеки, улучшение дорог и прочее. К этому же времени относится (1805 год) избрание Московским Университетом Долгорукого своим почётным членом.

В 1807 году Долгорукий вступил во второй брак с княгиней Пожарской. Характерная черта Долгорукого: доверчивость и стремление наделить человека, который ему нравился, качествами, последнему не свойственными, — сказалась и здесь. Вот что пишет М. А. Дмитриев о второй жене Долгорукого:

> Она была добрая, рассудительная и достойная уважения женщина; но совсем не пламенная, как воображал Князь Иван Михайлович по её письмам. — Спустя некоторое время после замужества, она просто и откровенно призналась ему, что зная мастерство его в французском языке (он действительно прозою писал лучше по-французски, чем по-русски), ей стыдно было показаться перед ним не такою мастерицею в эпистолярном слоге, и что письма её писал

*Там же. — С. 642.

**_Долгоруков, И. М._ Сумерки моей жизни / И. М. Долгоруков. — СПб.: А. Смирдин, 1849. — Т. 2. — С. 7.

ЧЕРНОВИК

один француз, учитель её сыновей от первого мужа. — Князь нахмурился; потом вдоволь нахохотался, и сам после рассказывал об этом: эта добродушная откровенность нисколько не возмутила их согласия.*

В 1812 году вследствие несогласия по поводу рекрутского набора с вице-губернатором Дюнантом и поднявшихся вокруг этого дела интриг, Долгорукий вынужден был оставить службу и переселился на жительство в Москву. Впоследствии он вспоминал с большой горечью о Владимире:

> Исповедую откровенно, что нет во вселенной для меня края ненавистнее Владимира. Говоря о городе, я не разумею ни стен его, ни положение места,
> (53) ни гор высоких, ни садов плодоносных. Нет, не земля Владимирская для меня
> железна, не небо его медяно: люди, одни люди тамошние, для меня несносней плотоядного ястреба, пожирающего птенца враного на кусте, противней ящерицы, в глухой траве всасывающей свои яды.[1]

С 1813 года Долгорукий окончательно обосновывается в Москве и всецело отдаётся литературе и домашнему театру, который он у себя устраивает. К этому времени Долгорукий уже был избран членом Беседы любителей русского слова, Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств и Общества Соревнования просвещения и благотворения, а затем и почётным членом Общества любителей Российской словесности при Московском Университете.

К делу устроения своего домашнего театра Долгорукий отнёсся со всей присущей ему страстностью и на резкие нападки на него со стороны многих, считавших, что в его лета и в его чине играть на сцене — неприлично (Долгорукий, по отзывам современников, был превосходным актёром и очень любил выступать), — ответил в своих записках:

> Говорили, что мне не под лета и несогласно с моим чином выходить на сцену. Об этом да позволят мне поспорить. Я сделаю только один вопрос: позволительно ли было бы мне, в мои года и в моём чине, играть по целым дням в карты и разоряться, в больших партиях и с большими господами, из одного подлого им угождения; или, спрятавшись дома, кое с кем, осушивать за жирным столом дюжину бутылок шампанского? Или наконец держать втай сераль наложниц и наполнять воспитательный дом несчастными жертвами? Спрашиваю: простительнее ли это театра? — О! если бы я всё делал по примеру других, я уверен, что меня менее бы злословили![2]

Другим развлечением Долгорукого были литературные вечеринки, посещавшиеся М. П. Загоскиным, С. Т. Аксаковым и другими. Широкое гостеприимство, любезность, успех у женщин, несмотря на некрасивую наружность, искреннее добродушие делали Долгорукого — душою общества, а его

[1] *Долгорукий, И. М.* Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года / И. М. Долгорукий // Долгорукий, И. М. Изборник 1764—1823 / И. М. Долгорукий. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. — С. 212.

[2] *Дмитриев, М. А.* Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения / М. А. Дмитриев. — 2 изд. — М.: Типография Л. И. Степановой, 1866. — С. 117—118.

* *Дмитриев, М. А.* Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения / М. А. Дмитриев. — 2 изд. — М.: Типография Л. И. Степановой, 1866. — С. 73—74.

ЧЕРНОВИК

спектакли, пикники и вечеринки одним из излюбленнейших удовольствий знакомого кружка.

Из его многочисленных произведений наиболее ценились современниками следующие стихотворения: «Приказ Швейцару», «Камин», «Везёт», «Живёт», «Плач над Москвою», «Черты свободного писателя», «Нечто для весельчаков», одна из лучших сатир, направленная против условных светских приличий. Наиболее полным собранием сочинений И. М. Долгорукого является издание Смирдина 1849 года в двух томах.

В настоящее время совершенно исключительный интерес представляют (54)
«Записки» Долгорукого, часть которых, описывающая его жизнь от рождения с 1764—1800 года, напечатана,[1] остальная же с 1801 по 1823 годы часть (приблизительно половина) до сего времени не напечатана и в одном из рукописных экземпляров, каковым мы и пользовались для настоящей статьи, находится в библиотеке 1-го Московского Государственного Университета.[2]

Скончался И. М. Долгорукий в 1823 году. «Все знакомые, и званые и незваные, собрались отдать последний долг доброму человеку; не дали поставить его гроб на погребальную колесницу и несли на своих руках до самой могилы», — пишет об его похоронах М. А. Дмитриев. Погребён И. М. Долгорукий в Филях.*

[1]*Долгоруков, И. М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве в августе 1788 года на двадцать пятом году от рождения / И. М. Долгоруков. — Петроград, 1916.

Также и в «Русском библиофиле» за 1913—15 годы.

[2]Полный титул рукописи следующий: «Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788 г. в августе месяце на 25 году от рождения моего. В книгу сию включены будут достопамятные происшествия, случившиеся со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мной связь и к собственной истории моей уважительное отношение». Подробные сведения о «Записках» и истории их печатания дают: первоначально М. Логинов в «Русском архиве» за 1856 год, стр. 365—367, и последние А. Поляков в предисловии к «Запискам князя И. М. Долгорукого», издание 1916 года.

*Князь Долгорукий имел усадьбу в Москве на улице Плющихе, в начале двух Вражских переулков. Отсюда любовался селом Фили, часто гулял в селе и так привязался к этим местам, что завещал похоронить его на филёвском кладбище. Случилось иначе. Могила Ивана Михайловича Долгорукого в Москве на кладбище Донского монастыря, в глубине квартала справа от Большого собора Донской иконы Божией матери, на семейном участке. Памятник — колонна с именем покойного. Читаем об этом у Дмитриева на с. 161, откуда становится ясна вся путаница.

ЧЕРНОВИК

IV. Усадьба «Ботик» в XIX—XX столетиях

(55) Построив на частновладельческой земле общественное сооружение, каким был Петровский Музей, в отношении юридической стороны дела князь И. М. Долгорукий ограничился согласием на это помещицы, изложенным ею в простом письме.

Последняя писала 13 августа 1803 года Переславскому уездному предводителю дворянства Плохово следующее:

Милостивый Государь мой,
Степан Александрович.

От предместника вашего Михаила Александровича Угрюмова имела честь получить я в сентябре месяце прошлого 1802 г. письмо с приложением копии с высочайшего рескрипта, полученного г. губернатором князем Иваном Михайловичем Долгоруким на представление его о построении каменного здания для хранения ботика государя Петра Великого от усердия с иждивением гг. Переславских дворян и по случаю имения коего, состоящего в Переславской Округе в с. Веськове на берегу Переславского озера состоящего, при котором до сего времени хранится в деревянном сарае тот ботик, построенном на моей земле, требовав тем письмом соглашения моего, чтоб и вновь каменное для хранения тогож ботика здание позволила я построить и определила число земли для того строения. Но как я неизвестна была, какое бы количество мерою под оное потребно, то числом я назначить не могла, а так соугодно было высочайшей воле, то с великим моим удовольствием сим малым знаком моего усердия пожертвовать согласилась и просила известить меня о количестве, сколько той земли потребно. И при том, как прежде сего состояла у того хранилища ботика печать за караулом крестьян моих и оные назначаются для того караула инвалидов из матросов шесть человек, то не могло бы коснуться впредь чего к отягощению крестьян моих, как [к] сожалению моему ни о чём в ответ уведомления от оного не получала. А известилось от старосты моего, что где должно храниться ботику строение, занимающее земли 7 сажен, [15 м] уже построено, да ежели разсуждено будет построить для житья инвалидов караульню, то не более того количества земли потребно. То и на сие построение караульни, сколько она может занять, без малейшего отрицания позволю на то время, сколько пробудет существованием тот под сохранением в том строении ботик, о чём, извещая вас, милостивый государь, прошу при том покорнейше, что вокруг того строения лежащую землю крестьянам моим, оставляя для проезду одну только дорогу, обработывать было ни кем не воспрещено; дабы она, не принося никому пользы, не оставалась в пусте. И от караула печать, как до сего обременены были крестьяне мои
(56) оным со времени ещё того, когда они были казённые дворцового ведомства, а поныне более ста лет без перемены несли повинность, (прошу) сих избавить, ибо в таком же почти расстоянии есть казённые селения, до коих сие править принадлежало, но не знаю почему, были оттого свободны. Да и сверх того

ЧЕРНОВИК

караула печати оставляем был ключ от того сарая, где хранился до сего ботик, у старосты села же моего Веськова так же на сохранении, а ныне ему следует быть в том месте, где и печать, которою запечатано бывает хранилище. То и приказала я старосте моему оный представить к вам при объявлении, или куда вы прикажете, где ему хранимому быть долженствует. При сём же повторяя вам мою покорнейшую просьбу о принятии меня, как вдову, не имеющую защиты и крестьян моих под своё покровительство на всём вышеписанном, не оставьте без удовлетворения.

Пребываю с должным моим к вам почтением, Милостивый Государь.

Покорная к услугам
Авдотья Бутакова.

В этом письме самое важное — это согласие помещицы на постройку музейного здания на её земле. Но определение площади занятия им отсутствует. Указана здесь только длина участка 7 сажен; [15 м] в действительности же застроено было ещё в ширину 4 сажени. [9 м] Кроме того, со всех четырёх сторон в расстоянии двух сажен от стен была берёзовая аллея в сажень шириною и, наконец, в расстоянии сажени от аллей шла деревянная загородка, состоявшая из тумб с перилами. Следовательно, в длину занято было 10 сажен, [21 м] в ширину 8 сажен, [17 м] а всего 80 кв. сажен.

Такая неопределённость не имела значения, пока жива была помещица, вдова ротмистра Бутакова. Но она умерла бездетной и её поместье перешло по наследству к Нечаевым. Затем в дело вступились другие родственники умершей Нелидовы, заявившие свои права на наследство, вследствие чего возник судебный процесс, решённый Сенатом в 1828 году в пользу последних.

Село Веськово вместе с исторической усадьбой стало собственностью Нелидовых. Но они также владели им недолго. Обременённое долгами поместье продавалось с публичного торга опекунским советом, где было заложено, и 4 апреля 1840 года от Клавдии Нелидовой с дочерьми перешло по покупке к коллежскому асессору Ивану Трофимовичу Емельянову, секретарю 7 департамента Московского Сената.

Купив с публичных торгов Веськово как всякое рядовое недвижимое имение, без какого-либо ограничения относительно исторических его особенностей, новый владелец тем не менее в действительности получил сложное и запутанное дело: на его земле было общественное здание — Музей, и кроме того, при нём деревянная сторожка, в которой содержался сторож, по-видимому, на средства богатого переславского помещика генерала от кавалерии Степана Степановича Апраксина. Надзор за этим принадлежал местному уездному предводителю дворянства. (57)

Таким образом, на бывшей Петровской усадьбе было два хозяина: владелец именья и хранитель исторических памятников.

В первые годы владения Емельянова Веськовым, так же как и при его предшественниках, это обстоятельство не порождало никаких недоразумений и всё шло мирно и тихо.

В 1833 году здание Музея было ремонтировано на средства местного дворянства. Между тем в Санкт-Петербурге возник вопрос о перевозке ботика «Фортуна» для хранения вместе с «дедушкой русского флота» на берегах Невы. Тогда на дворянском собрании 27 апреля 1836 года возбуждено было

ЧЕРНОВИК

ходатайство об оставлении его на прежнем месте на берегу Плещеева озера, а вместе с тем решено было устроить каменную сторожку для трёх сторожей, средства на её постройку собрать с помещиков путём раскладки по $10^1/_2$ коп. с каждой ревизской души.

На собранные таким образом деньги с полного согласия Емельянова построена в 1842 году каменная сторожка, существующая до сего времени, занявшая вместе с двором и холодными постройками $83^1/_2$ кв. сажен. [380 кв. м]

Но вот потом сам владелец усадьбы в 1845 году выстроил в ней жилой дом со службами для себя, то есть сделал то, на что он имел полное право.

Между тем Переславский предводитель дворянства остался крайне недоволен действиями Емельянова и мотивировал их тем, что он выстроил деревянный дом в опасной близости в пожарном отношении к Музею.

Но немалую долю остроты, надо думать, внесло сюда то обстоятельство, что Емельянов был новоиспечённый дворянин. Своё дворянство он выслужил и получил благодаря чину коллежского асессора, дававшего в то время на это право. В 1842 году он принят был на этом основании в число Владимирских дворян и внесён в родословную книгу.

Тем не менее, в глазах старого местного дворянства он оставался выскочкой и к нему относились свысока. Этому parvenu нельзя было простить, что он поселился по соседству с ботиком Петра Великого. Мало ли было помещиков до Емельянова, но ни один из них не осмелился этого делать.

Но сделанное предводителем замечание по этому поводу встретило со стороны Емельянова твёрдый отпор и принято было первым как оскорбление. В своей жалобе Владимирскому губернскому предводителю дворянства,
(58) а последний губернатору, он писал, что Емельянов выстроил свой дом в 15 саженях [32 м] вниз к озеру от сторожки и в то же время в 12 саженях [26 м] от угла Музея. Находя это опасным для ботика, предводитель просит обследовать дело при помощи специалиста из Губернской строительной комиссии. Сюда послан был губернатором член этой комиссии штабс-капитан Шац, который после осмотра строений в усадьбе Емельянова нашёл положение вещей согласно с тем, как доносил предводитель, и с своей стороны дал заключение, что дом следует отнести от Музея на 50 сажен. [107 м] На этом основании губернатор сообщил предводителю результаты обследования и вместе с тем требование о переносе дома на другое место.

Но недаром же Емельянов был сенатским секретарём и знал законы не хуже губернских властей. В ответ на это он писал предводителю:

> По существующим законам все владельцы дворянской недвижимой собственности суть единственные распорядители земли их и что на поверхности и что в недрах её; и по сему — мои распоряжения и дом в крепостном имении моём с. Веськове, где нет ничьего стороннего владения земли ни одной сажени, не могут быть подчинены стороннему влиянию штабс-капитана Шаца, который неправильным донесением обеспокоил лишь начальство, ибо кроме того, что не имел права судить о моей собственности и делать распределения землёю моею, ни в каких законах и уставах не постановлено относить здания одно от другого на 50 сажен... Строительными законами в империи для городов и столиц постановлено оставлять между зданиями одно от другого без различия казённых и частных расстояние на 4 сажени (ст. 278-я XII т. Свода Устава Строительного, изд. 1842 г.). Мой же дом от флигеля ботика,

ЧЕРНОВИК

построенного на моей земле, отстоит более, нежели втрое... Ботик помещён в особом флигеле не на казённой или общественной, а на крепостной земле моей, по дозволению только предшественницы моей занять для того семь сажен земли...

Кроме юридической правоты за Емельяновым были и другие основания не согласиться с требованием о переносе дома. Для этого нужен был денежный расход, что для него как человека служащего и, видимо, небогатого было тяжело.

Когда получен был в губернии его отказ, то ему предложили дать согласие на возведение брандмауэра между домом и Музеем, чтобы предохранить ботик от пожара.

В ответ на это он писал:

В имении моём нет границы, отделяющей землю мою от земли, принадлежащей будто бы ботику, ни в натуре, ни в плане генерального межевания, по которому вся земля без изъятия принадлежит единственному владению моему с. Веськова и вы (предводитель) не нашли на оном, когда видели лично у меня в 1842 г., никакого признака о ботике, который как вещь государственная и переносимая, временно лишь поставлен на земле помещичьей (59) без приобретения её в вечность. По покупке от правительства мною всего имения со всею землёю по законному крепостному акту я состою полным, без всякого постороннего участия, законным владельцем всей без изъятия земли в с. Веськове и находящейся под ботиком со вводом и отказом за мною безспорно и законно...

А по сим основаниям нет причины мою крепостную землю отделять от моей же брандмауэром, который среди помещичьего владения на моей земле существовать не может...

Отказав в своём согласии на устройство брандмауэра, Емельянов посоветовал сделать в Музее железные ставни и двери, что, по его мнению, лучше всякой стены должно предохранить его от пожара.

Совет этот принят не был, а вместо него предводитель обратился к Емельянову с предложением: продать дворянству часть усадьбы, на которой помещался Музей и сторожка, а именно не менее 38 сажен [81 м] в длину и 26,5 сажен [57 м] в ширину, следовательно, свыше 1 000 кв. сажен.

Но так как это обесценивало имение и создавало чересполосицу, то помещик и в этот третий по счёту раз отказал своему классовому начальству и в то же время, очевидно, потеряв от неприятностей душевное равновесие, начал озорничать. Желая, должно быть, уничтожить всякие признаки, которые могли быть истолкованы как границы музейных владений, он сломал перила и тумбы, окружавшие музейную аллею, и сначала поставил их вплотную к самым берёзам в беспорядочном виде, а когда уездный предводитель попросил его исправить сделанные им повреждения, то он распорядился переставить их к самому зданию Музея.

Его обвиняли также, что он срубил берёзы при Музее, но это оказалось неправильным. А оправдываясь в своих действиях относительно Музея, он писал губернскому предводителю дворянства между прочим следующее:

Я не препятствую сохранению ботика на земле моей в существующем здании... Эта земля не подарена и не укреплена в вечность. Она осталась крепостной

ЧЕРНОВИК

собственностью владельца с. Веськова... Ботик помещён частным образом... Как вещь государственную и переносную верховное правительство недавно желало взять в Санкт-Петербург для помещения с отечественными памятниками в приличном месте, но дворянству Переславского уезда угодно было выпросить оставить его у себя, не приготовив однако в то время и не приобретя покупкою для оного собственной недвижимой земли, следовательно, дворянство имело в виду перенести его на другое приличнейшее общественное
(60) место; да и при выпрашивании оного не было вовсе поставлено на вид верховному правительству, а умолчено, что оный находится на чужой помещичьей земле, что едва ли совместно отечественному памятнику, который верховное правительство верно не оставило бы здесь, если б знало об этом...

Ядовитее ответа трудно придумать. Дворянству он даёт патриотический урок, а относительно верховной власти делает тонкое замечание, что если бы она знала положение дела, то поступила бы, конечно, справедливо и мудро. Между тем как настоящим виновником всего была Екатерина II, так любившая уверять всех в своём преклонении перед Петром I. Она именно отдала в частные руки исторические памятники и создала все затруднения в деле их хранения.

Емельянов продолжает своё письмо:

Ваше превосходительство, поставьте себя на моё место и великодушно рассудите: а) что я не могу один отдать всего имения и никакого куска земли прибавить на тот предмет, который лежит на обязанности всего вообще сословия дворянства, которое общими силами может сделать общественное для него приобретение имения; б) что я и без того несу многие потери и неудобства от побития трав и прочего пешеходами из простолюдин, приходящими не для того, чтобы видеть ботик, а под именем его в имение моё просто неистовствовать, что для семейного владельца и для дам крайне неприятно; один же из сторожей Суслов груб и не трезвого поведения; в) что на одну и ту же землю двух хозяев быть не может, я же с имением купил всю землю под ботиком и вокруг здания без исключения...

...Я не препятствую, а считаю священным счастием, если ботик останется на земле моей, ограниченной с самого начала 7 саженями для здания, в коем он удобно помещается, и караульней, но с таковым разъяснением на будущее время, что бы под именем его не было отнюдь прикосновения к прочей вне здания земле моей, ни вмешательства в распоряжения мои оною. ... В противном случае я не лишаю себя права просить о перемещении ботика, ибо в имении моём ничего нет казённого...

Это была уже явная угроза и оскорбление, та предельная грань в истории остатков Петровской флотилии в Переславле, за которой должно было последовать окончательное решение. Петровскому Музею угрожала опасность ликвидации в том именно пункте, с которым он связан органически, потому только, что собственник и эксплуататор этого клочка земли собирался выкинуть его из своих владений.

Ясно, что такой оборот дела вызвал негодование и заставил искать новое место для ботика по берегам озера. Такие места на всякий случай
(61) были намечены: одно близ Горицкого монастыря, другое на Александровой горе. Между тем переславские рыбаки в дополнение к этим двум пунктам, указанным дворянами, присоединили третий. Они составили мирской

ЧЕРНОВИК

приговор, в котором изложили, что их прадеды и деды были самыми деятельными участниками при устроении ботика на Плещееве озере, а потому, усердно благоговея пред его драгоценною древностью, просили удельное начальство осчастливить их дозволением поместить ботик в Рыбной слободе на берегу озера, жертвуя на устройство здания для помещения его самое удобное место. Это трогательное постановление было направлено удельной конторой, в ведении которой тогда находилась Рыбная слобода, губернскому предводителю дворянства.

Но, к счастью, ни одно из этих предположений осуществлять не пришлось. Ботик остался там, где ему и быть надлежало, на прежнем своём месте близ с. Веськова. Благоприятный оборот приняло дело в зависимости от того, что оно стало известно в Петербурге через Владимирского губернатора, сообщившего о нём в Министерство Внутренних Дел. Николай I распорядился: «1) Призвать коллежского асессора Емельянова в собрание дворянства и объявить ему через губернского предводителя, что его императорское величество изволил признать поступок в настоящем случае крайне неприличным, в особенности когда ему служило примером постоянное попечение Владимирского дворянства о сохранении памятника, драгоценного для каждого русского; 2) отнести помещение ботика от самого строения, когда местность та позволит, сделав вместо деревянного каменный сарай; 3) если расход на сей предмет владимирское дворянство не примет на себя, то поставить сарай на счёт его императорского величества».

Хотя, как видно из этого, в Петербурге неясно представляли себе истинное положение вещей в Веськовской помещичьей усадьбе (там забыли о каменном здании Петровского Музея) и пункты второй и третий не имели прямого практического значения, тем не менее смысл распоряжения был ясен: бот Петра должен быть сохранен там же, но вдали от опасного в пожарном отношении здания.

5 декабря 1846 года во Владимире происходило дворянское собрание для осуществления мероприятий, указанных Николаем I. Сюда вытребован был Емельянов, которому в присутствии 145 человек дворян губернский предводитель сделал строгое замечание и выговор за его оскорбительное и недостойное отношение к исторической реликвии, какой является Петровский ботик.*

Затем обсуждали дальнейшую судьбу Петровского Музея. Было два течения: первое стояло за то, чтобы перенести его в одно из намеченных мест в окрестностях Переславля, а другое — за оставление его на месте близ (62)
Веськова с покупкою у Емельянова всего веськовского имения полностью.

Последнее выдвинуто было переславцами. Коллежский секретарь Юшков в особой докладной записке доказывал, что перенос Музея будет стоить столько же, сколько покупка всего поместья, а именно около 30 тысяч, — на доходы от него, посчитанные в две тысячи рублей в год, можно было погашать банковский долг или образовать специальную Петровскую стипендию и на неё воспитывать 2—3 бедных дворян, «а главное, — заключает автор свою записку, — наш родной исторический памятник останется на прежнем

*Губернский предводитель дворянства в отчёте за 1846 год на 6 странице пишет, что губернское дворянское собрание произошло 7 декабря 1846 года. Неясно, почему Смирнов называет 5 число.

ЧЕРНОВИК

месте, где не только Россия, но и самая Европа привыкла его видеть столько лет».

Это мнение восторжествовало и было решено выкупить Веськово полностью. Емельянов и раньше склонялся к тому, чтобы продать поместье, и назначил за него 30 000 рублей. Теперь после сделанного ему внушения он стал уступчивее и согласился продать его за 27 000 рублей. Собрание нашло эту цифру приемлемой и постановило собрать её посредством обложения владимирских помещиков по 6 копеек с ревизской души. С Емельянова же взята была подписка, что «он до изъявления Высшим Начальством согласия на эту покупку обязуется имения своего никому другому не продавать; а как скоро получится разрешение, выдать Дворянству крепостной на имение акт, получив деньги по расчёту, за исключением долга Московскому Опекунскому Совету, в котором имение заложено».*

Согласие начальства было дано и 11 июля 1847 года веськовское поместье с 177 ревизскими душами крепостных крестьян и всей вотчинной землёй перешло в собственность Владимирского дворянства в его целом.**

Так в конце концов найден был более или менее правильный выход из того нелепого положения, в которое были поставлены по вине Екатерины II исторические остатки Петровской флотилии в Переславле. Местом их хранения, усадьбой на горе Гремяч, стал владеть теперь один хозяин.

Следовательно, урок, данный Емельяновым, не прошёл даром. Он способствовал выяснению запутанного вопроса, а кроме того, обратил внимание на заброшенный исторический уголок, помог его украшению и улучшению в дальнейшем.

Нельзя же было, в самом деле, оставлять теперь усадьбу в том виде, как она была при Емельянове. Надо было привести её в порядок и дать ей иной, более благоустроенный вид. Так явилась мысль об устройстве здесь памятника Петру I и других сооружений.

(63) Проект памятника поручено было разработать художнику Александру Сантиновичу Кампиони, который производил потом и самую его установку. Место для него было выбрано впереди Музея ближе к озеру. Закладку произвели 17 августа 1850 года и работы шли в течение двух лет. Памятник сделан из финского гранита в виде усечённого обелиска, поставленного на пьедестал и украшенного бронзовой арматурой. Сверху памятника царский герб, на четырёх сторонах пьедестала вычеканенные золочёные надписи:

1) указ Петра I от 7 февраля 1722 года,
2) резолюция Николая I от 27 января 1847 года по поводу покупки Веськовского поместья дворянством,
3) дата закладки памятника, и
4) день его открытия 17 августа 1852 года.

Одновременно с этим производилась постройка триумфальной арки по проекту архитектора Жеребцова, перестраивавшего тогда фабричные

Богданов, С. Н. Отчёт Владимирского губернского предводителя дворянства за 1846 год / С. Н. Богданов. — Владимир, 1847. — С. 7.

**Губернский предводитель дворянства в отчёте за 1847 год на 10 странице пишет, что купчая крепость совершена 9 июля и дворянство вступило во владение имением 24 июля. Неясно, почему Смирнов называет 11 число. Опять два дня разницы.

ЧЕРНОВИК

корпуса купца Борисовского в Переславле. Она поставлена при въезде в усадьбу со стороны с. Веськова и представляет собою каменные ворота, украшенные наверху бронзовой арматурой военного характера.

Вместо снесённого Емельяновского дома по проекту того же архитектора построено деревянное здание летнего типа, назначенное для общественных собраний. Это так называемая ротонда.

С постройкой этих сооружений усадьба получила другой вид, более благоустроенный, но, понятно, во вкусе Николаевской эпохи, не имевший ничего общего с Петровским временем.

На торжество открытия первоначально предполагалось взять из Никитского монастыря восемь хранившихся там пушек, которые ошибочно приняты были организаторами торжества за подарок Петра I монастырю, тогда как на самом деле эти пушки памятник так называемого смутного времени. Но духовные власти в лице синода, куда направлено было ходатайство, отказали.

Предполагалось также устроить флотилию по образцу Петровской и в день открытия памятника заставить её маневрировать на озере.

Но для этого нужны были новые расходы, а их произведено было и так немало. Самое торжество поэтому было скромнее предположений и планов. Со стороны морского ведомства был один лишь капитан-лейтенант князь М. И. Голицын, от армии один батальон Углицкого Егерского полка, расквартированного тогда в Переславском уезде, и одна батарея 16 артиллерийской бригады. Разумеется, присутствовали высшие губернские власти, гражданские и духовные. Торжество началось церковной службой 16 августа в с. Веськове.

Утро следующего дня выдалось на редкость солнечное и вёдреное, что привлекло сюда тысячную толпу крестьян и горожан. После обедни, от- (64)
служенной в том же Веськове, был крестный ход к памятнику. Открытие его сопровождалось церковной и военной церемонией, причём был сделан 101 выстрел.

Затем, как водится, был парадный обед с речами и тостами, затянувшийся до самого вечера. После обеда бал, музыка для которого была выписана из Большого Московского театра. Ночью усадьба и берега озера были иллюминованы и расцвечены фейерверками и ракетами.

По случаю открытия памятника было выбито 12 золотых и 550 серебряных медалей с портретом Петра I на одной стороне и видом памятника на другой. Издана в то же время в типографии А. Семена «Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии и об открытии памятника Петру I», составленная А. Розовым.

На следующий год (14 июня 1853 года) в усадьбе было заложено каменное здание «дворец», выстроенное главным образом на средства местных фабрикантов: Варвары и Татьяны Гладковых, Алексея Чечелёва, Якима Красильникова и Дмитрия Попова. С возведением этого здания усадьба Ботик приняла свой настоящий вид, который она сохранила до наших дней.

С изменением наружного её вида изменился внутренний строй жизни этого исторического уголка. Центром всего, как это и должно быть, стали остатки Петровской флотилии, а все остальные группировались около них и для них. Охрана производилась сторожами сначала тремя, а потом одним. Надзор за ними был деятельный. Население получило свободный доступ

ЧЕРНОВИК

сюда для гуляний. Одно традиционное происходило в Петров день, 29 июня по старому стилю, а второе установлено было, с устройством даже ярмарки, 17 августа по старому стилю.*

Дворянство со своей стороны, по крайней мере первое время, ежегодно отмечало его устройством праздника. «Пять лет, — читаем мы в одной корреспонденции за 1857 год, — Владимирское дворянство празднует 17 августа, день открытия памятника Петру I на берегу Плещеева озера».**

«Ботик» стал потом вообще любимым местом для загородных увеселений по летам скучавшего Переславского дворянства и группировавшегося около него чиновничества. Местный предводитель Гр. Ил. Повалишин, владелец с. Семендяйки, любил устраивать во дворце и ротонде по воскресным дням вечеринки, привлекавшие сюда от 80 до 150 человек, любивших потанцевать и поиграть в карты. Одним словом, здесь завелись своего рода «Переславские ассамблеи».

Секретарь предводителя Е. Беляев настолько был восхищён этим, что свою корреспонденцию во «Владимирских губернских ведомостях» закончил следующими стихами:

(65) И озеро, свидетель дел Петровых,
Ты будь свидетелем событий наших новых!
Шуми волнами, и играй во имя радостей живых!
Какие жили и живут в сердцах людей простых!

Но с освобождением крестьян от крепостной зависимости это веселье, видимо, скоро окончилось. Не на что стало заводить вечеринки, ибо Веськово, приносившее до 1861 года до двух тысяч рублей, теперь перестало давать доход, а требовало расходов на содержание сторожа и поддержание зданий и усадьбы. Последняя была выделена из плана с. Веськова в размере 14 десятин 300 сажен. [15,4 га] Сюда вошла гора Гремяч и скат её до самого озера Плещеева.

В 1872 году праздновалось 200-летие со дня рождения Петра I, отмеченное в Москве устройством Политехнической выставки, на которую по ходатайству губернского предводителя дворянства предполагалось отправить ботик и другие Петровские вещи. Но, к счастью, «по освидетельствовании ботика членом комиссии морского отделе выставки перевозка его оказалась положительно невозможною, так как по ветхости его может повлечь за собою окончательное его разрушение». Вследствие этого всё дело ограничилось одной перепиской и страхами почитателей старины за судьбу если не дедушки Русского флота, то бабушки его «Фортуны», каковою нужно считать Переславский ботик.

Возможно, что его спасло также то обстоятельство, что он, в сущности, замурован в Музее. В 1803 году он был вдвинут сюда и поставлен на постаменте через специальную арку в восточной стене, которая после этого была заложена; в обычные же двери, при ширине 2,28 метра, он пройти не может.

*12 июля и 30 августа нового стиля.

**_Беляев, Е._ Празднование в Переславле 17 августа в день открытия Петру I памятника / Е. Беляев // _Владимирские губернские ведомости_. — 1857. — № 37.

ЧЕРНОВИК

Извлечение отсюда ботика грозило вместе с тем целости Музейного здания и усложняло это дело, что неизбежно должно было повлиять на отрицательное заключение эксперта морского отдела политехнической выставки.

С тех пор мирное течение жизни в усадьбе ничем не нарушалось до самых романовских торжеств в 1913 году. К приезду Николая II все здания и сооружения приведены были в нарядный вид и отремонтированы. Кроме того, выстроен был существующий до сего времени деревянный бельведер, поставленный на самом краю горы над озером, а внизу на озере пристань для потешного флота, просуществовавшая только до весенних льдов, разрушивших её в 1914 году.

Устраивая бельведер, уничтожили находившуюся на этом месте возвышенность, известную под именем батареи, с которой, как говорит предание, производилась Петром пушечная стрельба. Вместе с тем сравняли с лицом земли рябь бывших курганов по откосу Ботика между шоссейной дорогой и верхом горы и таким образом совершенно уничтожили следы погребений IX—X столетий. Выкинули также из парка остатки сухого старого дуба, (66)
посаженного Петром. Возможно, что в это именно время исчез из числа Петровских вещей недоплетённый им лапоть, так как было найдено, должно быть, устроителями встречи на Ботике царя недостойным его предка такое низкое занятие...

Такое усердие не по разуму нашло себе молчаливое, но твёрдое осуждение в охране исторической усадьбы веськовским крестьянством в первое время революции. Здесь всё оставлено было в полной неприкосновенности, как она застала её.

Затем из Переславского волостного исполнительного комитета усадьба перешла в ведение Уездного земельного управления, последнее (4 марта 1919 года), исходя из того соображения: 1) что означенное имение не заключало в своём составе земельной площади сельскохозяйственного значения и не могло быть использовано для нужд местного земледельческого населения, и 2) что, являясь ценным историческим памятником Переславского края, подлежит попечению не Земельного Управления, а специального органа по охране памятников искусства и старины, передало его в ведение Переславль-Залесского историко-художественного музея.

Право на дальнейшее владение утверждено было за ним Уездной земельной комиссией (1922 года июля 6 дня) и Владимирским губернским земельным управлением (29 марта 1923 года). В 1925 году Музеем возбуждено было дело об установлении границ в порядке землеустройства. В процессе подготовки возникло спорное дело о праве пользования угодьями со смежным селом Веськовым, решённое в пользу Музея.

Землеустройство происходило в 1926 году, причём во избежание недоразумений обществу крестьян Музеем уступлена луговая земля между Плещеевым озером и шоссейной дорогой для прогона скота и связи крестьянских владений. Но для прохода к озеру из усадьбы оставлена полоса (дамба) шириною в три сажени. [6 м] Перешло к обществу 2 десятины 300 сажен, [2,3 га] оставлено за Музеем 12 десятин, [13,1 га] состоящих

ЧЕРНОВИК

из 6,25	десятины покоса,	[6,8 га]
1,92	десятины леса,	[2,1 га]
3,48	десятины под парком и строениями,	[3,8 га]
0,07	десятины под пашней	[0,1 га]
и 0,05	десятины под дорогой.	[0,1 га]

В настоящее время в усадьбе Ботик находятся следующие здания и сооружения:

1) петровский Музей в каменном здании ампирного стиля, постройки 1803 года,
2) каменная сторожка с надворными постройками, 1842 года,
3) гранитный памятник Петру I, 1852 года,
4) триумфальные ворота, 1852 года,
5) ротонда (деревянное здание летнего типа), 1852 года,
(67) 6) дворец, каменное здание, постройки 1853 года,
7) бельведер, деревянный, 1913 года.

Центральное место среди них принадлежит Музею, вмещающему в себе ботик, серию бытовых вещей XVII века, среди них единственную в своём роде коллекцию «слюдовых окончин» и принадлежностей корабельного снаряжения.

Самая ранняя опись этим вещам была составлена членом Археографической Экспедиции Я. Бередниковым в 1833 году.

1. Ботик, с остатками старинной оснастки, длиною $9^1/_2$ аршин, [676 см] шириною 3 аршина 6 вершков, [240 см] вышиною 2 аршина. [142 см]
2. Вещи, принадлежащие к оснастке галер и яхт, как то: мачты, блоки, реи и прочее.
3. Шесть корабельных разных величин якорей и один якорь меньшей величины, вероятно, употреблявшийся при яхтах и ботике.
4. Железный котёл, вышиною 1 аршин с полувершком, [73 см] в диаметре 2 аршина $3^1/_2$ вершка. [158 см]
5. Деревянная ступа, вышиною $1^1/_2$ аршина, [107 см] в диаметре $8^3/_4$ вершков. [39 см]
6. Четыре чугунных пушечных ядра.
7. Шесть кузнечных мехов.
8. Разные вещи, как то: судовые канаты, войлочные полости, употреблявшиеся для подстилок на полы в комнатах и судах, несколько обыкновенных плотничных инструментов, каковы топоры, пазники, гвозди и прочее, железные ж заслонки, дверцы и лейки.
9. Слюдяные оконничные рамы, из коих на четырёх изображены разноцветными красками разные человеческие, также зверей и птиц фигуры, на середине оных изображение двуглавого орла, каждая рама вышиною 1 аршин 14 вершков [133 см] и шириною 14 вершков. [62 см]
10. Несколько обитых белыми войлоками зимних оконничных ставней, употреблявшихся в Переславле и называемых там тулками.
11. Железный механизм больших, вероятно, бывших на колокольне или башне боевых часов, часовые колёса, вал, гири и прочее.

ЧЕРНОВИК

12. Стоявший некогда на дворце или каком-либо здании деревянный, обитый жестью двуглавый орёл с короною, некогда позлащённый; вышина 1 аршин 12 вершков, [124 см] ширина 1 аршин 11 вершков. [120 см]
13. Образных 22 дски (четвертных или, по старому названию, пядниц), на коих изображений от времени вовсе не видно.

Следующая по времени опись составлена была в 1852 году А. Розовым (68)
и напечатана в его «Исторической записке», изданной к открытию памятника на Ботике. Его опись имеет свой самостоятельный порядок, более подробна, чем первая, и, видимо, сделана была независимо от прежней.

Она перечисляет следующие вещи, не упомянутые Я. Бередниковым:

1. Собственноручный именной Петра I указ Переславским воеводам от 7 февраля 1722 года.

   Но нужно иметь в виду, что подлинный указ долгое время хранился в особом сундучке в Земском Суде, потом в Петровском Музее, отсюда сдан был в Казначейство, а в Музее оставлена копия, затем снова помещён был в Музее; так что при составлении первой описи мог и не быть в Музее.
2. Вместо 22 образных досок показано 24, то есть больше на две.
3. В развитие п. 2 первой описи подробно перечисляются:
   - Несколько оставшихся лоскутьев от парусов.
   - Больших блоков от судов 47, и малых 48.
   - Деревянных гнилых спиц, оставшихся от палаток, 12.
   - Рулей деревянных с железными полосками 19.
   - Мачт с блоками и принадлежащими к оным железными крюками и верёвками 18.
   - Два флажные древка с деревянными яблоками.
4. Петли большие — 11, маленьких — 9, подставки, цепи, закладки, пробки, скобы, кольца.
5. В дополнение к п. 4 и 8 первой описи указывает ещё один железный котёл, 1 печной и 3 трубных заслона, 4 топора, 2 тесла, 2 пазовника, дубовая корабельная петербалка для вынимания якорей.
6. Точно указывает число «оконниц слюдяных решетчатых 150, с изображениями Китайской живописи 4; 11 зимних твёрдых втулов, обитых войлоками и 6 ветхих; 6 обитых войлоками дверей».
7. Два большие стеклянные полштофа, маленький ящик с рукояткой, столовая доска с железными петлями, две деревянные колодки для плетения лаптей, 14 шестиков небольших красных, резной лев, несколько вантов, снастей с юнгферами.

В 1853 году число хранившихся в Музее вещей было увеличено пожертвованием П. С. Савельева, после того как он закончил раскопку курганов на Ботике. Он подарил сюда найденные в верхних слоях земли шпору, кочедык и пули, относящиеся, по его мнению, к эпохе Петра I, и один из глиняных горшков с сожжёнными костями из числа найденных в Веськовских курганах славянской эпохи. В том же году помещица Покровского (69)

ЧЕРНОВИК

уезда Вера Даниловна Горенкина через губернского предводителя прислала в Музей серебряный рубль времён Петра I.

Все эти вещи, за исключением серебряной монеты, перечисляются в описи Н. Соловьёва в 1897 году;[1] но и кроме того им указываются вещи, не вошедшие ни в одну из прежних печатных описей:

- Деревянный футляр от подзорной трубы.
- Фуганок.
- Три изразца.
- Железный ковш.
- Железная кошка и ножницы.
- Жегало.
- Блоки галет с яхты «Анна».
- Число образных досок показано 20.

Но и с этим дополнением список вещей, хранящихся в Музее, не исчерпывает всего их количества. Сюда не включены находящиеся налицо:

- Чугунные пушки — 7.
- Железная лопата.
- Ухватик.
- Дверные приборы.
- Оконные приборы.
- Портрет Петра I (масло) XVIII столетия.
- Чугунный бюст Петра I, изготовленный на Выксунском заводе Баташевых, подарен Музею Д. А. Бекетовым в 1852 году.
- Гипсовая золочёная модель фальконетовского памятника Петру I в Санкт-Петербурге на Сенатской площади.
- Кроме того, масляные портреты: Александра I в рост, поясные Николая I и Александра II.
- Гипсовый бюст Николая I.
- Канделябры резные деревянные — 2.
- Бра золочёные 4.
- Гравюры: Ф. Лефорт и другие 4.
- Литографии 3.
- Церемониал открытия памятника в 1852 году.
- План усадьбы Ботик.

Так как в революцию временами возникала неуверенность в отношении
(70) сохранности некоторых вещей, то с разрешения Музейного отдела НКП часть их перенесена была в Переславский музей (бывший Горицкий монастырь), где образован особый Петровский Отдел, посвящённый главным образом быту конца XVII столетия.

Здесь в сводчатой комнате постройки этого же столетия вставлены Петровские слюдовые окончины, в том числе расписные работы Ивана Новикова, собрана мебель той эпохи, а в витринах дверные и оконные принадлежности из бывшего Петровского дворца, орудия труда с бывшего делового

[1] *Соловьёв, Н. Н.* Переяславский ботик / Н. Н. Соловьёв // *Исторический вестник*. — 1897. — Т. 70. — С. 248—252.

ЧЕРНОВИК

двора, кафели работы Ивашки Денешки, монеты, медали, книги церковные и гражданские, резьба с кораблей и прочее. Вместе с тем Петровского времени гравюры судов и другого, полученные из Госфонда, большая картина Д. Н. Кардовского «Петровская флотилия на Плещееве озере 25 августа 1692 г.», и прочее.

В Музее же Петровском на Ботике сосредоточены вместе с ботом «Фортуна» главным образом морские и корабельные принадлежности, как необходимое и естественное дополнение к нему. Кроме того, здесь же помещены полученные в революцию из Госфонда и приобретённые Музеем портреты и бюст Петра I, план усадьбы Ботик в 1845 году, портрет основателя Петровского Музея князя Ивана Михайловича Долгорукого (копия с портрета работы Левицкого) и прочее.

Таково внутреннее содержание Петровского Музея, сохранившего и со внешней стороны свой первоначальный вид без существенных изменений.

Также без каких либо заметных изменений продолжают оставаться в усадьбе памятник Петру I, триумфальная арка и все остальные здания.

Только последние получили в революцию совершенно другое назначение. Дворец обращён в научно-исследовательское учреждение, где с первых годов после октябрьского переворота по летам производится изучение Плещеева озера и всего Переславского края научными работниками разных специальностей. Здесь открыта Географическая станция Географического Института 1 Московского Университета, намечается открытие постоянной биологической станции. Но самым частым гостем Ботика и систематическим исследователем озера является профессор Д. А. Ласточкин со своими сотрудниками, изучающий его в течение ряда лет со стороны гидробиологической.

Благодаря трудам этих лиц, изучение производительных сил Переславского края сделало большое завоевание. Часть их работ напечатана в «Трудах Музея» (выпуски II, III и VIII).

Здесь же проживал одно время (1925—1926 годы) беллетрист М. Пришвин, написавший «Записки фенолога с биостанции Ботик» под заглавием «Родники Берендея».[1] (71)

Другое здание — ротонда со времени революции тоже получила новое назначение. Вместо прежних балов и увеселений дворянско-чиновничьего характера здесь устраивается центр массовых народных гуляний, обычно совершающихся в окружающем парке. Здесь происходили смычка города с деревней, день Осоавиахима, день леса и многое другое.

Очень важно отметить последнее. Этот день два года подряд происходит на Ботике и вносит в устройство парка ежегодную лепту в виде насаждений новых аллей и присадки к прежним. Запущенный ещё в довоенное время парк нуждается в основательном ремонте. Основу его составляют берёзовые аллеи, насаждённые в 1803 году; от времён же Петра, надо полагать, ничего не осталось из декоративных растений, но из фруктовых можно считать вишни как отдалённые потомки Петровского фруктового сада. Остальные насаждения относятся главным образом к пятидесятых годам прошлого

[1]Отзыв о них: *Анциферов, Н. П.* Беллетристы-краеведы / Н. П. Анциферов // *Краеведение.* — 1927. — № 1. — С. 31—46.

ЧЕРНОВИК

столетия. Западная и юго-западная часть усадьбы покрыта зарослями осин, берёз и прочего, причём в осиннике западной части остатки разрытых курганов.

Предполагается систематически приводить парк в порядок и обратить в дендрологический, где будут собраны породы всех деревьев, которые могут произрастать в нашем крае.

ЧЕРНОВИК

Литература о Переславской флотилии и Петровском Музее на Ботике

Публикации

1.
2. 29 июня, село Веськово Переславского уезда // *Владимирские губернские ведомости*. — 1854. — № 28.
3. *Gordon, P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon / P. Gordon. — St. Petersburg, 1851. — Т. 2.
4. *Posselt, M.* Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit / M. Posselt. — Frankfurt am Main: Joseph Baer verlag, 1866. — Vol. 1, 2.
5. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или начало русского флота // *Морской сборник*. — 1863. — Т. 65, № 3 (март), приложение. — С. 9—16.
6. *Анциферов, Н. П.* Беллетристы-краеведы / Н. П. Анциферов // *Краеведение*. — 1927. — № 1. — С. 31—46.
7. *Беляев, Е.* Празднование в Переславле 17 августа в день открытия Петру I памятника / Е. Беляев // *Владимирские губернские ведомости*. — 1857. — № 37.
8. Ботик Петра I // *Северная Пчела*. — 1838. — № 175.
9. Ботик Петра Великого // *Сын Отечества*. — 1833. — № 23, 24. — С. 72—87, 117—133.
10. *Брикнер, А. Г.* История Петра Великого / А. Г. Брикнер. — СПб.: А. С. Суворин, 1882. — Т. 1. — С. 134.
11. *Брикнер, А. Г.* Патрик Гордон и его дневник / А. Г. Брикнер // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1877. — Декабрь. — С. 157.
12. Вепрева пустынь [О приезде Петра I в Переславль-Залесский в 1687 году] // *Владимирские губернские ведомости*. — 1855. — № 29.
13. *Георгиевский, В. Т.* Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский / В. Т. Георгиевский. — СПб., 1913. — С. 89—93.
14. *Голиков, И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 1 изд. — М., 1789. — Т. 11. — С. 38—40.*
15. *Голиков, И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 2 изд. — М., 1837. — Т. 1. — С. 76—77.

*То же самое: *Голиков, И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 2 изд. — М., 1841. — Т. 14. — С. 327—328.

ЧЕРНОВИК

16. *Доброхотов, В. И.* Памятники преданности дворянства Владимирской губернии к царствующему дому / В. И. Доброхотов // *Владимирские губернские ведомости*. — 1851. — № 1.
17. Из Переславля-Залесского, августа 1 [Об открытии Петровского Музея] // *Московские ведомости*. — 1803. — 15 августа. — № 65.
18. *Канчаловский, П. П.* От Москвы до Архангельска по Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге. Описание всех мест, лежащих по пути дороги и в её окрестностях и имеющих историческое или промышленное значение / П. П. Канчаловский. — М., 1897. — Вып. 2: От Александрова до Ярославля. — С. 38—49.
19. *Косаткин, И.* Пребывание Государя Императора Петра I-го в городе Переславле, в местности «Ботик» при селе Веськове / И. Косаткин // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1913. — № 7. — С. 163—167.
20. *Косаткин, И.* Церковное торжество в селе Веськове, Переславского уезда, по поводу 200-летнего юбилея Полтавской победы / И. Косаткин // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1909. — № 38. — С. 618—622.
21. *Куракин, Б. И.* Гистория о Петре I и ближних к нему людях / Б. И. Куракин // *Русская старина*. — 1890. — Октябрь. — Т. 68. — С. 252.
22. *Мамонтов, С.* Колыбель нашего флота / С. Мамонтов // *Живое слово*. — 1913. — № 21.
23. *Меморский, Н. М.* Крестный ход на озеро Плещеево / Н. М. Меморский // *Владимирские губернские ведомости*. — 1848. — № 26.
24. *Меморский, Н. М.* Прогулка по берегу озера Плещеева / Н. М. Меморский // *Владимирские губернские ведомости*. — 1850. — № 31.
25. О сохранении ботика Петра Великого в Переславле-Залесском) // *Московские ведомости*. — 1837|1838. — по. 27, 30.
26. Об открытии Памятника Императору Петру Великому // *Владимирские губернские ведомости*. — 1852. — № 23.
27. Открытие памятника Императору Петру I на берегу Переславского озера // *Журнал Министерства внутренних дел*. — 1853. — Март.
28. Отчет Владимирского губернского предводителя дворянства за 1846 год / [С. Н. Богданов]. — Владимир, 1847. — С. 5—7, 9.
29. Отчет Владимирского губернского предводителя дворянства за 1847 год / [С. Н. Богданов]. — Владимир, 1848. — С. 5—10.
30. Памятник Императору Петру Великому на берегу Плещеева озера // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. — 1853. — Т. 77, отделение 7.
31. Переславское Плещеево озеро и ботик Петра Первого «Fortuna» // Владимирский календарь и справочная книжка на 1902 год. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1901. — С. 113—118.
32. *Полевой, Н. А.* Известия голландцев о начале в России флота и ботике Петра Великого / Н. А. Полевой // *Сын Отечества*. — 1838. — Т. 5. — Отделение 6, № 9, 10. — С. 1—8, 43—47.
33. *Полевой, Н. А.* Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого / Н. А. Полевой. — СПб.: Типография К. Жернакова, 1846. — С. 236.

ЧЕРНОВИК

34. Празднество 30 мая, во Владимире и Переславле, в день 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1872. — № 12. — С. 252—254.
35. Прогулка по берегу Озера Плещеева // *Друг просвещения*. — 1805. — Т. 3, № 7. — С. 38—40.
36. *Радич, В. А.* Исторические рассказы для детей / В. А. Радич. — М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1904. — С. 82—94.
37. *Ранг, М. М.* В память Двухсотлетнего юбилея дня рождения Императора Петра Великого, праздновавшегося у монумента его близ города Переславля-Залесского 30-го мая 1872 года / М. М. Ранг // Труды Владимирского губернского статистического комитета. — Владимир: Типография губернского правления, 1874. — Т. 10. — С. 11—43.
38. *Ранг, М. М.* Заметка к статье священника А. Свирелина о Переславском озере в историческом и промышленном отношении / М. М. Ранг // *Владимирские губернские ведомости*. — 1872. — по. 31.
39. *Ранг, М. М.* Заметка о Ботике Петра I / М. М. Ранг // *Владимирские губернские ведомости*. — 1873. — № 5.
40. *Розов, А.* Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I / А. Розов // *Владимирские губернские ведомости*. — 1853. — № 11—17.
41. *Розов, А.* Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I / А. Розов // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. — 1855. — Т. 77, отделение 2. — С. 51—80.
42. *Розов, А.* Историческая записка о бывшей в Переславле Залесском флотилии Петра I, составленная старшим учителем Владимирской гимназии Александром Розовым, по случаю открытия памятника Петру I на берегу Переяславского озера, близ села Веськова / А. Розов. — М.: ?, 1852.
43. *Розов, А.* Историческая записка о бывшей в Переславле Залесском флотилии Петра I, составленная старшим учителем Владимирской гимназии Александром Розовым, по случаю открытия памятника Петру I на берегу Переяславского озера, близ села Веськова / А. Розов. — 2 изд. — М.: Типография Александра Семена, 1853.
44. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под редакцией Г. В. Есипова. — М.: Университетская типография, 1872. — Т. 1. — С. 372—374.
45. *Свирелин, А. И.* Историческая заметка [Крестный ход на озеро Плещеево в Переславле в 6-е воскресенье] / А. И. Свирелин // *Владимирские губернские ведомости*. — 1860. — № 3.
46. *Свирелин, А. И.* Переславский Фёдоровский женский монастырь / А. И. Свирелин. — 2 изд. — Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1903. — С. 30—34 о Наталии Взимковой.
47. *Свирелин, А. И.* Переславское (Плещее) озеро в историческом и промышленном отношениях / А. И. Свирелин // *Владимирские губернские ведомости*. — 1872. — по. 30, 31, 34, 36, 37, 38.
48. *Свирелин, А. И.* Слово в день памяти Императора Петра I, по случаю двухсотлетнего юбилея со дня рождения Его / А. И. Свирелин // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1872. — № 12.

ЧЕРНОВИК

49. *Смирнов, М. И.* Забытая «потеха»: из истории Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский: Государственная типография № 12, 1919. — Т. 4.
50. *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911. — С. 133—146.
51. *Смирнов, М. И.* Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор / М. И. Смирнов. — Переславль-Залесский, 1921. — Т. 9. — С. 9—10, 32.
52. *Смирнов, М. И.* «Справка» о Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1910. — Т. 12.
53. *Соловьёв, Н. И.* Колыбель Русского флота / Н. И. Соловьёв // *Военно-исторический вестник (Киев)*. — 1909. — № 7—8. — С. 45—58.
54. *Соловьёв, Н. Н.* Переяславский ботик / Н. Н. Соловьёв // *Исторический вестник*. — 1897. — Т. 70. — С. 248—257.
55. *Соловьёв, С. М.* История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв. — 3 изд. — М.: Типография Каткова и К°, 1879. — Т. 14. — С. 106—108, 132—433.
56. *Стромилов, Н. С.* Александрова слобода в XVII в. и её Успенский девич монастырь / Н. С. Стромилов // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1883. — № 9. — С. 273—275.
57. *Стромилов, Н. С.* Петр на Переславском озере / Н. С. Стромилов // *Вестник Московской Политехнической выставки*. — 1872. — № 35.
58. *Танков, А.* Описание торжества при открытии памятника Петру Великому на берегу Плещеева озера в с. Веськове Переславль-Залесского уезда 17 августа 1852 г. / А. Танков // *Владимирские губернские ведомости*. — 1852. — no. 39, приложение.
59. *Танков, А.* Переславль-Залесский 17 августа 1853 года / А. Танков // *Владимирские губернские ведомости*. — 1853. — № 36.
60. *Тихонравов, К. Н.* Ботик Петра I / К. Н. Тихонравов // *Владимирские губернские ведомости*. — 1846. — no. 36. — Pp. 119—122.
61. *Тихонравов, К. Н.* Ботик Петра I / К. Н. Тихонравов // Тихонравов, К. Н. Владимирский сборник / К. Н. Тихонравов. — М., 1857. — С. 119—122.
62. *Тихонравов, К. Н.* О ловле сельдей в озере Плещееве / К. Н. Тихонравов // Владимирский сборник. — М., 1857. — С. 14—22.
63. *Тихонравов, К. Н.* [О намерении отправить ботик Петра I на выставку; о невозможности исполнить это; путь в Переславль] / К. Н. Тихонравов // *Владимирские губернские ведомости*. — 1872. — № 9, 13.
64. *Тихонравов, К. Н.* Переславский ботик Петра Великого / К. Н. Тихонравов. — М.: Синодальная типография, 1872.
65. *Тихонравов, К. Н.* Празднование 200-летнего юбилея рождения Петра Великого / К. Н. Тихонравов // *Владимирские губернские ведомости*. — 1872. — № 23.
66. *Успенский, Д.* Ботик Петра Великого / Д. Успенский // *Русская старина*. — 1907. — Июль.
67. *Успенский, Д.* Ботик Петра Великого близ гор. Переславля-Залесского / Д. Успенский // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. —

ЧЕРНОВИК

Владимир, 1910. — Т. 12.
68. *Успенский, Д.* Ботик Петра Великого близ гор. Переславля-Залесского / Д. Успенский // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1913. — № 9. — С. 232—234.
69. *Устрялов, Н. Г.* История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб.: Типография II отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1858. — Т. 1, 2, 3.
70. *Устрялов, Н. Г.* Лефорт и потехи Петра Великого до 1689 года / Н. Г. Устрялов // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1851. — январь. — Pp. 54—80.
71. *Хвостов, Д. И.* Ботику Петра I-го, хранящемуся при озере Переславля-Залесского. 1804 года / Д. И. Хвостов // Хвостов, Д. И. Полное собрание стихотворений графа Хвостова / Д. И. Хвостов. — 3 изд. — СПб.: Типография Императорской Российской академии, 1828. — Т. 1. — С. 167—171.
72. *Хвостов, Д. И.* Надписи. I. Переславль-Залесскому озеру. II. Хранящемуся на берегу оного в селе Веськове ботику, на котором, забавляяся прогулкою по озеру во время пребывания своего во граде Переславле, Великий Пётр возымел охоту к мореплаванию / Д. И. Хвостов // *Муза*. — 1796. — Т. 2. — С. 244.
73. *Хвостов, Д. И.* Надпись к озеру Переславля-Залесского / Д. И. Хвостов // *Дамский журнал, издаваемый князем Шаликовым*. — 1823. — no. 14 (сентябрь). — P. 76.
74. *Хвостов, Д. И.* Надпись Переславль-Залесскому озеру. Надпись хранящемуся на берегу оного в селе Веськове ботику, на котором забавлялся, прогуливаясь по озеру, Пётр Великий / Д. И. Хвостов // Хвостов, Д. И. Разные стихотворения графа Хвостова / Д. И. Хвостов. — СПб., 1827. — Vol. 5. — P. 228.
75. *Хвостов, Д. И.* О Переславле Залесском / Д. И. Хвостов. — 2 изд. — М.: Университетская типография, 1823. — С. 34—43.
76. *Хвостов, Д. И.* Шестое воскресенье (после Пасхи) в Переславле-Залесском / Д. И. Хвостов // *Соревнователь Просвещения*. — 1819. — Vol. 6. — Pp. 213—219.

Архивные материалы

Владимирского губархива

- Дела Канцелярии Владимирского Губернатора: 1845 г. № 64; 1847 г. № 183; 1850 г. № 125; 1854 г. № 47, 88.
- Архива Владимирского Губернского дворянского депутатского собрания: 1846 г. № 1317 на 28 л.; 1847 г. № 1117/1 на 71 л., 1118/6 на 22 л.; 1848 г. № 1295/23 на 5 л.; 1849 г. № 1085/34 на 8 л.; 1850 г. № 984 на 46 л., 985 на 26 л.; 1851 г. № 804/17 на 15 л., 803/18 на 3 л., 800/14 на 18 л.; 1852 г. № 862/22 на 25 л., 858/10 на 42 л., 857/9 на 3 л.; 1853 г. № 809/1 на 9 л.

ЧЕРНОВИК

- Архива Владимирского Губернского предводителя дворянства: 1849 г. № 1589/44 на 23 л.; 1850 г. № 1367/67 на 444 л.; 1852 г. № 1325/82 на 3 л., 1320/77 на 3 л.

Архивного отделения Библиотеки 1 Московского Государственного Университета

- Рукопись № 175. Неизданные записки князя И. М. Долгорукого за 1802—1813 гг.

Бывшего архива Министерства Юстиции в Москве

- Дела Переславль-Залесского Уездного суда 1722 г. февраля 12 и 13, марта 7 и 8, мая 10. (Опись 5, вязка 1, дела №№ 9, 10, 18, 20, 33; вязка 3, дело № 77.)
- Дела Переславль-Залесской Провинциальной Канцелярии 1737 г. мая 13. (Опись 8, вязка 4, дело № 111.)
- Дела Московской Губернаменской Канцелярии.

ЧЕРНОВИК

Литература об основателе Петровского Музея князе И. М. Долгоруком

Наиболее полный библиографический указатель о Долгоруком даёт Б. Модзалевский,[1] а именно:

1. *Аксаков, С. Т.* Полное собрание сочинений / С. Т. Аксаков. — СПб.: Н. Г. Мартынов, 1886. — Т. 4: Литературные и театральные воспоминания и произведения раннего периода. — С. 38—42.
2. *Анофриев, В.* Могилы русских писателей в Москве / В. Анофриев // *Русские ведомости*. — 1895. — № 176.
3. *Барсуков, А. П.* Узник Спасо-Евфимиева монастыря / А. П. Барсуков // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. — СПб.: Типография Майкова, 1873. — Т. 3, отдел 1. — С. 1—2.
4. *Барсуков, Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. — Т. 7. — С. 211—213.
5. *Бартенев, П. И.* Поправка и заметка к духовному завещанию графа Б. П. Шереметева / П. И. Бартенев // *Русский архив*. — 1875. — Т. 1. — С. 310.
6. Библиографический листок [Рецензия на сочинение М. А. Дмитриева] // *Русское слово*. — 1863. — Ноябрь и декабрь. — С. 35—39.
7. *Благово, Д. Д.* Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово / Д. Д. Благово. — СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885. — С. 266—267.
8. *Вяземский, П. А.* Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского / П. А. Вяземский. — СПб., 1883. — Т. 8: Старая записная книжка. — С. 476—480.
9. *Вяземский, П. А.* Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского / П. А. Вяземский. — СПб., 1884. — Т. 9: Старая записная книжка. — С. 62.
10. *Геннади, Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях: В 3 томах / Г. Н. Геннади. — Берлин: Типография Розенталя и К°, 1876.
11. *Греч, Н. И.* Опыт краткой истории русской литературы / Н. И. Греч. — СПб.: Типография Н. Греча, 1822. — С. 211—212.
12. *Губерти, Н. В.* Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом / Н. В. Губерти. — М.: Университетская типография, 1891. — Т. 3. — С. 869—872.
13. *Дмитриев, М. А.* Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения / М. А. Дмитриев. — 2 изд. — М.: Типография Л. И. Степановой, 1866.
14. *Долгорукий, И. М.* Письма князя Ивана Михайловича Долгорукого к М. Н. Макарову / И. М. Долгорукий // *Дамский журнал*. — 1829. — Т. 25, 26, 27, № 13, 17, 18, 35.

[1] *Модзалевский, Б.* Долгоруков, князь Иван Михайлович / Б. Модзалевский // Русский биографический словарь. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. — Т. 6: Дабелов—Дядьковский. — С. 541.

ЧЕРНОВИК

15. *Долгоруков, И. М.* Записки князя Ивана Михайловича Долгорукого. 1775—1780 / И. М. Долгоруков // *Москвитянин*. — 1845. — Т. 2, № 2 (февраль). — С. 21—43.
16. *Долгоруков, И. М.* Предпоследние стихи 70-летнего старца, князя Ивана Михайловича Долгорукова, написанные им за два месяца до его кончины / И. М. Долгоруков // *Москвитянин*. — 1842. — Т. 1, № 1. — С. 180.
17. *Долгоруков, П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых / П. В. Долгоруков. — СПб.: Типография Э. Праца, 1840. — С. 159—163.
18. *Долгорукова, Н. Б.* Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой / Н. Б. Долгорукова // *Русский архив*. — 1867. — С. 3, 26, 54, 58, 59.
19. *Евгений (Болховитинов), митрополит*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Евгений (Болховитинов), митрополит. — М.: Московитянин, 1845. — Т. 1. — С. 187.
20. *Иконников, В. С.* Опыт русской историографии / В. С. Иконников. — Киев: Типография Императорского университета святого Владимира В. Завадского, 1892. — Т. 1, книга 2. — С. 918.
21. *Кирьяк, Т. П.* Потёмкинский праздник 1781 года / Т. П. Кирьяк // *Русский архив*. — 1867. — С. 673.
22. *Кирьяк, Т. П.* Частное письмо в Москву о кончине Екатерины II-й / Т. П. Кирьяк // *Русский архив*. — 1867. — С. 1266.
23. *Лонгинов, М.* Князь Иван Михайлович Долгорукий [Рецензия на книгу Дмитриева] / М. Лонгинов // *Современная летопись*. — 1863. — № 41. — С. 4—5.
24. *Майков, Л. Н.* Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий / Л. Н. Майков. — СПб.: А. С. Суворин, 1889. — С. 422, 423.
25. *Макаров, М. Н.* Князю И. М. Долгорукову. (По случаю моего скорого отъезда из Москвы) / М. Н. Макаров // *Вестник Европы*. — 1816. — Т. 85, № 3 (февраль).
26. Некрология [Иван Михайлович Долгорукий] // *Русский инвалид*. — 1823. — № 302. — С. 1208.
27. *Неустроев, А. Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. / А. Н. Неустроев. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1874.
28. *Остолопов*. Князю И. М. Долгорукову. (По прочтении стихов его под названием: Невинность) / Остолопов // *Вестник Европы*. — 1817. — Т. 93, № 10 (май).
29. Отношение покойного князя И. М. Долгорукого к бывшему директору Владимирской гимназии А. А. Цветаеву // *Исторический, статистический и географический журнал*. — 1827. — Книга 1, апрель. — Т. 2. — С. 46—51.
30. *Писарев, Н. И.* Нечто о редкой долговечности талантов / Н. И. Писарев // *Атеней*. — 1828. — Часть 1. — № 2. — С. 93—94.
31. *Писарев, Н. И.* К портрету князя Ивана Михайловича Долгорукого / Н. И. Писарев // *Дамский журнал*. — 1824. — Т. 5, № 2. — С. 83.

ЧЕРНОВИК

32. Письма 1806—1823 годов Ивана Ивановича Дмитриева (1760—1823) к Александру Ивановичу Тургеневу (1784—1845) // *Русский архив*. — 1867. — С. 1103.
33. Письма к И. И. Дмитриеву // *Русский архив*. — 1868. — С. 642.
34. *Ранг, М. М.* Князь Иван Михайлович Долгорукой, владимирский гражданский губернатор / М. М. Ранг // Труды Владимирского губернского статистического комитета. — Владимир: Типография Владимирского губернского правления, 1867. — Т. 6.
35. *Ранг, М. М.* Заметки [Владимирские губернаторы] / М. М. Ранг // *Русский архив*. — 1867. — С. 1176.
36. *Ровинский, Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов / Д. А. Ровинский. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889. — Т. 1. — С. 610.
37. *Снигирёв, И. М.* Воспоминания И. М. Снигирёва / И. М. Снигирёв // *Русский архив*. — 1866. — С. 738, 739.
38. *Строев, П. М.* Филибер, новый роман г. Коцебу / П. М. Строев // *Современный наблюдатель российской словесности*. — 1815. — Т. 1, № 2. — С. 56.
39. *Трефолев, Л.* Алексей Петрович Мельгунов, генерал-губернатор екатерининских времён / Л. Трефолев // *Русский архив*. — 1865. — С. 958—971.
40. Увлечение поэта. (К биографии князя И. М. Долгорукова). 1793—1796 гг. // *Русская старина*. — 1897. — Т. 89, № 1. — С. 71—79.
41. *Фадеев, А. М.* Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева / А. М. Фадеев // *Русский архив*. — 1891. — Т. 1, № 3. — С. 398.
42. *Хвостов, Д. И.* Надгробие князю Ивану Михайловичу Долгорукому / Д. И. Хвостов // *Дамский журнал*. — 1824. — Т. 5, № 1. — С. 35.
43. *Шевырёв, С. П.* История Московского университета / С. П. Шевырёв. — М.: Университетская типография, 1855. — С. 208, 240.
44. *Шевырёв, С. П.* Лекции о русской литературе / С. П. Шевырёв // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. — Т. 33. — С. 228—229.
45. *Шумигорский, Е. С.* Императрица Мария Феодоровна / Е. С. Шумигорский // *Русский архив*. — 1891. — Т. 1, № 1. — С. 27.
46. *Шумигорский, Е. С.* Императрица Мария Феодоровна (1759—1828): Её биография / Е. С. Шумигорский. — СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1892. — Т. 1. — С. 335, 336.
47. Энциклопедический лексикон. — СПб.: Типография А. Плюшара, 1841. — Т. 17: Діо—Дят. — С. 91—92.
48. Московский Наблюдатель. — 1803. — Ч. 3. — С. 117—127.
49. Санкт-Петербургские Ведомости. — 1791. — № 1. — С. 1.

К этому необходимо добавить статью Б. Модзалевского, напечатанную в «Русском биографическом словаре: Дабелов—Дядьковский», том 6, стр. 537—541; предисловие А. Полякова к «Запискам князя И. М. Долгорукого» (Петроград, 1916) и предисловие Н. С. к «Запискам» Долгорукого, напечатанным в «Русском библиофиле» за 1913—1915 годы.

ЧЕРНОВИК

ЧЕРНОВИК

Статьи

ЧЕРНОВИК

ЧЕРНОВИК

«Справка» о Переславской флотилии Петра Великого

Самая ранняя попытка собрать сведения о Переславской потешной флотилии относится ко времени Екатерины II. Быть может, инициатива этого принадлежала самой императрице, любившей заниматься русской историей и чтившей память Петра Великого, или же было нужно это для историографа Миллера, или для историка князя Щербатова — точно не известно. Возможно также, что это произошло по личному почину генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского, желавшего доставить эти сведения кому-либо из указанных лиц. Но как бы там ни было, в одно время князь Вяземский, для которого по служебному его положению получение разных справок от всевозможных чиновников не представляло никакого затруднения, отнёсся письмом к Переславскому воеводе Василию Петровичу Чичерину, прося его справиться в своей канцелярии, какие там есть сведения о ботике и других судах Петра Великого, на которых он «забавлялся» на Переславском озере. В ответ на это 25 июля 1772 года Чичерин прислал князю письмо с приложениями копий найденных им разных бумаг по этому вопросу.

Свой ответ воевода прислал нескоро и оправдывался тем, «что желал сведать обстоятельнее». Казалось бы после этого, что письмо его должно было заключать действительно ценные данные, на самом же деле является чиновничьей отпиской, а замедление в ответе — обычной волокитой.

> Когда ботик был сыскан, — писал он, — я в канцелярии ничего отыскать не мог; в котором году в первый раз Его Величество в Переславле изволил быть, ничего письменного нет, а что мог найтить, то только сии указы, с которых при сём... прилагаю копии; есть же времян люди, которые сказывают, что самой первой раз тот год Его Величество в Переславле быть изволил, которой год строился дворец, и изволил жить в палатах близ самого того места, где строение происходило, и после того много раз изволил быть и забавлялся на судах, а в которых годах, никто подлинно не знает. В последний же раз изволил быть в Переславле, как сей указ дан воеводе о сохранении судов. (7 февраля 1722 года.)

Единственную ценность этой отписки составляет свидетельство «времян людей», что Пётр Великий во время пребывания в Переславле «изволил жить в палатах близ самого того места, где строение происходило»; но вследствие неудовлетворительности редакции вводит в недоумение: строение чего имел в виду автор — дворца, о котором вёл выше речь, или судов. По-видимому, нужно разуметь последнее. В таком случае, сопоставляя это с документальными данными, сообщёнными в приложении к письму,

ЧЕРНОВИК

где говорится о «деловом дворе» под селом Веськовым, нужно считать, что постройка судов производилась на озере или вблизи озера, но не на реке Трубеже, как полагал историк Устрялов. Ссылаясь на сообщение штатного смотрителя переславских училищ А. Е. Ильинского, он говорит, что судовая верфь была недалеко от церкви Знамения, «что при кораблях»; корабли строились на сваях, которые по окончании постройки судов подпиливались и последние спускались на воду реки Трубежа, а отсюда уводились в озеро. Там против дворца устроена была пристань, остатки которой в виде свай, наколоченных на глубине от 3 до 5 сажен, [9 м] сохранились до сего времени. Летом суда стояли здесь, когда царь Пётр потешался корабельным делом.[1] Между тем, надо думать, было наоборот: суда строились недалеко от с. Веськова, здесь именно на берегу был деловой двор, а на озере саженях в ста от берега была устроена на сваях верфь. Близ же церкви Знамения суда ставились на зиму и хранились там после того, как миновала у Петра в них надобность.

В каком положении находился ботик и остальные суда, В. П. Чичерин в письме ничего не говорит. Но спустя четыре года в «Ведомости по г. Переславлю Залесскому» он писал:

> Во время перваго заведения морскаго флота до 200 году (1692 год) блаженныя и вечной славы достойныя памяти государь император Пётр великий изволил строить 2 небольшие фрегата, на коих ездил по озеру, и ныне в Переславле-
> (4) Залеском имеются под сохранением остатки корабля, яхт и галер, которые уже все погнили; да при состоящем при городе Переславле в 3 верстах селе Вескове при бывшем дворце имеется ботик.[2]

Эти строчки официального отчёта дают очень ценное указание о состоянии и судьбе потешной флотилии в Переславле в конце XVIII столетия. Флотилия эта, как известно, построена была в период времени от 1688 года по 1693 год. Сам Пётр Великий в предисловии к Морскому Регламенту говорит об этом так:

> Я стал проведывать, где более воды; то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился; а потом уже стал её просить и явно, чтоб там двор и суды сделать. И тако вышеречённый Брант сделал два малые фрегата и три яхты, и там несколько лет охоту свою исполнял.[*]

Кроме того, был ещё корабль, выстроенный другим мастером Класом. При этих значительных судах находились разные мелкие — боты, шлюпки и тому подобные, сделанные частью в Переславле, а частью привезённые к 1 августа 1692 года из Москвы; число их неизвестно.

---

[1] *Устрялов, Н. Г.* История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 337, прим. 13.

[2] Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Издал Н. А. Найдёнов. — М., 1884. — С. 28.

---

[*] *Устрялов, Н. Г.* История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 399.

ЧЕРНОВИК

После того, как Пётр перенёс свои потехи (1693 год) на Белое море, Переславская флотилия, исполнив своё назначение, была оставлена в Переславле, и нельзя сказать, чтобы без всякого присмотра. Часть этих судов, очевидно, самые мелкие оставлены были на берегу озера близ делового двора под с. Веськовым; другая же часть — большие суда стояли на р. Трубеже, их охраняли и берегли переславские посадские люди и рыбаки.

> В нынешнем де 1703 году, — писано в памяти старосте Рыбной слободы, — (5)
> по Его Великаго Государя указу и по памяти из Ратуши Переславля Залескаго Земских дел бурмистр Федот Ладогин стоварищи спрашивает де у вас, которые в Переславле Залеском на посаде на реке Трубеже и на берегу поставлены Его Великаго Государя корабли и карбусы и каторга и яхта и селёдка и иные всякие суды, считаясь по дворовому числу по переписным книгам с рыбной слободы к себе в помощь сторожей к своим посацким сторожам, а вы рыбные ловцы бываете на Его Великого Государя рыбной ловле денно и ночно все поголовно, в лето и в зиме, а в нынешнюю пору те корабли и иные всякие суды по вся годы бережёте и ото льду откалываете одне опричь их посацких людей.[1]

Один из кораблей, а именно построенный Класом, был выведен в Каспийское море по приказу Петра, писанному из Амстердама 31 декабря 1697 года на имя князя Ф. Ю. Ромодановского.

> Хорошо вновь строить, — говорил Пётр, — а и старое, которое хорошо, не надобно бросать, понеже ныне по указу вашему строится флот морской; есть же в Переславле корабль, который Клас делал, и мню, что он по новине своей и величеству годен будет в вышереченный флот; и того для прошу ваш маестат, дабы указал оной в грядущую весну сквозь реки Вёксу и Сумино озеро и Нерль в Волгу провесть; а хотя оный провоз и не без труда копанием берегов в Вёксе, но онаго места не много (о чём самому Вашей Светлости известно), и вешняя вода может гораздо к тому̀ способствовать; а когда до Су- (6)
> мина озера придёт, то оттуды без труда Нерлью, понеже оная река довольной ширины есть, а хотя мелка и камениста, но в полую воду довольной глубины будет.
>
> Ещё же не хочу не возвестить и того Вашей Светлости, что на весне всегда лёд на озере долго плавает, и того ради не возможно вскоре провести корабль, а пока лёд разобьёт, тогда уже реки спадут, и не возможно будет сего исполнить, о чём я наипокорнейше доношу своё мнение, дабы в конец сей зимы корабль починать проводить с пробиванием льда и поставить у реки Вёксы, и когда реки вскроются, тогда тотчас его весть; ещё же и для того̀ пристойно зимою весть, понеже от города Переславля в озеро, также и из озера в Вёксу проходы зело мелки, и того для, когда пробьют путь кораблю, тогда удобно с обеих сторон того пробою людем песок разгребать, также и на том льду по сторонам же поставить переносные вороты (которых воротов образец есть на пильной мельнице) и блоки привязать большие (которых образец на той же пильной мельнице и у Меня на дворе); а если их не довольно будет, можно их сделать с образца, и тянуть, как и здесь в Амстердаме большие корабли, которые глубиною в 22 фута ходят, а в пристань в 8 только футов глубины, таким же образом втягивают; но понеже здесь тина, а там песок,

[1] *Тихонравов, К. Н.* Владимирский сборник / К. Н. Тихонравов. — М., 1857. — С. 19.

ЧЕРНОВИК

и того для труднее, однакож мню с разгребанием песка сие исполниться может; а хорошоб к тому̀ взять из иноземцев из матросов, или из плотников,
(7) которые позаобычнее тому делу, о чём не сомневаюсь, что то́ всё высоким и премудрым вашим повелением исполнено будет.[1]

Прочие суда продолжали оставаться в Переславле. Собираясь в Персидский поход, для чего царю могла понадобиться переславская флотилия, Пётр заехал в Переславль взглянуть на неё. Естественно, что суда, оставленные без ремонта, гнили и разрушались. Прошло около тридцати лет как сам царь не вспоминал о них. Что же могли сделать местные люди? Для этого нужны были средства, которых у них не было, а главное — сознание исторической важности этих сооружений, чего также они не имели. Но Петру суда эти были дороги, как первая любовь к морскому делу, как воспоминание своей юности и, найдя их полуразрушившимися, он разразился гневом и написал грозный указ 7 февраля 1722 года воеводам Переславским: «Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите: то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегшии сей указ».

Появление указа вызвало распоряжение высших административных учреждений государства.

Камер-Коллегия в доношении Святейшему Правительствующему Синоду, от 8 Мая 1722 года, изъяснила следующее: Сего Мая 4-го дня, в указе Его Императорскаго Величества из Сената в Камор-Коллегию написано: велено в Переславской провинции Залесскаго для подъёму и таскания на берег обретающихся тамо яхт и галер, которыя стоят в реке Трубеже многия лета, о наряде работных людей к тому делу в Камор-Коллегии указ учинить. И по Его Императорскаго Величества указу и по приговору Государственной
(8) Камор-Коллегии велено к тасканию тех судов из воды работных людей нарядить по усмотрению, сколько надлежит, со всей Переславской провинцы с купечества с десятыя деньги, и с дворцовых, и с синодальной команды и с помещиковых крестьян, только чтоб выше того числа, котораго требовал шкипор Шелудяков, а имянно, трёх сот человек, не было, и быть тем работным людем с переменою, чтоб в работах их крестьянских не было остановки, и для того определить к тем работным людем подчиненнаго камисара, которому смотреть, чтоб те работники напрасно без работы, и обид и налоги им не было...[2]

После этого большие корабли были вытащены на берег р. Трубежа близ церкви Знамения и поставлены в особые сараи. Но, и находясь тут, год за годом старели и гнили, а потом в XIX столетии во время сильного пожара в г. Переславле сгорели. Не лучше обстояло дело с малыми судами, поставленными для хранения также в сараи близ с. Веськова. Это село вместе со всеми сооружениями Петра Великого было отдано в поместье ротмистру Бутакову.[3] В течение многих десятков лет имение переходило из рук

[1] *Голиков, И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 2 изд. — М., 1841. — Т. 14. — С. 327—328.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб., 1872. — Т. 2. — № 606.

[3] Н. Устрялов полагает, что это было сделано дочерью Петра императрицей Елизаветой (т. 2, с. 146); а А. Розов в статье «Историческая записка...» считает, что это сделала Императрица Екатерина II. (*** ERROR: citation '**p9-147b**' undefined *** — № 15 — С. 67.)

ЧЕРНОВИК

в руки, продавалось даже с публичного торга вместе со всеми памятниками старины, на которые никто не обращал никакого внимания. Из всего хранившегося каким-то чудом уцелел один ботик, разные незначительные остатки (9)
корабельного снаряжения и домашнего обихода Петра. Если осталось это до нашего времени, то только благодаря тому, что в конце концов Владимирское дворянство приобрело этот уголок в свою собственность (1847 год) и приняло меры для охраны.

Разобраться в этой грустной истории весьма желательно, но полных данных для этого пока нет. Приложенные к письму переславского воеводы копии разных бумаг освещают лишь моменты, близкие к возникновению самой флотилии при Петре Великом.

Первое приложение. — Копия с грамоты царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 3 ноября 1691 года переславскому воеводе Якову Макаровичу Панову о построении на берегу озера дворца к приезду государей.

Значение этой грамоты определяется следующим. Историк Устрялов говорит, что дворец для Петра был построен к ноябрю 1691 года;[1] автор «Исторической записки о переславской флотилии» А. Розов — относит это к 1689 году;[2] одним словом, точной даты не было. Отсюда следует, что в 1689 году и зиму 1691 года царь Пётр, работая на Переславском озере, жил в каком-либо здании Горицкого монастыря, которому принадлежало село Веськово, возможно, что на Птичьем дворе, где были помещения для голландских мастеров, или вообще недалеко от озера.[3] Едва ли Пётр желал и находил для (10)
себя удобным жить в самом городе, вдали от своего делового двора, что и подтверждает в своём письме В. П. Чичерин.

Второе приложение. — Копия протокола, составленного 10 сентября 1696 года переславским воеводою Яковом Андреевичем Дохтуровым, об осмотре корабельных припасов и судов на озере. К протоколу-подлиннику были приложены инвентарные книги, но при копии они не сообщены: быть может, они не сохранились до того времени, когда снимались копии для князя Вяземского, или же просто не были сняты и приложены. Между тем эти книги должны были содержать полный перечень судов, составлявших флотилию, какового мы, к сожалению, не имеем до настоящего времени. Тем не менее и сам по себе протокол даёт прямое указание, как это и замечено выше, о месте постройки судов.

Третье приложение. — Известный указ Петра переславским воеводам 7 февраля 1722 года.

Указ этот появлялся в печати не один раз и, кроме того, здесь же выше приведён полностью; но что касается письма В. П. Чичерина к князю Вяземскому и приложений к нему I и II, то таковые, насколько нам известно,

---

[1] *Устрялов, Н. Г.* История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 2. — С. 141.

[2] *** ERROR: citation '**p9-147b**' undefined *** — № 13 — С. 56.

[3] В 1693 году взамен с. Веськова, взятого на Государя, был дан Горицкому монастырю богатый посад Большие Соли. (*Диев, М. Я.* Рецензия: Лаговский, Е. Описание посада Большие Соли / М. Я. Диев // Костромская старина / Костромская губернская ученая архивная комиссия. — Кострома: Типография А. Азерского, 1901. — Т. 5. — С. 181.)

ЧЕРНОВИК

опубликованы не были. Копии этих документов, составляя собственность Императорского Казанского Университета, находятся в рукописи и хранятся в университетской библиотеке среди бумаг так называемого Медального Комитета.

Текст их, переданный с соблюдением орфографии и пунктуации, следующий:

---

(11) Сіятельнейшій князь
Милостивый Государь[1]

Вашего сіятельства письмо я имѣлъ щастіе получить, в которомъ ваше сіятельство мною изволите повелевать справится по канцеляріи о ботикѣ которой началомъ былъ Россійскаго флота когда точно онъ былъ сысканъ и въ которомъ году Его Величество Государь Императоръ Пётръ Первый насемъ ботикѣ забавлялся, также и на другихъ судахъ въ Переславлѣ Залѣскомъ на озерѣ.

На сіе имѣю честь вашему сіятельству Милостивому Государю донести: когда ботикъ былъ сысканъ я въ канцеляріи ничего отыскать не могъ, въ которомъ году въ первой разъ Его Величество въ Переславлѣ изволилъ быть ни чего письменнаго нѣтъ, а что могъ найтить, то только сіи указы, съ которыхъ при семъ съ моимъ нижайшимъ почтеніемъ вашему сіятельству Милостивому Государю прилагаю копіи; есть же времянъ люди, которые сказываютъ, что самой первой разъ тотъ годъ Его Величество въ Переславлѣ быть изволилъ, который годъ строился дворецъ, и изволилъ жить въ палатахъ близъ самаго того мѣста, гдѣ строеніе происходило, и послѣ того много разъ изволилъ бывать и забавлялся на судахъ, а въ которыхъ годахъ, ни кто подлинно не знаетъ. Въ послѣдній же разъ изволилъ быть въ Переславлѣ какъ сей указъ данъ Воеводѣ, о сохраненіи судовъ, болѣе обстоятельнаго сведенія нигдѣ и никакова отъискать не могъ: что же Милостивый Государь
(12) я замѣшкалъ Вашему Сіятельству объ ономъ донести, то извините меня: притчина та, что я желалъ свѣдать обстоятельнѣе.

Въ заключеніи сего я совсенижайшимъ моимъ почтеніемъ пребуду Вамъ Сіятельнѣйшій князь Милостивый Государь Вашего Сіятельства нижайшій слуга Василій Чичеринъ.

Іюля 25 дня 1772 года. Переславль Залескій.

Отъ Великихъ Государей Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ въ Переславль Залѣской Воеводѣ нашему Якову Макарьевичу Панову въ нынѣшнемъ 200-мъ году ноября въ 2 день, по нашему Великихъ Государей указу велѣно въ Переславлѣ Залѣскомъ у озера для пришествія нашего Великихъ Государей построить дворъ, а утого нашего двороваго и хоромнаго строенія быть кормоваго дворца стряпчему Роману Карцову. Да снимъ въ товарищахъ подключникомъ Степану да Данилу Карцовымъ, да для писма

[1] В описании рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского Университета, А. Арсеньева (Летопись занятий археографической Комиссии, выпуск 7, с. 80) указано, что это письмо адресовано князю Вяземскому.

ЧЕРНОВИК

и пріему всякихъ запасовъ и книгъ строельныхъ приказу болшаго дворца подьячему Якову Васильеву, а что къ тому всякому строенію понадобится подводъ или чего иного безчего быть невозможно велѣлъ давать своего присуда ему Роману съ товарыщи безвсякаго мотчанія и самъ въ томъ во всякомъ строеніи ему Роману чинилъ всякое вспоможеніе со всякимъ усердіемъ и какъ къ тебе сія наша Великихъ Государей грамота придетъ, а кормоваго дворца стряпчей Романъ Карцовъ съ товарыщи въ Переславль Залѣской
къ тому Нашему дворовому и хоромному строенію пріедетъ и тыбъ къ тому (13)
нашему строенію подводъ сколко въ которое время понадобится Переславля Залѣскаго изъ рыбной слободы давалъ безъ всякаго мотчанія и самъ тому нашему дворовому и хоромному строенію чинилъ всякое вспоможеніе безовсякія оплошки, безслучія чтобъ тому всякому строенію ничему остановки ни зачемъ не было; а сколько къ тому строенію подводъ къ какому дѣлу въ которомъ числѣ выслано будетъ, и какъ то строеніе минется и тому всему учини за своею рукою роспись и прислалъ к намъ Великимъ Государемъ къ Москвѣ и велелъ подать въ приказъ болшаго дворца Боярину Нашему Петру Абрамовичу Лопухину съ товарыщи. Писанъ на Москвѣ лѣта ҂зс ноября г дня. [3 ноября 1692 года]

На подлинной грамоте на обороте пишетъ тако. Діокъ Григорей Посниковъ, на той же грамотѣ на обороте подписано слѣдующее, въ Переславль Залѣской воеводѣ нашему Якову Макарьевичу Панову, ноября въ 5 день. Подалъ Великихъ Государей грамоту приказу Болшаго Дворца подьячей Яковъ Васильевъ.

Лѣта 7205-го года сентября в 10 день по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и по грамоте из приказу Большаго Дворца за приписью діака Григорія Посникова какова прислана въ Переславль Залѣской въ нынѣшнемъ 205-мъ году сентября въ I^{д} стольникъ и воевода Яковъ Андреевичь Дохтуровъ сытнаго Дворца стряпчій Михайло Редриковъ Великаго Государя на дѣловомъ дворѣ подселом великимъ[1] корабельные всякіе (14)
припасы досматривали и описали также и суды, которые на берегу у Переславскаго озера у дѣлового Двора, а что чего подосмотру корабельныхъ всякихъ припасовъ и на берегу судовъ имѣлось и то написано въ сихъ книгахъ подлинно по статьямъ а те анбары были за печатью прежняго воеводы Семёна Тургенева.

📖 *Смирнов, М. И.* «Справка» о Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир: Типография Губернского правления, 1910. — Т. 12. — С. 1—14.

[1]Очевидная описка: следует читать — «под селом Веськовым».

ЧЕРНОВИК

Забытая «потеха»: из истории Переславской флотилии Петра Великого

(9) В конце XVII столетия на долю чистых вод Переславского озера выпала задача высокого исторического значения. Им суждено было стать колыбелью русского флота и подготовительной школой мореходства для великого основателя наших морских сил.

Правда, здесь была «потешная» флотилия, а не настоящие корабли. Но Преображенский и Семёновский полки вначале тоже были «потешными» полками, из каковых потом образовалась регулярная армия. То же самое произошло и с Переславской флотилией. Она была действительным зародышем нашего морского могущества, развившегося потом при преемниках Петра Великого.

Печальная судьба этой флотилии известна. Она играла активную роль лишь в период времени от 1688 года по 1693 год, в течение, следовательно, около пяти лет, — притом нужно сказать, далеко не полных. В течение их были значительные перерывы, когда, отвлекаемый другими делами и работами, Пётр оставлял её в стороне и возвращался, когда находил время.[1]

С последних чисел мая 1693 года он оставил её окончательно, и на её долю выпадает страдательная роль. Но ещё некоторое время по инерции дело продолжает идти: Клас достраивает большой корабль; холмогорские, вологодские и тотемские плотники занимаются починкой флотилии. Имеется для этого специальный дворцовый надзор. Присылаются сюда для малярных работ по окраске судов раскассированные царём Петром дворцовые художники и иконописцы.[2]

---

[1] Подробнее об этом в очерке М. И. Смирнова: *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911. — С. 133—146.

[2] *Успенский, А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVI в. Словарь / А. И. Успенский // Записки Московского археологического института. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1910. — Т. 2. — С. 21, 49, 118, 154 и другие.

В 1694 году у корабельных дел в Переславле-Залесском были: Мазиловский Самойло, Малентьев Савин, Полосухин Никита, Сазонов Артемий, Селивёрстов Михаил, Балашов Дмитрий, Волков Гавриил, Золотой Пётр, Иванов Елисей, Костоусов Герасим. Последние пять писали в своей челобитной: «Работаем мы вам великим государям всякия ваши верховыя и приказныя дела непрестанно и в посылках дальних — в Переславле Залесском у корабельных дел непрестанных, платьишком ободрались и обносились и одолжали великими долги и скитаемся с женишками и детишками меж двор для того, что нам на прошлые 196 и 197 годы жалование не дано».

ЧЕРНОВИК

Но мало-помалу дело замирает совсем. Намеченная раньше программа судостроения оставляется. Не только не производится постройка новых судов, а и прежним не даётся никакого ремонта. Вместо плотников наблюдают за попавшею за штат флотилией рыбные ловцы переславской Рыбной слободы и переславские посадские люди. Высший надзор на месте за сохранностью и целостью её переходит к переславским воеводам. Таким образом, к концу XVII столетия флотилия была окончательно сдана в архив и забыта.

Сам Пётр Великий вспоминает о ней только однажды в 1697 году, когда ему понадобилось провести в Каспийское море корабль, построенный Класом; а потом за тысячью разных дел и начинаний снова забывает о своей Переславской «потехе». И только через 29 лет после её создания видит её вновь при проезде через Переславль в Персидский поход.

Что сталось с ней за такой большой срок, лучше всего характеризует его гневный указ 7 февраля 1722 года воеводам переславским. «Надлежит вам, — писал он, — беречь остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите: то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегшии сей указ».

Только крик оскорблённого сердца и грубо разбитых воспоминаний мог продиктовать ему эти строки. В них виден гнев и вместе с тем бессилие перед свершившимся фактом, а также страстное желание сохранить потомству хотя бы остатки своей «потехи», породившей большое дело. Своим властным повелением поставить хранение её в благоприятные условия он ясно даёт понять, какое серьёзное значение он придаёт своей забытой «игрушке».

Теперь ему пришлось увидеть картину, ничего не имеющую общего с прежним. Вместо целых законченных сооружений были остатки прежнего. Время и стихия наложили на них печать сильного разрушения. Исправить их было уже невозможно; созидать же вновь бесцельно. И вот император повелевает хранить остатки.

Из того обстоятельства, что он не взыскивает за происшедшее с местных властей, можно заключить, что эту вину он берёт на себя. Не было надлежащего распоряжения, не имелось и правильной охраны. Без его строгого указания всё шло рутинным порядком и, в сущности, соблюдалась казённая (10)
видимость, что охрана производится.

На самом же деле суда были разбросаны в разных местах. Часть их оставалась вблизи бывшей верфи у делового дворца при с. Веськове.[1] Большинство же было в самом Переславле: крупные в р. Трубеже, а мелкие на обоих берегах реки — близ церкви Ивана Богослова на правом берегу и на лугу близ Рождественских городских ворот и церкви Знамения на левом. Они не были защищены и валялись неогороженными прямо под открытым небом на земле. Стоявшие же в воде подвергались ещё большей порче от действия вод. В летнее и осеннее время они просто гнили, зимой их коробило льдом, в полую же воду разрушало и било во время ледохода. И это почти в течение трёх полных десятков лет.

[1] *Смирнов, М. И.* «Справка» о Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1910. — Т. 12. — С. 13—14.

ЧЕРНОВИК

Снятое с кораблей снаряжение и разные принадлежности хранились также не в одном месте. Лежали они по разным амбарам: на деловом дворе близ с. Веськово, в самой дворцовой усадьбе по «светлицам» и наконец в Переславле-Залесском по частным амбарам. Хранилась, например, у некоего Гаврилы Быкова разная корабельная снасть. Её стерегли, но когда хватились, она исчезла неизвестно куда.

Всему этому были инвентарные книги. Воеводы Переславские принимали и сдавали по ним суда и корабельную снасть вместе с прочим городским имуществом. И хотя до 1722 года их сменилось несколько человек, порча и расхищение судового имущества замечены ими не были.

Процесс мирного разрушения был резко нарушен грозным распоряжением императора. Сейчас же вслед за его указом 7 февраля 1722 года как муравейник зашевелились все причастные к этому делу учреждения.

Суть всей переписки сводилась к тому, чтобы сохранить «остатки яхт и галер». Для этого признано было соответствующим положению дела собрать все находившиеся в самом г. Переславле-Залесском суда в одно место. Кроме «большого корабля» (фрегата), не поддававшегося по своему размеру и тяжести поднятию из воды, все остальные предложено было вытащить на берег, а фрегат окружить забором из свай в самой реке Трубеже, чтобы его не изломало полой водой. Находившиеся по обоим берегам суда решили переправить на один берег. Местом для этого был избран луг по берегу р. Трубежа, простиравшийся к Рождественским городским воротам. Свезённые в это место суда огородили и покрыли сверху крышей. Возник, таким образом, большой сарай или манеж, в котором суда могли быть надёжно защищены от дождя и влаги. Усиливалась охрана при судах: сторожа поставлены были по поручительству. Начаты розыски пропавшего корабельного имущества.

Скоро ли и в какой степени осуществлены были эти меры, за отсутствием документальных данных сказать ничего нельзя. Одно несомненно, что навес над судами в намеченном месте был устроен. Таким образом положено было начало новому характеру бережения флотилии. Веление императора было исполнено.

Принятый при жизни способ хранения судов остался неизменным и после смерти Петра. Иных приёмов, более отвечающих положению дел, не применялось. Главное и почти единственное внимание было обращено на поддержание сооружения над кораблями, в его поправках и починках видели панацею от всех зол. Берегли больше всего футляр судов.

Но и относительно футляра приходится оговориться. С большой вероятностью можно думать, что при Петре I он выстроен был небрежно и также небрежно и дурно возобновлялся в последующее время. По крайней мере, через шесть лет после первоначальной постройки его пришлось перестраивать в 1728 году, через два года в 1730 году ремонтировать основательно, — ещё через семь лет в 1737 году заново перестраивать. Следовательно, на пятнадцати годах возобновляется три раза. Если считать, что разрушительно влияла болотистая местность, на которой было выстроено здание, то и в таком случае приходится признать ремонт его чрезмерно частым.

ЧЕРНОВИК

В результате такого положения вещей в 1737 году состояние флотилии, в главной её массе, было безнадёжным. «Ветхие корабли», как характеризует их официальный документ, продолжали приходить в ещё большую ветхость и неминуемо шли к полному разрушению.

Их находилось в то время на хранении в сарае 87 — больших и малых. Важно отметить эту цифру: она свидетельствует о том, что вся флотилия заключала в себе большое число судовых единиц, точное число которых неизвестно до сих пор. Вероятно, она достигала сотни и в общем своём виде в лучшую пору существования представляла внушительную картину.

Но теперь были одни гнилушки, а над ними возвышался гнилой пошатнувшийся сарай. Крыша его пропускала «великую течь», местами обвалилась, всё здание готово было рухнуть.

Такое состояние замечено было, наконец, властями в мае 1737 года. Открыл его неграмотный капрал Василий Бакшеев, служивший при Переславской Провинциальной канцелярии. Указав в своём отношении, написанном для него копиистом Леонтием Щелиновым, это обстоятельство, он просил (11)
«показанную ветхость осмотреть и описать».

Провинциальная канцелярия по этому поводу дала своему копиисту Илье Гаврилову «инструкцию», чтобы тот взял понятых «сколько человек пристойно, знающих людей добрых и прожиточных» и при их посредстве осмотрел и определил положение судохранилища. «И буде явится какова ветхость», составил смету на материал и работу, а результаты осмотра вместе с проектом сметы представил в канцелярию.

Комиссия нашла, что «у того сарая явилась ветхость, с обеих сторон того сарая столбы, в которые забраны брёвна вокруг того сарая, пошатнулись, некоторые подгнили от земли, также и брёвна, которые забраны в тот забор, внизу подгнили же и крыша того сарая во многих местах обвалилась». На починку замеченных неисправностей определено: на материалы от 27 рублей 60 копеек до 34 рублей и за работу 30 рублей.

Но пока производили осмотр и составляли смету на «ветхие корабли», рухнула половина крыши сарая.

Московская Губернаментская канцелярия, в которую направлено было дело из Переславской провинции, ответила по этому поводу: «для сбережи в той провинции остатков кораблей, яхт и галер, кровли и заборы, без чего по самой крайней нужде пробыть невозможно, починить, а чего починить невозможно, вновь построить, как наикрепчае, дабы впредь частых починок не требовало. А на построение деньги в расход держать без излишества из не положенных в стат доходов той провинции». Вместе с тем переславскому воеводе князю Щепину-Ростовскому было приказано, чтобы «оное строение построено было без всякой передачи, а ежели что построено будет плохо, и оное взыщется на нём»...

Привести в исполнение это дело было поручено стольнику Ивану Дмитриевичу Родышевскому, помещику сельца Вашутино Переславского уезда. За ним командирован был солдат Яков Щербаков, чтобы «взять в том сельце оного Родышевского самого для интересного дела, а взяв привести в Переславль-Залесский и объявить в Провинциальной канцелярии».

ЧЕРНОВИК

Здесь выдали назначенному строителю определённые сметой на материалы деньги (34 рубля) и снабдили инструкцией из следующих четырёх пунктов:

1. чтоб материалы были куплены без перерасхода и расходовавшиеся деньги записывались в особую шнуровую тетрадь;
2. чтобы при разборке сарая не повредить остатки хранившихся там судов и постройку произвести наивозможно крепче;
3. чтобы о всех непредвиденных им сверхсметных расходах доносить в провинциальную канцелярию и без её ведома ничего не делать;
4. в шнуровую тетрадь всё расписывать «со обстоятельством» и по окончании дела представить её в канцелярию.

По публикации, нужно сказать, написанной от руки провинциальным копиистом, были вызваны плотники. На вызов явились и взяли подряд крестьяне с. Веськова — Иван Гаврилов и Василий Тимофеев за 42 рубля. Им было поставлено в условие, чтобы весь старый сарай разобрать до основания, выбрать годный к употреблению материал и пустить его в дело, кораблям повреждений не причинять; — новые столбы ставить с крестовинами, кровли крыть с берестою, дабы «от дождя не было с той кровли в тот сарай никакой течи».

Во время производства работ выяснилось, что на материалы предусмотренных сметой денег не достанет. Родышевский просил добавить 20 рублей, что и было ему разрешено.

В самом начале ноября того же 1737 года он доносил, что плотники произвели работу по условию; где нужно, произвели починку, а чего починить было невозможно, вновь построили. Вместе с тем представил в Провинциальную канцелярию отчётность о произведённых им расходах.

Всего оказалось в расходе на материалы 42 рубля 22 копейки и за работу 42 рубля, итого в конечном итоге 84 рубля 22 копейки.

Нет сомнения, что в течение последующих лет таких ремонтов судохранилища производилось немало, но для полной истории этих подробных сведений доколе не имеется. Тем не менее, и по отрывочному эпизоду можно составить себе довольно правильное представление о положении дела, в особенности если известен печальный исход его. Остальное могло быть в таком роде, или же даже хуже.

В то время как потешная флотилия ветшала и разрушалась, в самом Переславле-Залесском, вблизи его, при с. Веськове, происходил тот же процесс с бывшим Петровским дворцом и остатками хранившегося там корабельного снаряжения и судов. В соответствии с тем, что находившуюся в Переславле флотилию оберегали переславцы — дворец на горе Гремяч с его надворными постройками и разным корабельным имуществом был на ответственном хранении общества крестьян дворцового села Веськова. Они обязаны были нести караул и наблюдать за целостью находящегося здесь имущества.

В 1748 году здесь было мёртвое царство. Насколько полвека назад кипела жизнь, было множество разнообразного и разноязычного люда: царедворцев,
(12) иноземцев, корабельных плотников и мастеровых, настолько теперь всё было

ЧЕРНОВИК

тихо и пустынно. Мрачные и обветшавшие здания стояли одиноко и одно за другим сгнивали и выводились из строя.

Таким образом, забытою оказалась не только бывшая потешная флотилия, а и всё остальное, что было связано с ней. Исключения не было сделано ни для чего. Во всей совокупности вместе с постройками и разного рода сооружениями силою хода вещей всё было оставлено на заднем плане, оказалось ненужным, доживавшим свои дни.

17 мая 1748 года веськовский староста Иван Иванов и выборный Лукъян Фёдоров доносили в Переславскую провинциальную канцелярию, что в одной из светлиц, находящихся при дворце, провалился потолок. В этой светлице окна и двери забиты накрепко гвоздями, что там хранится, они не знают и просят произвести освидетельствование случившегося.

Вследствие этого была наряжена комиссия, которая обнаружила там разные корабельные вещи.[1]

Куда они попали потом, из дела не видно, но можно думать, что их перенесли в другую ветхую светлицу и там сложили. Возможно, что часть их сохранилась до настоящего времени и находятся в существующем на «Переславском Ботике» музее.

Под стать общему разрушению в таком же виде находился дворцовый сад. Он был разбит на значительном пространстве во времена Петра I и состоял из ягодных кустов, фруктовых и декоративных деревьев. Раньше здесь находился дворцовый садовник, а потом за ним был поручен надзор и уход Переславской дворцовой садовой слободы садовникам. На их обязанности лежало «охранять, и расчищать, и для караулу при том быть безотлучно».

К 1748 году никакой загородки около сада не было. Пользуясь этим, веськовская молодёжь производила опустошение то ягод, то фруктов, смотря по сезону. Выведенные из терпения садовники обратились в Провинциальную канцелярию с просьбой, чтобы обязать веськовских крестьян огородить его пристойным образом. Канцелярия согласилась и потребовала, чтобы сельский староста Иван Иванов дал в этом подписку. Но тот, ссылаясь на отсутствие специального дворцового распоряжения, «упрямством руки не приложил».

Так из этого ничего и не вышло. Фрукты и ягоды продолжали находиться в опасном положении, но, тем не менее, часть их выращивалась, продавалась, и вырученные суммы поступали в доход дворцового ведомства.

Интересно с нашей точки зрения, как это делалось. Садовники давали знать в Земскую Избу или Провинциальную канцелярию, что поспели такие-то ягоды или фрукты. Отсюда высылались специальные оценщики, которые определяли, сколько именно можно продать и сколько за них выручить.[2]

Так, в августе 1748 года садовники доносили, что «яблонях на 15 деревах имеются ныне выросслью яблок разных вкусов на каждом по небольшому числу, а по скольку именно показать невозможно, и подлежат оные с тех дерев к снятию». Вследствие этого командирован был в Веськовский сад дворянин

[1] Московский Архив Министерства Юстиции, Переславля-Залесского уездного суда, опись 9, вязка 3, дело № 77.

[2] Московский Архив Министерства Юстиции, опись 5, вязка 1, дело № 4.

ЧЕРНОВИК

Ларион Ляпунов. Ему было приказано, «призвав торгующих яблоками купцов, оные продать, смотря казённой прибыли и что по продаже за те яблоки денег будет взято объявить на приходе в Переславле, также и всё то исполнение в Провинциальной канцелярии при рапорте немедленно». Когда сняли яблоки, их оказалось шесть четвериков. [157 л] Цена на них определена была по десяти копеек за четверик. И, таким образом, выручено было 60 копеек, поступивших в дворцовый доход. Об этом был составлен официальный акт.

Печальный конец Веськовского дворца и сада известен. И хотя подробности его дальнейшего существования мы почти не знаем, но для нас ясна суть его судьбы.[1]

Смирнов, М. И. Забытая «потеха»: из истории Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский: Государственная типография № 12, 1919. — Т. 4. — С. 9—12.

[1] Московский Архив Министерства Юстиции, опись 5, вязка 1, дела №№ 9, 10, 18, 20, 33; опись 8, вязка 4, дело № 111; опись 9, вязка 3, дело № 77.

ЧЕРНОВИК

Указатели

ЧЕРНОВИК

ЧЕРНОВИК

Географический указатель

Аламово деревня 17
Александрова гора 56
Амстердам город 31, 79
Архангельск город 30, 31

Балтийское море 30
Белое море 30, 32, 79
Болгарское царство 16
Большая Песошница урочище 35
Большие Соли село 30, 81

Васильки село 13
Вашутино село 87
Веськовка река 10, 11
Веськово село . . 10, 11, 13, 19, 20, 23, 30, 32, 35–37, 52–61, 78–81, 83, 85, 86, 88
Вёкса река 31, 79
Вёски село 37, 41
Владимир город 38, 46, 49, 50, 57
Владимирская губерния 46
Вознесенский овраг 24
Волга река 16, 31, 79
Вологда город 22, 33
Выползова слободка 42
Вязники город 47

Городища село 13
Гремяч гора 10, 11, 23, 24, 28, 35, 36, 38, 58, 60

Дубовицы деревня 17
Дядкино деревня 17

Женева город 29

Измайлово село 17, 19, 33

Калязинский тракт 10
Каспийское море 79, 85
Клещин город 11
Князёк холм 10
Коломенское село 22
Кубенское озеро 22, 30
Куротня река 17

Ла-Гуг мыс 30

Маринкино озеро 38
Мемека гора 11, 21
Москва город . . 20, 22, 23, 27, 28, 30, 32, 33, 35, 44, 46, 47, 50, 60, 78
Москва река 26, 33
Муром город 47

Нагорье село 41
Нерль Волжская река 31, 79

Очаков город 44

Пенза город 46
Петрозаводск город 35
Плещеево озеро . 9–11, 17, 22, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 37, 38, 40, 41, 52, 54, 57, 65, 78, 84
Плющиха улица 51

Родионцево деревня 16, 17
Рыбная слобода 25, 57, 83, 85

Саардам город 21
Санкт-Петербург город 20, 27, 35, 44, 53, 56, 57
Семендяйка село 60
Сокольники деревня 17
Соломидино село 16, 19
Сомино озеро 31, 79

Трубеж река 20, 26, 27, 32, 34, 35, 41, 78–80, 85, 86

Франция 45

Хахилевский овраг 17

Швеция 45
Шуя город 47

Ярославль город 33
Яуза река 33

ЧЕРНОВИК

Именной указатель

Ааронова У. крестьянка 19
Авиат-де-Вате К. переводчик 46
Аксаков С. Т. писатель 50
Алексей Петрович царевич 23, 28
Апраксин С. С. генерал 41, **53**
Апраксин Ф. М. генерал-адмирал . 27

Бакшеев В. капрал 87
Балашов Д. художник 84
Бекетов Д. А. КТО 64
Беляев Е. чиновник 60
Бередников Я. историк 62
Борисовский М. И. купец 59
Брант К. голландец 19–22, 25, 78
Бутаков Н. Д. ротмистр 37, 80
Бутакова А. Н. дворянка 41, 53
Быков Г. мещанин 34, 86

Василий Дмитриевич великий
князь 16
Васильев Я. подьячий 83
Взимкова Н. И. дочь дьяка ... 23, 33
Волков Г. художник 84
Волконский С. А. князь 44
Воронин Я. В. корабельщик .. 26, 27, **34**
Вяземский А. А. князь **77**, 82

Гаврилов Ив. крестьянин 88
Гаврилов Ил. копиист 87
Гладкова В. В. купчиха 59
Гладкова Т. В. купчиха 59
Голицын М. И. князь 59
Гордон П. генерал 23, 26, 28
Горенкина В. Д. дворянка **64**
Горич И. П. казак 44
Гранкин А. Д. городничий **43**

Денешка И. гончар 23, 65
Деулин С. плотник 31
Долгорукая (Смирнова) Е. С.
княгиня **44**, 46, 49
Долгорукий И. М. князь . 38–51, **52**, **65**
вице-губернатор 46
военная служба 44
воспитание 44
губернатор 46
литературные вечера 50
театр 50
Дохтуров Я. А. воевода **81**, **83**
Дюнант А. Е. вице-губернатор 50

Евдокия Фёдоровна царица 22, 23, 28
Екатерина II царица ... 37, 38, 56, 58
Емельянов И. Т. дворянин **53**, 54–58

Жеребцов И. А. архитектор 58

Загоскин М. П. писатель 50
Золотой П. художник 84
Зузин А. Р. прокурор **48**

Иван IV Грозный царь 20
Иванов Е. художник 84
Иванов И. староста 89
Ильинский А. Е. смотритель
училищ 78

Кампиони А. С. художник **58**
Кардовский Д. Н. художник 65
Карцов Д. подключник 83
Карцов Р. стряпчий 83
Карцов С. подключник 83
Кашинцев И. бургомистр 34
Класс голландец ... 21, 25, 31, 78, 84
Ключевский В. О. историк 18
Корт голландец 21
Костоусов Г. художник 22, 84
Красильников Я. купец 59

Ладогин Ф. бурмистр 79
Ласточкин Д. А. гидробиолог 65
Левицкий Д. Г. художник 65
Лефорт Ф. Я. генерал . 23, 26, 28–31
Лихарев Я. М. член суда **39**

ЧЕРНОВИК

Лопухин П. А. боярин **83**
Лопухин П. В. князь 48
Ляпунов Л. дворянин 90

Мазиловский С. художник 84
Малентьев С. художник 84
Меэтье А. Б. голландец 21, 25

Найдышев И. староста 34
Нарышкин Л. К. боярин **29**
Наталья Алексеевна царевна .. 28, 33
Наталья Кирилловна царица .. 21, 28
Нелидова К. дворянка 53
Нелидовы дворяне 53
Нечаевы дворяне 53
Николай I царь 57
Николай II царь 61
Новиков И. художник 23, 64

Павел I царь 48
Панов Я. М. воевода **81–83**
Пётр I царь 19–23, 25–35, 38–41, 43, 56–60, 78, 81, 85
Пётр III царь 37
Плохово С. А. дворянин 52
Повалишин Г. И. дворянин 60
Пожарская А. А. княгиня 49
Полосухин Н. художник 84
Попов Д. купец 59
Посников Г. дьяк 83
Пришвин М. М. писатель 65

Редриков М. стряпчий 32, 83
Родышевский И. Д. стольник . **87**, 88
Родышевский И. И. дворянин **43**
Розов А. учитель 59, 63
Ромодановский Ф. Ю. князь . **26**, 28, 79

Савельев П. С. археолог 10, 63
Сазонов А. художник 84
Селивёрстов М. художник 84
Семен А. издатель 59
Соловьёв Н. КТО 64
София Витовтовна великая княгиня 16
Софья правительница 22
Спиридов М. Г. историк **41**
Спицын А. А. археолог 11
Суслов сторож 56

Тимофеев В. крестьянин 88
Трощинский Д. П. статс-секретарь 39
Тургенев С. воевода 83

Уваров А. С. граф 10
Угрюмов купец 38
Угрюмов М. А. дворянин **39**, **52**

Феофилакт Горский епископ 37
Фёдор Андреевич боярин 16
Фёдоров Л. крестьянин 89

Хвостов Д. И. граф **42**

Чечелёв А. купец 59
Чичерин В. П. воевода **77**, 78, 81, 82

Шац штабс-капитан 54
Шелудяков шкипер 35, 80
Шсельтем Н. голландец 25

Щедритский И. А. учитель **42**
Щелинов Л. копиист 87
Щепин-Ростовский князь 87
Щербаков Я. солдат 87

Юшков чиновник 57

Ян голландец 31

ЧЕРНОВИК

Предметный указатель

16-я артиллерийская бригада 59

амбары соляные 43

Белый дворец 59
бельведер 61
больница в Переславле 43
Большой театр 59
бот «Фортуна» ... 9, 36, 38, 52, 56, 60

весь племя 10

городничий 43
гостиный двор 43
губернатор 54, 57

дворянские выборы 48
дворянство владимирское 47
деловой двор ... 23, 24, 32, 35, 36, 78, 79, 83
день леса 65
дровяной двор 24

Каспийский флот 31
крестный ход 26–28, 41, 59
купечество владимирское 47
курганы 10–16
  датировка 12, 13
  одежда 14
  оружие 15
  украшения 13

меря племя 10
Московский полк 44

навес над судами 86, 87
Ништадский мир 33

остожный двор 24

памятник Петру I 10, 11, 58
Персидский поход 80, 85
Петровский дворец 88
пожар 35, 80
Политехническая выставка 60
потешная флотилия 77, 78
потешное войско 26
потешный двор 23, 24
предводитель дворянства губернский 54, 57, 60
предводитель дворянства уездный 39, 43, 52–54, 60
Прутский поход 33

рекрутский набор 48
рескрипт о ботике 39–41, 52
Рождественские ворота 85, 86

сарай корабельный 35
Семёновский полк 44

триумфальная арка 58
тюрьма 43

Углицкий егерский полк 59
указ воеводам переславским .. 33, 43, 63, 80, 85
Украинский мушкетёрский полк ... 41

ярмарка 47

ЧЕРНОВИК

Церковный указатель

Введенская церковь (в Рыбаках) . . . 26
Введенская церковь (Фёд.) 33
Вознесенская церковь 24

Георгия церковь (Веськово) 17

Знаменская церковь 32, 35, 78, 80, 85

Иоанна Богослова церковь 32, 85

Казанская церковь 33

Сорока мучеников церковь 26
Спасо-Преображенский собор 16

ЧЕРНОВИК

Указатель монастырей

Борисоглебский Песоцкий монастырь 34

Горицкий монастырь . . . 16, 17, 19, 20, 25, 30, 56, 81

Данилов монастырь 25, 28
Донской монастырь 51

Никитский монастырь . . 20, 25, 41, 59
Николо-Угрешский монастырь 22

Троице-Сергиева лавра 19

Фёдоровский монастырь 23, 25, 33

ЧЕРНОВИК

Указатель организаций

Ботик музей-усадьба
- брандмауэр 55
- выкуп поместья 58
- здание 53
- опись 1833 года 62
- опись 1852 года 63
- опись 1897 года 64
- открытие 41
- петровский отдел 64
- ремонт 53
- ротонда 59, 65
- сад 37, 89, 90
- сторожка 54

Вольное российское собрание 44

гимназия Владимирская 49
Губернаментская канцелярия 87

Исторический музей 13

камер-коллегия 35, 80

Министерство внутренних дел 57

Общество любителей российской словесности 50

Переславский музей 61, 64
приказ
- Большого дворца 83
- пушкарский 21

Провинциальная канцелярия 34, 87–90

Румянцевский музей 13

Сенат 53
Соляная контора 46
строительная комиссия 54

университет Казанский 82
университет Московский . . . 44, 49, 65

ЧЕРНОВИК

Указатель цитируемых авторов

Gordon P. 67

Posselt M. 20, 67

Аксаков С. Т. 72
Анофриев В. 72
Анциферов Н. П. 65, 67
Арсеньев А. 82

Барсуков А. П. 72
Барсуков Н. П. 72
Бартенев П. И. 72
Беляев Е. 60, 67
Благово Д. Д. 72
Богданов С. Н. 58
Брикнер А. Г. 67

Вяземский П. А. 72

Геннади Г. Н. 72
Георгиевский В. Т. 67
Голиков И. И. 26, 67, 80
Греч Н. И. 72
Губерти Н. В. 72

Диев М. Я. 81
Дмитриев М. А. 45, 50, 72
Доброхотов В. И. 67
Долгорукий И. М. 50, 72
Долгоруков И. М. . 38, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 51, 73
Долгоруков П. В. 73
Долгорукова Н. Б. 73

Евгений (Болховитинов), митрополит 73

Иваненко Б. В. 5
Иконников В. С. 73

Канчаловский П. П. 68
Келлер барон 25, 26, 28, 30
Кирьяк Т. П. 73
Ключевский В. О. 27
Косаткин И. 68
Круглов А. В. 23
Кузнецов С. К. 10
Куракин Б. И. 26, 68

Лонгинов М. 73

Майков Л. Н. 73
Макаров М. Н. 73
Мамонтов С. 68
Меморский Н. М. 68
Модзалевский Б. 72

Неустроев А. Н. 73

Остолопов 73

Писарев Н. И. 73
Плишкин П. 16
Полевой Н. А. 21, 68

Радич В. А. 69
Ранг М. М. 69, 74
Ровинский Д. А. 74
Розов А. 69, 80, 81

Свирелин А. И. 23, 69
Смирнов М. И. 69, 84, 85
Снигирёв И. М. 74
Соловьёв Н. И. 70
Соловьёв Н. Н. 64, 70
Соловьёв С. М. 70
Спицын А. А. 11, 13
Строев П. М. 74
Стромилов Н. С. 70

Танков А. 70
Титов А. А. 16
Тихонравов К. Н. 70, 79
Трефолев Л. 74

Уваров А. С. 10, 12, 13
Успенский А. И. 84
Успенский Д. 40
Устрялов Н. Г. . 19, 21, 22, 27, 30, 70, 78, 80, 81

Фадеев А. М. 74

Хвостов Д. И. 70, 71, 74

Шевырёв С. П. 74
Шумигорский Е. С. 74

ЧЕРНОВИК

Хронологический указатель

1174 Начало Переславль-Залесского княжества 16

1302 Конец Переславль-Залесского княжества 16

1406 Веськово принадлежит великому князю Василию 16
1425 Смерть великого князя Василия 16

1668, 1 марта Жители села Веськово продают дрова в село Измайлово 17
1688, июнь Пётр нашёл в Измайлове бот 19
1688, июль Началась подготовка к постройке потешной флотилии 21
1688, июль Первый приезд Петра I в Веськово 19
1689, январь Началась постройка потешной флотилии 21
1689, 20 апреля Письмо Петра I к царице Наталии Кирилловне 21
1689, июнь Пётр уезжает из Переславля 22
1689, 2 июня Умер корабельный мастер Корт 21
1690, 27 апреля Пётр плывёт на яхте в село Коломенское 22
1691, 3 ноября Написан указ о постройке дворца в Веськово 22, 81, 83
1691, 19 ноября Письмо Петра I к царице Наталии Кирилловне 25
1691, декабрь Начинается постройка пяти крупных кораблей 24
1692, 8 февраля Пётр приезжает в Переславль 25
1692, 26 февраля Пётр уезжает из Переславля 25
1692, 3 марта Пётр приезжает в Переславль 25
1692, 12 марта Пётр уезжает из Переславля 25
1692, 5 апреля Пётр приезжает в Переславль 25, 27
1692, 25 апреля Патрик Гордон приезжает в Переславль 26
1692, 30 апреля Пётр уезжает из Переславля 25
1692, 1 мая Пётр приезжает в Переславль 25
1692, 1 мая Спуск на воду корабля, построенного Петром 26
1692, 2 мая Патрик Гордон уезжает из Переславля 26
1692, 9 мая Пётр уезжает из Переславля 25, 27
1692, 8 июня Умер корабельный мастер Карштен Брант 25
1692, 22 июля Пётр приезжает в Переславль 25
1692, 22 июля Царский двор выезжает из Москвы в Переславль 28
1692, 31 июля Пётр уезжает из Переславля 25
1692, 1 августа Крестный ход на Плещеево озеро 26, 28
1692, 1 августа Мелкие потешные суда привезены из Москвы 78
1692, 1 августа Пётр приезжает в Переславль 25
1692, 13 августа Патрик Гордон приезжает в Переславль 28
1692, 25 августа Франц Лефорт приезжает в Переславль 29
1692, 26 августа Именины царицы Наталии Кирилловны 29
1692, 28 августа Патрик Гордон уезжает из Переславля 29
1692, 28 августа Пётр уезжает из Переславля 25
1692, сентябрь Пётр уезжает из Переславля 25
1693 Пётр меняет монастырское село Веськово на село Большие Соли 30, 81

ЧЕРНОВИК

1693 Пётр переносит флотские работы на Белое море ... 79
1693, 27 февраля Пётр уезжает из Москвы в Переславль ... 30
1693, 7 апреля Пётр возвращается из Переславля в Москву ... 30
1693, май Пётр окончательно оставил потешную флотилию ... 84
1693, 4 мая Пётр приезжает в Переславль ... 30
1693, 22 мая Пётр уезжает из Переславля ... 30
1694 Пётр посещает Переславль ... 32
1695, 25 ноября Пётр посещает Переславль ... 32
1696, 10 сентября Воевода Дохтуров осматривает потешные суда ... 81, 83
1696, 12 октября Пётр посещает Переславль ... 32
1697 Пётр вспоминает о корабле из потешной флотилии ... 85
1697, 31 декабря Пётр предлагает вывести корабль в Волгу ... 31, 79

1701, 16 января Пётр приказывает готовить дворец к посещению ... 32
1702 Пётр приказывает беречь суда на берегу ... 32
1710 Наталья Взимкова строит Введенскую церковь ... 33
1711, март Пётр посещает Переславль ... 33
1715 Наталья Взимкова строит Казанскую церковь ... 33
1722 Навес над судами выстроен на берегу Трубежа ... 86
1722 Пожар в Горицком монастыре ... 17
1722, 7 февраля Пётр пишет указ воеводам переславским ... 33, 80, 85
1724, 21 марта Пётр посещает Переславль ... 35
1728 Навес над судами перестроен ... 35, 86
1730 Навес над судами ремонтируется ... 35, 86
1737, май Капрал Бакшеев обнаружил разрушение навеса над судами ... 35, 87
1737, ноябрь Навес над судами перестроен ... 88
1748 Сад на Ботике уже без ограды ... 89
1748, 17 мая Провалился потолок в светлице дворца на Ботике ... 89
1748, август Сад на Ботике дал яблоки ... 89
1762, 7 декабря Веськово передано ротмистру Бутакову ... 37
1764, 7 апреля Родился И. М. Долгорукий ... 44
1772 Плещеево озеро вернулось в дворцовое ведомство ... 37
1772, 8 мая Камер-коллегия указывает поднять потешные суда на берег ... 80
1772, 25 июля Воевода Чичерин пишет донесение о ботике ... 77, 82
1775 И. М. Долгорукий прапорщик Семёновского полка ... 44
1780 И. М. Долгорукий окончил университет ... 44
1783 Пожар уничтожил потешную флотилию ... 35
1786 И. М. Долгорукий женится на Е. С. Смирновой ... 44
1788 И. М. Долгорукий пишет первое стихотворение ... 44
1788, 6 декабря Взята крепость Очаков ... 44
1790, 1 января И. М. Долгорукий произведён в капитаны ... 45
1790, 31 марта И. М. Долгорукий отправлен на войну со Швецией ... 45
1791 И. М. Долгорукий вышел в отставку ... 46
1791, 19 сентября И. М. Долгорукий вице-губернатор в Пензе ... 46
1797 И. М. Долгорукий покинул Пензу ... 46

1802, 8 февраля И. М. Долгорукий губернатор во Владимире ... 46
1802, март Губернатор И. М. Долгорукий посещает Веськово ... 38
1802, 10 июля Царский рескрипт о сооружении музея Ботик ... 40
1802, сентябрь Помещица Бутакова получила рескрипт о музее Ботик ... 52
1803 Ботик замурован в ботном доме ... 60
1803 Посажены берёзовые аллеи в музее Ботик ... 65

ЧЕРНОВИК

1803, 1 августа Открыт музей Ботик ... 41
1803, 13 августа Помещица Бутакова согласна устроить сторожку на Ботике ... 52
1804 Открыта гимназия во Владимире ... 49
1804, 12 мая Умерла Е. С. Долгорукая (Смирнова) ... 49
1807 Пленные французы присланы во Владимир ... 46
1807, январь И. М. Долгорукий женится на А. А. Пожарской ... 49
1810, май Губернатор И. М. Долгорукий посещает Веськово ... 42
1812, 23 марта И. М. Долгорукий оставляет губернскую службу ... 50
1813 И. М. Долгорукий переезжает в Москву ... 50
1823, 4 декабря И. М. Долгорукий умер ... 51
1828 Помещики Нелидовы получили село Веськово ... 53
1833 Музей Ботик ремонтирован дворянами ... 53
1833 Учёный Бередников сделал опись вещам в музее Ботик ... 62
1836, 27 апреля Решено устроить сторожку в усадьбе Ботик ... 53
1840, 4 апреля Помещик Емельянов получил село Веськово ... 53
1842 Помещик Емельянов принят во владимирские дворяне ... 54
1842 Построена сторожка в усадьбе Ботик ... 54
1845 Помещик Емельянов построил дом в усадьбе Ботик ... 54
1846, 5 декабря Помещик Емельянов получает выговор ... 57
1847, 11 июля Веськово стало собственностью владимирского дворянства ... 58
1850, 17 августа Заложен памятник Петру в музее Ботик ... 58
1852 Учитель Розов сделал опись вещам в музее Ботик ... 63
1852, 17 августа Открыт памятник Петру в музее Ботик ... 59
1853, 14 июня Заложен Белый дворец в музее Ботик ... 59
1853, 18 июня Археологические раскопки графа А. С. Уварова начались ... 10, 11
1853, 6 июля Археологические раскопки графа А. С. Уварова закончились ... 11
1853, август Археолог Савельев передал экспонаты в музей Ботик ... 63
1872, 30 мая Двести лет со дня рождения Петра I ... 60
1897 Соловьёв сделал опись вещам в музее Ботик ... 64

1913 Построен деревянный бельведер в музее Ботик ... 61
1913, 23 мая Николай II посещает музей Ботик ... 61
1919, 4 марта Усадьба Ботик передана Переславскому музею ... 61

1925 Писатель Пришвин заселился в Белый дворец в музее Ботик ... 65
1926 Музей определяет границу усадьбы Ботик ... 61
1926 Писатель Пришвин покинул Белый дворец в музее Ботик ... 65

ЧЕРНОВИК

Не отысканные работы

что	откуда	подозрения
статья о Старом соборе	2-kak.t	газета "Паломник"
проповедь «О послушании»	04-poriadok.t	
статья про рубль	2-kak.t	у Ивана Успенского
отповедь в Наркомзем	03-muzei.t	архив НКЗ
обязательное постановление о природе	03-muzei.t	РФ ГАЯО
записка в исполком о переезде музея	03-muzei.t	РФ ГАЯО
записка о музее и УОНО	03-muzei.t	ГАВО
рукопись о Николае Мирликийском	smi-borodin1947.t	ГАЯО Р-913
из «Антирелигиозника» номер 7	дневник 25 6 41	
Братья Покропаевы	дневник 5 03 42	
О Даниеле Заточнике	дневник 5 03 42	
О Сусанине план	дневник февр 42	
О Скобелеве план	дневник февр 42	
Под властью хана	дневник 9 07 42	
Краеведная беллетристика	заметки 1926	Ник. Пав. Анциферов
Рецензия на Поступальскую	1-1941pre.t	
письмо ЛС Богданову	дневник 25 02 42	
письмо АИ Яковлеву	дневник 1 01 42	
письма Пришвину	заметки 1926	
письма в Архангельск ЛС Китицыной	дневник 28 07 42	
письмо из Черкизова к Бородиным	smi-borodin1947.t	
письма в Исторический музей	3-muzei.tex	Вас. Андр. Городцов
письма ДО Святскому	smi-svi-1937-01-17	

ЧЕРНОВИК

Оглавление

От редакции 5

Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского

Введение 9
I. Веськое (Веськово) 10
II. Колыбель русского флота 19
III. Петровский Музей 36
IV. Усадьба «Ботик» в XIX—XX столетиях 52
Литература о Переславской флотилии и Петровском Музее на Ботике . 67

Статьи

«Справка» о Переславской флотилии Петра Великого 79
Забытая «потеха»: из истории Переславской флотилии Петра Великого 86

Указатели

Географический указатель 95
Именной указатель 96
Предметный указатель 98
Церковный указатель 99
Указатель монастырей 100
Указатель организаций 101
Указатель цитируемых авторов 102
Хронологический указатель 103

Не отысканные работы 106

ЧЕРНОВИК

Научно-популярное издание

Смирнов Михаил Иванович

Собрание сочинений
Том 11
Усадьба Ботик

Редактор А. Ю. Фоменко.

Книга подготовлена в программе LaTeX. Подписано к печати 23 января 2027 г. Формат 21×29,7/1. Гарнитура литературная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,47. Уч.-изд. л. □.

Переславская краеведческая инициатива.
100000, Россия, Москва,
2 Владимирская улица, дом номер.
Телефон (906) 713-62-16

Размещено в интернете на сайте
http://pki.botik.ru.

ЧЕРНОВИК